ТАРТУ 1982

IX ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Часть II

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ЭСТОНСКОЙ ССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

IX ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Тезисы докладов

Часть II

ТАРТУ 1982

Р Е Д К О Л Л Е Г И Я:

д.и.н. Х. А. Пийримяэ (ответств. редактор), д.филол.н, В. П. Берков (редактор II тома), к.искусствовед. М. И. Безрукова, к.геогр.н. М. М. Вабар, д.и.н. А. С. Кан, д.и.н. акад.АН ЭССР Ю. Ю. Кахк, к.филол.н. Е. А. Мельникова, д.и.н. Г. А. Некрасов, М. Н. Раудар (редактор), к.и.н. Ю. Я. Селиранд, д.и.н. Э. В. Тарвел, к.филол.н. Г. В. Шатков

Arh.
Tartu Ülikooli
Raamatukogu
KUSTUTATUD 7331

© Тартуский государственный университет, 1982

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ IX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ.
Часть II.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, I8.
Ответственный редактор Х. Пийримяэ.
Корректор М. Раудар.
Подписано к печати 26.04.I982.
МВ 03781.
Формат 60x84/I6.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 8,84.
Учетно-издательских листов 8,42.
Печатных листов 9,5.
Тираж 350.
Заказ № 427.
Бесплатно.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, I4.

С Е К Ц И Я VI

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

I. Подсекция литературоведение

Г. В. Шатков, к.филол.н.
(Москва)

ИДЕЯ МИРА В СКАНДИНАВСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

I. Политическая актуальность и научное значение исследования идеи мира в литературах. Идея мира и традиции передовой общественной мысли. Ленинская теория мирного сосуществования и задачи ее разработки в свете решений XXУI съезда КПСС.

2. Отражение военно-политической истории скандинавских стран в литературе, раскрытие причин и следствий вооруженных конфликтов, выражение мечты народа о мирной жизни и миролюбии людей.

3. Осуждение в "Эдде" и сагах корыстолюбия и кровной мести как главных причин братоубийственных распрей в период разложения родового общества. Фольклорные предсказания о возвращении "золотого века".

4. Идея мира в эпоху феодализма как оппозиционная идея фольклорных произведений (пословицы и поговорки), ее соединение с задачами национального освобождения ("Песня о свободе" епископа Томаса), с обличением грабительских войн ("Шведская хроника" О. Петри).

5. Осуждение Тридцатилетней войны, сочувствие ее жертвам, надежда, что мир принесет людям благополучие, любовь и добродетель - существенные стороны шведской поэзии ХУП в. (Л. Виваллиус, Г. Шернъельм).

6. Крушение шведского великодержавия и усиление антивоенных настроений в ХУШ в.: Я. Фресе, У. Далин, А. М. Денгрен о "непомерных" притязаниях правителей на власть и богатство как с причине войн, утверждение ими мира как предпосылки просвещения и всеобщего счастья. Обличение Л. Хольбергом тупоумия солдафонства и "неразумия" войн, защита им "естественного права" человека на мир.

7. Отрицание в произведениях части романтиков (Г. Х.

Андерсен, Х. Вергеланн) бонапартистских претензий на мировое господство и выражение веры в конечную победу добра над злом, мирного труда над войнами. Скептицизм Э. Г. Гейера и К. Ю. Л. Альмквиста в отношении возможности достичь мира в современных им условиях.

8. Развитие реализма Х. Ибсена, Б. Бьёрнсона, А. Хьелланна, А. Стриндберга и Х. Банга как критического по отношению к капиталистической системе - источнику захватнических войн, гонки вооружений, шовинизма и милитаризма в общественной жизни и в сознании людей. Пацифистская романтика этих писателей, мечтавших о всеобщем разоружении, о международном арбитраже и нравственном совершенствовании человечества в рамках существующего строя.

9. Экспрессионистская реакция П. Лагерквиста, Т. Кристенсена и др. на первую мировую войну и кризис буржуазно-демократической идеологии. Начало преодоления пацифизма в творчестве "клартистов" и писателей, связанных с рабочим движением (М. Андерсен Нексе, О. Гельстед, Х. Кирк, Ю. Чельгрен, Н. Григ и др.), после образования Советского государства, выдвинувшего ленинский принцип мирного сосуществования различных социальных систем и утвердившего мир как важнейшую предпосылку общественного прогресса. Антифашистская борьба этих писателей в 30-е гг. за обеспечение коллективной безопасности в Европе. Вовлечение в эту борьбу новых сил.

10. Литература Сопротивления в годы второй мировой войны (Нексе, Кирк, Х. Расмуссен, Н. Григ, И. Хагеруп, Г. Рейсс-Андерсен, Ю. Борген, В. Муберг и др.): соединение призыва к борьбе против фашистских оккупантов с мечтой о мире, о торжестве социальной справедливости и морального обновления.

11. Литература экзистенциализма и абстрактного гуманизма в условиях атомной угрозы, холодной войны, вступление Дании и Норвегии в НАТО (шведские писатели "сороковых", датские поэты-"еретики", авторы нравственно-психологических произведений С. Хуль, Т. Весос, С. Эвенсму, М. А. Хансен, К. Абель и др.). Движение сторонников мира в 50-е гг., Стокгольмское воззвание и их влияние на творчество Х. Шерфига, В. Хейнесена, О. Гельстеда, А. Лундквиста, Х. К. Лакснесса

и др.

12. Возникновение "неореализма" и др. течений в условиях политической разрядки 60-х - 70-х гг., их антивоенная, антимилитаристская, антинеоколониалистская направленность, их тенденция к предупреждению о грядущей атомной опасности (В. Сёренсен, И. Малиновски, Г. Юханнесен, К. Фалдбаккен, П. К. Ершильд, Ё. Сонневи, Б. Хоканссон и др.). Антивоенные произведения писателей, продолжавших и развивавших традиции обличения буржуазного общества, империалистической политики, фашизма и неофашизма, лицемерия политиканов, социальной пассивности обывателей и т. п. (Е. Бьёрнебу, С. Хёльмебакк, С. Лидман, Х. Шерфиг, В.-А. Линнеман, В. Карлссон, К. Шарнберг и мн. др.).

13. История скандинавских литератур показывает, что идея мира - это идея борьбы против реакции и войны, за мир, социальный прогресс и нравственное совершенство человека. На протяжении многих веков она привлекала к себе всех наиболее крупных мыслителей и художников, а ныне она вдохновляет массовое движение мировой общественности за предотвращение ядерной катастрофы, за разоружение, за исключение войн из жизни общества.

Е. М. Чернявский
(Москва)

АНТИМИЛИТАРИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ХОЛЬБЕРГА

1. Творчество крупнейшего скандинавского просветителя Л. Хольберга отличается необычайной многогранностью, и многие проблемы, в том числе проблему войны и мира, он рассматривал с философской, исторической и нравственно-эстетической точек зрения.

2. В ряде философско-публицистических сочинений Л. Хольберг рассматривает мир как "естественное право" человека, и в этом отношении он идет вслед за своими учителями П. Бейлем, Г. Гроциусом, Пуффендорфом и Томазиусом.

3. В некоторых исторических сочинениях Л. Хольберг отвергает грабительские, захватнические войны, считая их, в духе своего времени, "неразумными".

4. В сатирическом романе о Нильсе Климе он резко выступ-

пает против тех, кто пытается достичь власти, господства над другими народами силой оружия; государству обезьян, где устанавливается военная диктатура, он явно противопоставляет "разумное" государство деревьев.

5. Осмеянию тупости и ограниченности солдафонства посвящены такие комедии, как "Дидрик Меншенскрек" и "Якоб фон Тюбое", а также ряд эпизодов из некоторых других комедий.

6. Антимилитаристские тенденции творчества Л. Хольберга были отмечены передовой критикой Дании, в частности Х. Шерфигом, и их актуальность не раз подчеркивалась в датской прогрессивной печати.

Л. Ю. Брауде, д.филол.н.
(Ленинград)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА АДАМА ЭЛЕНШЛЕГЕРА

I. Признанный основоположник датского романтизма Адам Готлоб Эленшлегер (1779-1850) широко известен у себя на родине и за рубежом как поэт и драматург. Проза Эленшлегера, его литературные сказки, саги и новеллы известны гораздо меньше и не служили предметом специального исследования.

Между тем, его проза составляет значительную часть литературного наследия писателя. Она способствует осмыслению эволюции его общественных, литературно-эстетических воззрений, его творчества.

2. Становление датского романтизма. Уроки Х. Стеффенса, преподанные им в начале XIX в. писателям Дании. Характерные черты и своеобразие датского романтизма, свойственные ему буржуазно-демократические устремления, интерес к национальной старине, преимущественно к дофеодальному периоду жизни скандинавского Севера, преклонение перед фольклором, критическое отношение к феодальному средневековью.

3. Датский романтизм и Эленшлегер. Эленшлегер и Б. Х. Ингеман. Влияние Эленшлегера на Х. К. Андерсена, Х. Херца, Й. Л. Хейберга и др. Черты сходства и отличия между этими писателями. Оригинальная интерпретация основных положений датского романтизма Эленшлегером. Использование им материалов древнеисландских саг.

4. Первые датские литературные сказки. Сочетание эле-

ментов северной мифологии с мотивами и персонажами датского народного творчества в литературных сказках "Сага о Ваулундуре" (1807) и "Сага о Роаре" (1816). Фольклорная победа добра над злом. Положительные герои Эленшлегера - люди труда. Их патриархальность и миролюбие. Противопоставление положительных героев феодалам - завоевателям. Аллюзии на современную Эленшлегеру Европу. Гуманистическая тема любви, торжествующей над разумом. Описания природы.

Литературная сказка "Али и Гульхинди" (1811). Использование восточного сюжета, как одна из характерных тенденций творчества Эленшлегера. Романтический мотив всепобеждающей любви.

5. Патриотизм Эленшлегера, стремление "открыть" тайны древних курганов". Социальный заказ "Общества правильного употребления свободы печати" - обработка Эленшлегером древнеисландских саг. Отбор саг, в которых ярко ощутимы дух старины, героическая сила предков, свободолюбие, глубокие чувства, дерзость, способность к великим подвигам, самоотверженность ("Сага о Регнаре Лодброке", "Эрик Красноречивый", "Сигрид" и др.). Отношение писателя к нравственным критериям саг. Оригинальность трактовки этих произведений.

6. Романтические новеллы Эленшлегера. Противопоставление высоких благородных чувств и сердечных порывов низости, расчетливости, паразитизму и т. д. ("Бледный рыцарь", "Искатели приключений"). Верность романтическим идеалам и элементы готического романа в новеллах "Рейхмут фон Адохт", "Два железных кольца", "Портрет". Нарушение законов времени и пространства ("Поэт среди дикарей", "Безумный Уленшпигель"). Антиклерикальные мотивы в новеллах "Отшельник", "Братья-монахи".

7. Эленшлегер в России. Первая рецензия на произведения датского писателя в журнале "Вестник Европы" (1812). Пересказ отзыва мадам де Сталь об Эленшлегере в русских периодических изданиях. Первые переводы новелл на русский язык (1818, 1824). Творчество датского писателя в русской литературной критике 1830 гг. В. Г. Белинский об Эленшлегере.

В. П. Неустроев, д.филол.н.
(Москва)

КЛАССИКА В ДВИЖЕНИИ ВРЕМЕНИ
(К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ И СРЕДЫ У ИБСЕНА И СТРИНДБЕРГА)

Творения Ибсена и Стриндберга во многом дополняют друг друга и постижимы как в их историческом содержании, так и в "движении времени", и это свидетельствует о богатстве искусства реалистической системы. Социальные и творческие искания скандинавских классиков решительно устремлялись в век двадцатый. Они, как говорил еще Б. Шоу, в условиях, "когда идет борьба против реализма", подтверждают, что в искусстве "высшая цель должна быть вдохновенной, вечной, развивающейся". И потому "драматизация человеческого характера", открытая ими, убедительно демонстрирует прочную связь времен: даже Шекспир "живет благодаря своей близости к Ибсену", да и Стриндберг - "единственный подлинный продолжатель Шекспира в современной драме". Правда, скандинавы, новаторы в искусстве, активные борцы за права личности, принципиальные критики буржуазных установлений, мещанской морали, долго вызывали и острые дискуссии, возражения или стремление "приспособить" их формы философско-символического обобщения к потребностям модернизма (можно напомнить, например, об истолковании позднего творчества Ибсена Джойсом, о "кафкианском" прочтении камерной драматургии Стриндберга и др.).

Естественно, трактовка характеров и среды у каждого из великих драматургов была "своей", "особенной". Но и "индивидуалист" Ибсена и "сверхчеловек" Стриндберга были пронизаны пафосом надежды на героическую личность и по существу несли в себе немалый заряд полемики с ницшеанством, особенно с реакционными его сторонами. Наиболее острым было их обличение милитаризма, прусского шовинизма, полицейских методов государственного управления, подавления прав личности и народа.

Внимание критики нередко концентрировалось на противоречиях в политических и философских воззрениях Стриндберга и Ибсена. И все же многие из их противоречий были свойственны условиям, породившим их: норвежская "крестьянская демо-

2

кратия", несшая в себе немало иллюзий, или открыто империалистические формы принуждения в Швеции - все это порождало либеральные или консервативные настроения, мистицизм, которые, однако, были далеки от выражения компромисса и потому, как неоднократно отмечали исследователи (Х. Бин, Д. Хоконсен, К. А. Чернель, в советской критике - А. Луначарский, В. Адмони, Н. Берковский, Д. Шарыпкин и др.), в действии драмы утверждался постоянный принцип борьбы с обстоятельствами, да и финалы их пьес демонстративно оставались открытыми.

Незыблемым у Ибсена и Стриндберга были антибуржуазные настроения. Это определяло единство их гуманистической концепции и реалистической системы. Огромное значение для каждого из писателей (и многих их современников) имели поиски положительных истин в широком диапазоне - от романтической мечты о народоправии в исторической драматургии, от целенаправленного пафоса героев (типа Бранда, Стокмана, Норы) в социально-психологической драме, посвященной жгучим проблемам современности, вплоть до пристального внимания и интереса к идеям утопического, а затем - правда, непоследовательно - и научного социализма.

Герои Ибсена и Стриндберга, особенно в произведениях "семейных" циклов (как и сами писатели), не были антиподами даже в решении женского вопроса. Обычно ибсеновской идее женской эмансипации противопоставлялось стриндберговское "женоненавистничество", хотя понятно, что каждый из них по-своему протестовал против буржуазных форм брака, против мещанской морали, ханжества и лицемерия. И именно эти традиции продолжают многие известные деятели современного искусства - от Б. Шоу, Л. Пиранделло, Ю. О'Нила до Ф. Дюрренматта, М. Фриша, Э. Ф. Олби, П. Лагерквиста, И. Бергмана и др.

Среде мещанской и ограниченной в творчестве Ибсена и Стриндберга противопоставляются и такие - желаемые - формы "частной" жизни, смысл которых объективно восходил к мысли древних о том, что "частный" человек, не отягощенный и не оскверненный социальной (собственнической) скверной, по праву предстает борцом за истину и справедливость, "настоящим человеком" (Ф. Энгельс). Не потому ли Б. Шоу ибсенистский реализм ассоциировал не только с Золя и Мопассаном, но и с

Платоном. По словам Томаса Манна, и Стриндберг "слишком далеко ушел... вперед как мыслитель, пророк, носитель нового мироощущения": "оставаясь вне школ и течений, возвышаясь над ними, он всех их вобрал в себя". Пафос протеста отличал, по мысли А. В. Луначарского, и Ибсена.

Лучшее из наследия Ибсена и Стриндберга остается на "аванпостах человечества", сохраняет жизненную и эстетическую свежесть, энергию искренности и глубокой правды, активно участвует в отстаивании дела мира и социального прогресса. Поиски связей, "гармонии" в "дисгармоническом" мире - одна из существенных тенденций в искусстве современности, пример служения высоким идеалам человечества.

Т. Н. Красавченко, к.филол.н.
(Москва)

ГЕНРИ ДЖЕЙМС И ИБСЕН

Постановки ибсеновских драм в лондонских театрах в конце прошлого века вызвали в Англии, по словам английского переводчика Ибсена - Уильяма Арчера, "ибсенофобию" и "ибсеноманию".

Разные стадии в своем отношении к Ибсену прошел Генри Джеймс (1843-1916), крупнейший американский писатель, с 1875 г. живший в Англии. Ибсен сыграл важнейшую роль в его творческой эволюции. Однако безоговорочным сторонником Ибсена он стал только в 1891 г. (эссе-рецензия "По поводу Гедды Габлер", июнь 1891 г.).

Сравнивая Ибсена и Шекспира, он, как это ни парадоксально, отдал предпочтение Ибсену ("О превосходстве Ибсена над Шекспиром", 1897), что имело конкретно-историческое объяснение: английская драма находилась в затяжном кризисе, начало которого прослеживали порой в XVII в. В этой ситуации наблюдался поразительный феномен - иноязычная, в данном случае ибсеновская, драма стала явлением английской культуры, стимулировав развитие англоязычной драмы.

Джеймс в 1889 г. начал писать для театра в иллюзорном убеждении, что театр и драматургия - его призвание. Инсценировка его романа "Американец" имела в 1891 г. некоторый ус-

пех. За три года он написал еще пять драм, но поставить их не смог: они были признаны несценичными. Он начал подражать Ибсену (в то время это было свойственно почти всем подававшим надежды английским драматургам - Шоу, Пинеро, Джонсу и др.). В 1895 г. его драма "Гай Домвилл" жестоко провалилась на лондонской сцене. Шоу и Уэллс, присутствовавшие на премьере, полагали, что публика несправедливо обошлась с Джеймсом: его пьеса была сценична и отличалась редкой красотой языка, но не соответствовала "развлекательному канону".

После 1895 г. Джеймс вернулся к созданию прозы. Драматургические "уроки" Ибсена не прошли для него бесследно: в его взглядах на искусство романа, в его художественной практике произошли существенные перемены. Одна из причин неудач его пьес заключалась в том, что его в большей мере интересовало то, что происходит не на сцене, а "под поверхностью", в сознании героев. Свои драматургические идеи он более естественно воплотил в романе: от драматизации событий он перешел к драматизации состояний "ума и сердца". Его романы, особенно поздние - "Послы" (1903), "Крылья голубки" (1902), "Золотая чаша" (1904), - драмы замедленного действия.

Английские литературоведы (М. Эган и др.) исследовали влияние ибсеновского "Росмерскольма" на роман Джеймса "Добыча Пойнтона", "Гедды Габлер" и "Росмерсхольма" - на "Другой дом", "Привидений" - на знаменитую новеллу "Поворот винта". Но сам факт влияния стал возможным благодаря созвучию, сходству, несмотря на идеологические и национальные различия, эстетико-психологического склада этих двух писателей, в творчестве которых реализм, рационализм сочетались с романтизмом, символизмом и порой мистицизмом. Ибсен, по словам Джеймса, владел "подлинным методом", позволившим ему сделать "рискованную инъекцию жизни в свое искусство".

Джеймса привлекали в творчестве Ибсена изображение социальной жизни, "коррозии нравственности" в обществе, способность проникать в суть явлений (у Джеймса постоянна проблема видимости и сущности).

В молодости Джеймс испытывал недоверие к символизму и аллегории, полагая, что они искажают адекватное представление о реальности. Ибсен "показал" Джеймсу, что символизм и

реализм отнюдь не находятся в конфликте, а напротив, усиливают друг друга. "Драма сознания" в поздних романах Джеймса обрела символический масштаб.

Исследование воздействия Ибсена на Джеймса, сравнительный анализ их творчества способствует созданию целостной картины европейского литературного процесса конца XIX в., расширяет рамки распространения реформы, осуществленной Ибсеном в искусстве, включая в сферу ее влияния не только драму, театр, но и роман, и новеллу.

Б. А. Ерхов
(Москва)

АНТИВОЕННАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

I. Беспрецедентная для шведской литературы широта охвата действительности в творчестве А. Стриндберга. Роль писателя в процессе становления национального самосознания шведов, воплощение в его произведениях исторического опыта народа и следующих из этого опыта идей миролюбия и антимилитаризма.

Осуждение войны - один из принципов, наиболее последовательно проводимых А. Стриндбергом в течение всего его необычайно сложного творческого пути.

2. Демократические истоки антивоенных тенденций в историографическом труде А. Стриндберга "Шведский народ" (1882) и в рассказах "Триумф" и "Новое оружие" ("Судьбы и приключения шведов", часть I, 1882).

3. "Нациям чужда взаимная ненависть". Идеи самоопределения и мирной ассоциации народов в статье "Национальность и шведское самолюбие" ("Схожее и несхожее", 1884).

4. Война как порождение "сверхкультуры" и орудие господствующего класса. Влияние на А. Стриндберга идей Н. Г. Чернышевского, утопического социализма и руссоизма. Рассказ "Угрызения совести" (1884).

5. Диссонансное столкновение концепции "сильной личности" и антимилитаристского пафоса в рассказах "Последний выстрел" и "Почетный караул" ("Судьбы и приключения шведов", ч. II, 1890 и 1891 гг.). Непоследовательность в подходе к антивоенной теме в период духовного кризиса, переживаемого писателем в конце 80-х гг.

6. Преодоление крайнего индивидуализма. Трагедия одаренной личности в пьесе "Густав Адольф" (1900) и подчеркнутая человеческая бессодержательность образа Карла XII в одноименной пьесе (1901) как символа войны и уничтожения. Народный фон действия пьес - основа их антивоенного идейного содержания. Параллельно (и в сущности подчиненно) проводится осуждение войны в рамках стриндберговского "сведенборгианства".

7. "Смута вокруг Стриндберга". Публицистические произведения писателя в последние годы его жизни ("Демократизм Толстого", "Недовольство в стране", "Речь к шведскому народу" и др., 1910-1912). Трактовка Стриндбергом раздуваемого в стране милитаристского психоза как средства подавления господствующим классом "внутреннего врага" - демократического движения. Борьба А. Стриндберга с "русофобией" и неоромантическим культом Карла XII. Последняя статья писателя "Опасные дары" - призыв к разоружению.

Д. К. Хачатурян, к.филол.н.
(Москва)

ПОЗДНИЕ ПЬЕСЫ СТРИНДБЕРГА В ПРОЧТЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ДРАМАТУРГОВ

1. А. Стриндберг как создатель "новой драмы". Принципы Интимного театра, провозглашенные в "меморандуме", идея камерной сцены: отказ от принципа правдоподобия, перенесение акцентов на субъективное "самовыражение", случайности и импровизацию; сужение сценического пространства, уплотненность действия, ориентир на крупный план и т. п. Требования эти, прозвучавшие в последние десятилетия XIX в. достаточно дерзко, легли в основу художественных исканий ряда современных драматургов.

2. "Пляска смерти" Стриндберга - психологическая драма, построенная на столкновении сложнейших, противоречивейших человеческих чувств. Игровое начало становится доминантой в характерах центральных персонажей - не столько люди играют, сколько ими играют некие таинственные силы. В напряженной борьбе любящих, трепещущих от взаимной ненависти людей - Эдгара и Алисы - просматриваются многие характерные веяния той художественной эпохи.

Фиксируя утрату цельности жизни в буржуазной семье, нарушение живого любовного чувства, Стриндберг объективно отрицает буржуазное бытие, его бессмысленность. Писатель осуждает те формы жизни, в которых он чувствует застой, омертвение, рутину мещанского быта, окостенелую идеологию, стандартное поведение и мышление. Непрестанное движение мысли при непосредственном глубочайшем ощущении общей переломности переживаемой жизни позволяет писателю отстоять человека, выразить с присущими ему страстностью и правдоискательством веру в грядущую эпоху обновления.

3. Пьеса Дюрренматта "Играем Стриндберга" - характерный пример современной обработки на Западе одной из наиболее показательных драм позднего Стриндберга.

Дюрренматт заимствует у Стриндберга фабулу и основную драматургическую идею, перерабатывая главные мотивы и коллизии. Из стриндберговской буржуазной трагедии брака писатель создает комедию о буржуазной трагедии брака. В своей обработке Дюрренматт все спрямляет, снимает двусмысленность. Там, где у Стриндберга поиск, решительная и беспощадная борьба за истину, у Дюрренматта - готовая формула, иллюстрирующая существующие формы жизни.

Снижение "высоких" стриндберговских образов. Писатель изображает гротесковую сатирическую крайность. Даже молодое поколение, светлое у Стриндберга, втянуто у Дюрренматта в бездуховное существование "отцов".

Эдгар, Алиса, Курт - извечный треугольник, олицетворяющий жизнь общественную, не частную. Автор создает притчу, тщательно выстроенную схему. Этой цели служит и "депсихологизация" диалога; пьеса становится пьесой для актеров. Этим объясняются и сокращения в тексте оригинала, переделка на основе подстрочного перевода, наконец, заострение образов, событий.

4. Воздействие Стриндберга на национальное, а также на мировое искусство было настолько значительным, что говорить лишь о "школе" было бы крайне недостаточно. Лучшие из его пьес, подобно драматургии Ибсена и Бьёрнсона, способствовали становлению современного театра.

Отталкиваясь от Стриндберга и исходя из собственного

художественного опыта, целый ряд современных драматургов развивает намеченный шведским писателем на рубеже веков тип человеческих отношений. Разработка стриндберговской темы "разорванного сознания", художественное преломление эстетических принципов "новой драмы" отмечаются в творчестве Пиранделло, Феллини, Беккета, Бергмана. Сильное, в известном смысле решающее влияние поздняя драматургия Стриндберга оказала на американский театр, особенно на творчество Ю. О'Нила и Э. Олби.

А. В. Сергеев, к.филол.н.

РОМАН "ТИНЕ" - АНТИВОЕННОЕ И АНТИМИЛИТАРИСТСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ГЕРМАНА БАНГА

I. Тема войны - основная тема романа "Тине", в котором писатель ставит своей задачей разобраться в причинах национальной катастрофы 1864 года и выявить ее подлинных виновников. Актуальность и злободневность произведения, задуманного как "роман-документ", в котором изображение трагических событий прошлого должно было стать предостережением политическому руководству страны, жаждавшему реванша за поражение в войне с Пруссией.

2. Оценка романа современниками писателя и критиками наших дней. Обвинения, предъявленные писателю консервативными критиками за якобы предвзятые оценки событий и искажение датской истории в романе "Тине".

3. Историзм и народность произведения Банга, вынесшего на суд общественного мнения важнейшие вопросы национальной жизни и государственной политики. Острая критическая направленность романа, разоблачающего охваченную шовинистским и милитаристским угаром датскую буржуазию. Сатирическое изображение политики, идей, образа мышления и поведения национал-либералов. Сочетание в "Тине" документальности, бережного отношения писателя к фактическому материалу с художественным вымыслом и новаторскими принципами изображения картины мира и души человека. Широкое использование символов, ассоциативности художественного мышления, изображение происходящего через призму персонажа при внешне нейтральной позиции автора, интерес к выразительной детали, позволяющей делать

тонкие, полные скрытого значения намеки, глубокий психологический подтекст реплик персонажей. Единство социальной и психологической линии в романе.

4. Роман "Тине" - вершина критического реализма в творчестве Банга. Гуманизм и демократизм писателя, сумевшего с высоким художественным мастерством показать, какой невосполнимый урон наносит война человеку и человечности.

Г. Н. Храповицкая, д.филол.н.
(Москва)

ТРАДИЦИИ ИБСЕНА В СИМВОЛИКЕ ДРАМЫ К. ГАМСУНА "У ВРАТ ЦАРСТВА"

Проблема символа - одна из основных в идейно-художественной специфике норвежской драматургии конца XIX - начала XX веков. Интерес норвежцев к символу, столь ярко проявившийся у Ибсена, который, собственно, и создал эту традицию в драме, имеет корни в прошлом. О символике можно говорить как о национальной специфике норвежского искусства.

Символ представлен нами как средство постижения и выражения наиболее сложного и неоднозначного содержания. Вопрос о форме и содержании символа исследуется в свете ленинского суждения о единстве формы и содержания (см. заметки В. И. Ленина по поводу "Науки логики" Гегеля).

В русском литературоведении и лингвистике существует идущее еще от XIX в. учение о символе; в основу нашего анализа положена систематизация, предложенная А. Ф. Лосевым в его книге "Проблема символа и реалистическое искусство", где выявлена внутренняя структура этого тропа.

Главному символу Ибсена, содержащему в себе основную негативную идею, обязательно свойственны акты интенциональный, поэтический и ноематический, особенно подчеркнутый и порой растянутый - сигнификативный, самый значительный для реалистического символа. Соединение однопланового текста с подтекстом помогает драматургу вылепить образ, создать на его основе символ и определить направление, в котором будет развиваться главная идея символа. Этот тип формирования символа становится для норвежской реалистической драмы классическим. Такой тип символики складывается в драмах от "Ку-

кольного дома" до "Врага народа" включительно. Начиная с "Дикой утки", где в реалистическую систему Ибсена проникают элементы натурализма, меняется и назначение и форма символа: символ все более характеризует не явления общественной жизни, а особенности личности персонажей; в форме заметны элементы описательности и детализации, свойственные натурализму.

Именно этот тип символа оказывается близок Гамсуну в первой части трилогии о Карено, где натуралистические элементы порой преобладают над реалистическими - прежде всего в создании характеров. Собственно для выявления особенностей персонажа и употребляется здесь символ.

Символ драмы "У врат царства" СОКОЛ (живая, свободная птица) и ЧУЧЕЛО ПТИЦЫ, характеризующие, соответственно, духовно свободную личность и приспособленца, утратившего индивидуальность, - это индивидуальные авторские символы, как у Ибсена, направленные на выявление положительного и отрицательного начал в личности. Как у Ибсена в "Дикой утке", образы символа связаны с птицей свободной и птицей - игрушкой. Но "разводится" значение двух образов сильнее, чем у Ибсена. Формируются символы у Гамсуна одновременно - во время диалога с чучельным мастером, на этом этапе происходит акт сигнификации. Однако акт сигнификации, как и предшествующие ему этапы становления тропа, Гамсун во многом передоверяет подтексту, хотя по-ибсеновски сохраняет опорные эпизоды в самом тексте, раскрывающие содержание подтекста. Вместе с тем, в отличие от Ибсена, в структуре символа с отрицательной эмоциональной характеристикой большую роль начинает играть ирония.

Натуралистическая детализация проявляется в описательности образа, лежащего в основе символа, в обилии называемых его деталей, в самостоятельном функционировании отдельных значащих элементов символа. Сам акт сигнификации, столь важный в структуре реалистического символа Ибсена, становится менее определенным за счет того, что он почти полностью передоверен подтексту - это придает ему большую самостоятельность, неопределенность, большую свободу в выборе вариантов значений, в выборе модели, "задающей" путь реализации этих значений.

Исследование текста драмы позволяет говорить как о самостоятельности Гамсуна в создании символа, так и о развитии им тенденций ибсеновской поэтики.

И. Б. Орлова
(Москва)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЖАНРОВ АФОРИЗМА И ЭССЕ В ШВЕДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Афоризм и эссе нередко являются основными жанрами многих писателей, эстетиков, философов. Несмотря на пренебрежительное отношение к эссе и афоризму теоретиков и историков искусства, эти жанры успешно развивались и оказывали сильное и благотворное влияние на другие литературные жанры.

В этом отношении весьма показательно творчество известного писателя Вильгельма Экелунда и его последователя Рольфа Экмана, демонстрирующих как эстетическое значение эссеистики и афористики, так и определенную преемственность в их разработке на протяжении нескольких поколений.

Вильгельм Экелунд (1880-1949) - один из крупнейших писателей Швеции, оказавший существенное влияние на целое поколение современных скандинавских поэтов: Карин Бойе, Гуннара Экелефа, Карла Веннберга, Раббе Энкеля, Гуннара Бьерлинга и др.

Его первые семь "Поэтических тетрадей" (1900-1906) были новаторскими для своего времени. Белый стих, обращение к верлибру, предельная смысловая концентрация и эмоциональная интенсификация заставляли многих исследователей говорить о "модернизме" в его поэзии. Можно отметить известную эволюцию в настроениях писателя от меланхолии к героическому пафосу.

Афористика и эссеистика В. Экелунда ("Antikt ideal", 909; "Båge och lyra", 1912; "Nordiskt och klassiskt", 1914; "Metron",1918;"Passioner emellan",1927) формируется под влиянием европейских и американских классиков мировой литературы, успешно разрабатывавших эти жанры на протяжении ряда культурных эпох (античность, Возрождение, Просвещение, Романтизм). В творчестве писателя прослеживается влияние Монтеня, Шекспира, Спинозы, Гете и Эмерсона. Однако этим гуманистиче-

ским традициям противоречит преклонение писателя перед теориями "внутренней свободы" и "духовного аристократизма", которые оставляют его в стороне от актуальных проблем современности.

Эссеистика и афористика современного шведского писателя Рольфа Экмана (род. 1921 г.): "Den andra eros", 1959; "Otidsenligt perspektiv", 1957; "Den dolda stigen", 1961; "En skild väg", 1965; "Men man måste älska glädjen", 1977, - опирается на традиции лучших образцов данных жанров, созданных на протяжении всего развития литературы. Этические взгляды Экмана формируются под влиянием гуманистических воззрений многих писателей-эссеистов (Платона, Монтеня, Эмерсона, Гете, Экелунда). В своих произведениях Экман последовательно утверждает идеалы просвещения. Но трактовка традиционной идеи просвещения не является для писателя самоцелью, она полемически заострена и непосредственно связана с проблемами народного образования в Швеции.

Эссеистике Р. Экмана свойственен широкий тематический диапазон, постановка кардинальных вопросов, связанных с познанием действительности, выяснением функций культуры в общественной жизни.

Книги писателя имеют ярко выраженное гуманистическое звучание. Они проникнуты неподдельной тревогой за судьбы общества, предупреждают современников об "угрозе катастрофы, нависшей над человечеством" (Р. Экман). В то же время они основываются на оптимистической вере писателя в безграничные возможности человека.

В русле демократических исканий находятся и такие литературно-эстетические работы Р. Экмана, как его книга "Existensrapporter", 1977, написанная в форме дневника, дающего изображение существенных черт политической и духовной картины времени, и книги "Egna villkor", 1976; "Fortsättning", 1978; "Sammanhang", 1980. содержащие в себе переписку автора с известными политическими деятелями, учеными, литераторами и художниками.

В целом творчество Р. Экмана следует рассматривать как прогрессивное явление с точки зрения его идеологического звучания.

О. В. Рождественский
(Москва)

ПРОБЛЕМА "ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ" В РОМАНАХ ТОМА КРИСТЕНСЕНА "ДРУГОЙ" И "РАЗРУШЕНИЕ"

Том Кристенсен - один из самых крупных и талантливых писателей "потерянного поколения". Определяющие черты его произведений - воссоздание национальной специфики этого явления в стране, занимавшей нейтральную позицию в первой мировой войне. Ни в одном из лучших его произведений эта война не упоминается прямо, но она незримо присутствует в них, определяя характеры и поступки всех героев.

Том Кристенсен вступает в литературу в самом начале двадцатых годов, но ранние его экспрессионистские произведения - стихотворные сборники "Мечты пирата" (1920), "Чудеса" (1922), "Павлинье перо" (1922) и большой роман "Арабеска жизни" (1921) - в основном не выходят за рамки модернистских исканий в области формы. Все же и в них звучат первые аккорды той темы, которую он блестяще разрабатывает, уже работая в русле реализма - в романе "Другой" (1922) и в особенности в программном своем произведении - романе "Разрушение" (1930).

"Другой" - небольшой роман писателя - его первый опыт создания социально-психологического романа о жизни Копенгагена. Здесь интересны своеобразная техника (двуплановость повествования, глубокий психологический анализ), а также явное тяготение писателя к теме города. Достаточно отчетливо звучат здесь и социальные мотивы. Впервые в творчестве Кристенсена "потерянное поколение" выступает как явление интернациональное, отчуждение героя от действительности, его внутренняя опустошенность рассматриваются как "европейская болезнь" века. Явное движение в сторону реализма прослеживается и в том, что на смену стилистической изощренности и надуманности приходит простота и ясность изложения. В этом небольшом романе писателю удается показать в социальном плане почти все стороны датской буржуазной действительности, а в философском - вскрыть основные причины возникновения "потерянного поколения" в стране, не испытавшей ужасов мировой войны, и во всемирном масштабе.

Вершиной прозаического творчества Т. Кристенсена, несомненно, является его последний и наиболее значительный роман - "Разрушение". Роман, описывающий датскую действительность, и в частности, жизнь Копенгагена первого послевоенного десятилетия, был принят современной критикой довольно недоброжелательно, как безнравственный роман о пьянстве. Но эта книга прежде всего не об алкоголизме, а о человеке. Разрушая собственную личность алкоголем, главный герой романа Оле Ястрау пытается разорвать замкнутый круг буржуазного общества, к которому он принадлежит, со всем его лицемерием, ханжеством и бесчеловечностью. Его путь - типичный путь исканий и самопознания всех представителей "потерянного поколения", выведенных в мировой литературе. Но Т. Кристенсен указывает и другой путь освобождения от гнетущей буржуазной действительности (образ коммуниста Сандерса). Конец романа нельзя оценивать однозначно: здесь, как и в романах Э. Хемингуэя, "победитель не получает ничего".

Кристенсен использует завоевания своих старших соотечественников в области жанра, обогащая их новыми приемами в области структуры романа. Ясно прослеживается влияние на автора Дж. Джойса. Роману, написанному в целом в лучших реалистических традициях конца XIX века, не чужда сложная символика, присущая произведениям модернистов. Но его метод - "реализм, отточенный до символа". "Разрушение" вскрывает не только причины возникновения "потерянного поколения", но и содержит глубокий анализ различных аспектов этого сложного явления: философских, социальных, нравственных, политических.

В романах Т. Кристенсена изображены философские и нравственные искания людей в эпоху первой мировой войны и послевоенных лет. Трагический итог этих исканий является предостережением против новых попыток втянуть человечество в бездну войн. Многие из последующих произведений Т. Кристенсена - стихотворений, исследований по вопросам политики, литературы и искусства, прозаических опытов - также проникнуты антивоенным духом. В этом заключается острая актуальность творчества писателя.

А. А. Мацевич, к.филол.н.
(Москва)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЙВИНДА ЮНСОНА

I. Творчество шведского писателя Эйвинда Юнсона занимает одно из центральных мест в шведской литературе XX века. Назрела необходимость дать объективную оценку незаурядному и противоречивому литературному наследию писателя. В шведском и зарубежном литературоведении имеются работы либо общего характера, либо посвященные отдельным сторонам его творчества, но капитальных монографий о нем пока нет.

2. В данном выступлении внимание будет сосредоточено на исторических романах Юнсона, созданных после второй мировой войны. Юнсон стремился подчеркнуть в них вневременной, универсальный характер социальных и этических проблем, стоящих перед человеком. Человеческую историю он был склонен рассматривать как извечное повторение на различных ее этапах неких коренных положений и коллизий. С другой стороны, в человеческом сознании настоящее и прошлое, по его мнению, не расчленены и существуют сразу, одновременно. Отсюда склонность Юнсона к созданию романа-мифа.

3. Роман "Прибой" (1946), созданный по свежим следам второй мировой войны, - наиболее последовательный опыт модернизации историко-мифологического сюжета - гомеровской "Одиссеи".

4. Сквозная коллизия исторических романов Юнсона - столкновение героя с проблемами, одинаково актуальными на всем протяжении человеческой истории: проблемами власти, угнетения, войн, проблемой выбора героем своего места в жизни, определения своих возможностей, ответственности перед людьми и историей. Тема войны как источника неисчислимых бедствий для человека звучит при этом особенно настойчиво (романы "Прибой" и "Тучи над Метапонтом").

5. Важный повторяющийся мотив в романах Юнсона - изображение глубокого любовного чувства на мрачном, зловещем фоне войны и угнетения ("Мечты о розах и огне", "Эпоха его величества", "Долгий день жизни"). В романтическом мотиве чувства, остающегося живым вопреки трагической судьбе ге-

роев, настойчиво звучит гуманистическое начало творчества Юнсона.

6. Роман "Мечты о розах и огне", материалом которому послужила "охота за ведьмами" во Франции эпохи абсолютизма, и роман "Эпоха его величества", с сюжетом из эпохи Карла Великого, наиболее близки к традиционному жанру исторического романа. Соотношение с современностью в них "скрытое". В более сложных по структуре романах "Тучи над Метапонтом", "Долгий день жизни" и "Несколько шагов в тишину" совмещено несколько планов повествования: исторический и современный. При этом возникают сюжетные соотношения - аналогии, параллели между прошлым и настоящим. Нередко писатель стремится смешать эти планы. Художественная структура и стилистические средства романов Юнсона, в частности проблема повествования, роль символики, требуют особого, кропотливого, конкретного исследования.

7. Внимательное прочтение романов Юнсона позволяет отвести утверждение о безоговорочном фатализме и историческом пессимизме писателя, основанное на его метафизической концепции "повторяемости" человеческой истории. Ей противостоит память, накопление исторического опыта и знаний о человеке, внушающие надежду на лучшее будущее. Этот подспудный оптимизм, неприятие всяческих форм угнетения, тирании, деспотизма и связанных с ними войн придают творчеству Юнсона подлинно гуманистическое звучание.

В. В. Ефремова
(Москва)

РОМАН ВИЛЬХЕЛЬМА МУБЕРГА "СОЛДАТ СО СЛОМАННОЙ ВИНТОВКОЙ"

I. В шведской критике велась большая полемика о том, актуален ли роман В. Муберга "Солдат со сломанной винтовкой", инсценированный в наши дни для радио. В результате этой полемики Вальтер Стрэнг, главный герой романа, был признан "борцом за мир" и "самой актуальной личностью современности". Не случайно, первоначальное название романа ("Открытие") было впоследствии изменено писателем на "Солдат со

сломанной винтовкой" (изображение этой винтовки стало в свое время эмблемой сторонников мира).

2. Хотя действие романа относится к I-й мировой войне, сам автор в предисловии к переизданию книги в 1972 г. утверждал, что из всех его произведений "Солдат со сломанной винтовкой" - "самое актуальное сегодня".

Писатель критикует в нем буржуазное общество через нравственные искания Вальтера Стрэнга. Главными врагами героя становятся Трон, Алтарь и Меч. Показав рост классового самосознания у молодых рабочих, автор приходит к выводу, что капиталистическая система порождает ложь и насилие, но выход из создавшегося положения он видит в том, чтобы совершенствовать мораль человека. Здесь сказывается влияние на творчество В. Муберга философии Л. Н. Толстого.

3. По признанию писателя, творчество Л. Н. Толстого оказало на него огромное влияние; оно проявилось и в романе "Солдат со сломанной винтовкой", где о Л. Н. Толстом говорится как о величайшем мыслителе, а Вальтер Стрэнг распространяет листовки с антимилитаристской статьей Л. Н. Толстого "Одумайтесь", направленной против участия царского правительства в японской войне.

4. Вальтер Стрэнг - личность сложная и противоречивая. На протяжении всего романа показано становление его характера, определяемое борьбой за правду и справедливость. В этом произведении читатель находит широкую реалистическую картину общественной жизни первой трети XX века. Опубликование романа в конце Второй мировой войны (1944 г.) должно было стать политической акцией, направленной на предотвращение новых войн.

З. А. Кекерун
(Киев)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА ИВАРА ЛУ-ЮХАНССОНА

I. В наследии Ивара Лу-Юханссона важное место занимают произведения исторического жанра. В основном они созданы в 70-е годы и представляют собой как небольшие новеллы, объединенные в ряд сборников ("Лгуны", 1971; "Учителя мудрости",

1972; "Сила слова", 1973; "Народ и господа", 1973), так и большие по объему произведения ("Монахиня в Вадстене", 1973; "Хроника от Густава Вазы до Карла XII", 1974).

Широкое распространение документального жанра в современной Швеции созвучно творческим интересам И. Лу-Юханссона. Использование им исторического факта и документа сопровождается весьма своеобразным художественным эффектом.

2. Обращаясь к прошлому, И. Лу-Юханссон так же, как и целый ряд других авторов (П. Лагерквист, А. Лундквист, В. Муберг, Л. Юлленстен, Э. Юнсон), ищет в нем ситуации, сходные с современностью, делая ударение на том, что, по его мнению, не поддается резким историческим изменениям: добро, разум, свобода.

Историческая проза И. Лу-Юханссона интересна тем, что ее героями становятся представители всех слоев общества - короли, господа, простые граждане. Исторический процесс здесь предстает как нечто целостное и взаимосвязанное. Обращаясь к истории самых разных эпох и народов (в том числе к истории Швеции, начиная с викингов), И. Лу-Юханссон не отступает от своего исконного демократизма. Пытаясь понять психологию своих героев, объяснить их поступки, утверждая высшие нравственные ценности, автор четко акцентирует и социальный фон их жизнедеятельности ("Учителя мудрости", "Сила слова").

3. В 1973 г. выходит небольшой роман Лу-Юханссона "Монахиня в Вадстене", написанный в традиционной реалистической манере. Героиня романа, дочь крестьянина Гислара, попадает в некий "привилегированный" монастырь. В силу своего "низкого" происхождения она испытывает все тяготы тяжелого труда и унижения. Достоинство, гордость Бельты позволяют ей пройти через все испытания несломленной. Действие развертывается на фоне важнейших для шведской истории событий - реформ Густава Вазы. И. Лу-Юханссон показывает всю сложность переплетения человеческих судеб, борьбы за власть, путей ее укрепления, освещая тем самым проблему "личность и история".

4. Тема борьбы за власть, тема религии и государственности поднимаются в "Хронике от Густава Вазы до Карла XII". В водовороте драматических событий, когда на какое-то время пересекаются пути представителей различных слоев общества,

выясняется главное - невозможность компромисса, несовпадение классовых интересов, обреченность усилий личности без поддержки масс.

5. Историческая проза И. Лу-Юханссона вошла органической частью в творческое наследие выдающегося шведского писателя. Разнообразие его тематики подтвердило демократическое кредо автора, его верность избранной гражданской и литературной позиции.

Э. Л. Панкратова
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНАХ ЮХАНА БОРГЕНА 60-Х ГОДОВ

I. Роль Ю. Боргена в культурной жизни Норвегии определяется его активной гуманистической позицией, которая характерна для него как для художника на протяжении всего его творческого пути.

2. Наиболее полное и непосредственное выражение она нашла в публицистических произведениях военных лет (Дни в Грини", "Это приносит плоды", "Нурдаль Григ"), содержащих гневный пафос борца против фашизма, непосредственного участника движения Сопротивления.

Центральным образом первого крупного романа писателя "Лета нет" (1943 г.), органически связанного с публицистикой этих лет, является образ многострадальной Родины. В нем содержится вера в то, что после мрака оккупации в Норвегию придет "лето", образ которого является в романе символом стремления героев к счастью, воплощением светлой надежды на мирное будущее.

4. Романы Ю. Боргена, написанные в 60-е годы, принято в среде норвежской критики называть экспериментальными и связывать с формалистическими исканиями литераторов младшего поколения.

5. Несмотря на значительный элемент условности, содержащийся в романе "Я" (свободное манипулирование категорией времени, черты "абсурдизма" и др.), этот роман, по выражению крупного датского исследователя Свена Мёллера Крисенсена,

"констатирует неблагополучие окружающей действительности". Социальное зло, вызвавшее разрушение личности Матиаса Росса, четко обозначено в романе. Это реакционные круги Норвегии и связанные с ними фирмы, выполнявшие заказы для фашистской Германии.

6. Потенциальные возможности, заложенные в человеке, проекция одного человеческого сознания на другое, взаимовлияние и взаимодействие людей - таковы основные философские проблемы романа "Голубая вершина".

7. Интерпретация романа буржуазной критикой как произведения о "тождестве личности" представляется явно недостаточной.

8. В романе необычайно важна тема войны, выступающая ретроспективно как та суровая реальность, которая сыграла трагическую роль в судьбах героев, по-новому столкнув их между собой, наложив трагический отпечаток на их и без того сложные взаимоотношения в прошлом.

9. С другой стороны - это тема родной Норвегии, символом которой выступает "Голубая Вершина". Не случайно, что данный роман был воспринят многими как произведение о месте Норвегии, шире Скандинавии, - в мире. В нем выразился протест Боргена против национальной ограниченности, против сытых и самодовольных буржуа в обществе "благоденствия", для которых "единственно существующий географический пункт - это Север Европы", где обыватель надеется остаться в стороне от мировых протясений.

10. Последовательный борец за мир, противник НАТО, Борген всегда был убежден, что все события, происходящие на земле, касаются каждого и все люди несут за них ответственность.

Э. В. Переслегина, к.филол.н.
(Москва)

АНТИВОЕННАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ В.-А. ЛИННЕМАННА

1. Творчество Вилли-Аугуста Линнеманна занимает видное место в современной датской литературе. Дебютировав в канун второй мировой войны, он в своем первом романе "Песнь о бе-

лых ночах" (1939) поставил вопрос о поведении человека перед лицом фашизма и угрозы войны.

2. Эта тема является центральной в следующем романе Линнеманна "Ночь накануне свободы" (1945), герой которого становится активным участником Движения Сопротивления.

3. Широкую известность писатель приобрел в 1950-е годы, в годы обострения противоречий в политической и общественной жизни, нагнетания атмосферы холодной войны, угрозы атомной катастрофы. Многие деятели датской культуры снова заговорили тогда об ответственности человека перед обществом, о борьбе с пассивностью, равнодушием. Среди них - Линнеманн, выпустивший в 50-х - 60-х гг. серию романов под общим заголовком "Книга о скрытом лице", позднее получившую название "Фленсбургский квартет". Линнеманн, осмысливая и исторический, и собственный опыт периода второй мировой войны, утверждает в этих произведениях необходимость борьбы с милитаризмом, фашизмом, необходимость для каждого человека принять решение.

4. Романы "Книги о скрытом лице" объединены сюжетом и состоят из рассказов группы жителей Фленсбурга, скрывающихся в бункере во время воздушных налетов. Перед читателем проходят судьбы двух поколений датчан в период между двумя мировыми войнами, переживших мировоззренческий кризис, утрату безоговорочной веры в идеалы буржуазной демократии и культуры, в Бога.

5. Сопоставляя разные судьбы людей, изображаемых в рассказах, Линнеманн трактует пассивность, страх за собственное благополучие, смиренное упование на Бога как преступление перед обществом, как обреченность на гибель.

6. Действенная позиция основных персонажей романа, готовых идти на смерть ради свободы других, ради прекращения войны, - подтверждает призыв писателя к активной борьбе в защиту гуманизма и мира, против фашизма и милитаризма, к борьбе, являющейся долгом каждого человека, независимо от положения, которое тот или иной герой Линнеманна занимает в обществе.

7. Линнеманн органический вводит в повествование мотивы народных преданий, народных традиций, дух жизнелюбия и воль-

нолюбия, народный юмор. Они свидетельствуют об оптимизме писателя, ясности его позиции, о его вере в силы добра, в конечную победу гуманизма.

8. Закончив серию "Фленсбургский квартет", В. А. Линнеманн не только не отошел от антивоенной темы, определявшей его творчество в 40-60-е годы, но и развил ее дальше: в 70-х годах он создал эпический цикл произведений о семье Сунесен ("Фабрикант", "Плановик", "Торговец", "Врач", "Проповедник", "Законодатель", "Протестующая"), в которых сегодня снова звучит тема выбора, активного протеста против диктатуры, неофашизма, против угрозы новой войны.

9. В.-А. Линнеманн продолжает лучшие гуманистические традиции датской литературы. Его голос звучит среди борцов за мир, его общественная традиция тверда и последовательна.

И. П. Куприянова, к.филол.н.
(Москва)

ДАТСКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ДИЛОГИЯ А. БОДЕЛЬСЕНА "ХОРОШИЕ ВРЕМЕНА" И "ЗА ГОДОМ ГОД")

1. С начала 60-х гг. в развитии датской прозы отчетливо просматривается тенденция к возрождению и углублению реалистических традиций.

2. Причиной указанного явления можно, очевидно, считать сдвиг, происшедший в 60-х гг. в общественном сознании датчан и в свою очередь порожденный изменениями экономической и общественно-политической ситуации как в Дании, так и за ее пределами. Экономический спад, пришедший на смену периоду высокой конъюнктуры, крах мифа об "обществе всеобщего благоденствия", обострение международной обстановки - все это способствовало росту общественной активности населения Дании, приводило у резким колебаниям в сфере общественного мнения.

3. Выразителями новых веяний в литературе являются, в первую очередь, представители так называемого "новореалистического" направления - прозаики молодого поколения Андерс Бодельсен (род. в 1937 г.), Хенрик Стангеруп (род. в 1937

г.), Кристиан Кампманн (род. в 1939 г.); в известной степени близки к ним по своим творческим принципам их старшие современники - Таге Скоу-Хансен (род. в 1925 г.) и Бент Вилльям Расмуссен (род. в 1924 г.). При всем индивидуальном своеобразии, общим для этих авторов является стремление видеть в судьбе человека, в его личностных качествах закономерный результат воздействия определенной среды, определенных объективных обстоятельств. В этом смысле представители "новореалистического" направления приближаются к своим непосредственным предшественникам - реалистам 30-х годов.

4. Одним из наиболее ярких и художественно значимых образцов новой прозы является дилогия А. Бодельсена "Хорошие времена" (1977) и "За годом год" (1978). Прослеживая судьбы двух представителей своего поколения на протяжении немногим более десятка лет, писатель воссоздает правдивую и многокрасочную картину общественной действительности Дании в период с 1959 по 1971 гг., раскрывая сложное взаимодействие индивидуальных стремлений и характеров отдельных членов общества с неумолимыми законами, по которым это общество развивается. Выбор героев, по своему социальному положению относящихся к буржуазной интеллигенции, в какой-то мере ограничивает круг вопросов, затронутых в дилогии, но тем не менее в поле зрения автора оказывается немало животрепещущих для Дании 60-х годов проблем.

5. Стремление связать судьбы героев с ходом экономического и общественного развития в стране обусловливает выбор художественных средств, используемых Бодельсеном. Документальная точность в указании места и времени действия, хронологическая последовательность изложения, изобилующее деталями изображение профессиональных занятий и повседневного быта персонажей сочетается в дилогии с тонко нюансированной обрисовкой их внутреннего состояния, всегда достаточно достоверно мотивированного заданными обстоятельствами.

6. Подробное рассмотрение идейно-философской проблематики, лежащей в основе произведения Бодельсена, равно как и средств художественной выразительности, использованных для ее воплощения, позволяет сделать вывод, что дилогия не только чрезвычайно полно выражает собою тенденции, характерные

для датской прозы в настоящий момент, но и является незаурядным образцом подлинно реалистической литературы.

Л. А. Еськина
(Москва)

К ВОПРОСУ О РОМАНЕ-ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I. В XX веке широкое распространение в литературах Запада получил роман-предупреждение. В отличие от утопии - воплощения вековой мечты человека о гармоничном обществе - прогрессивный и демократический роман-предупреждение в гиперболизированной форме изображает вероятное, но крайне негативное развитие капиталистической цивилизации.

2. Одним из первых в шведской литературе романов-предупреждений по праву считается книга Карин Бойе "Каллокаин" (1940), в которой писательнице удалось прозорливо указать на опасность превращения обезличенного, механизированного человека в слепое орудие фашистской диктатуры.

3. В фантастической повести-размышлении А. Лундквиста "Малинга" (1952) высмеиваются нормы и ценности буржуазной морали. Вслед за А. Лундквистом С. Арнер в аллегорической повести "Четверо братьев" (1955) использует элементы фантастики для усиления критики некоторых тенденций общественно-политического развития Швеции и всего западного мира в 50-е гг.

4. Остроразоблачительным предупреждением явились в 60-е гг. политические памфлеты П. Валё "Гибель 31-го отдела" и "Стальной прыжок". Первый - беспощадная сатира на пресловутую "свободу слова" и нравы буржуазной печати. Государство недалекого будущего в "Стальном прыжке" - карикатура-гротеск на "общество равных возможностей". Элементы фантастического детектива и политической сатиры встречаются в романах современных продолжателей традиций П. Валё.

5. Социально-критические традиции К. Бойе развиваются в "романах о будущем", появившихся в шведской литературе в конце 60-х - начале 70-х гг. Это романы Б. Мортенссона "Кембрийский корабль", Б. Валля "Репортаж из Зенотипии", К. Перс-

сона "Внутренний враг", Б. Густафсона "И". Сатирическое изображение духовной дегенерации человека в технократическом обществе включает в себя элементы гротеска, аллегории и пародии на развлекательную "массовую" фантастику, рисующую мрачные перспективы якобы неминуемой третьей мировой войны. С. Лундвалль в романе "Бернхард-завоеватель" указывает на опасность роста милитаристских и фашистских тенденций в некоторых крупных капиталистических странах.

6. В 70-е гг. фантастика широко используется для исследования существующих направлений общественного и научного развития. В романах П. К. Ершильда "Охота на кабанов" и "Ветеринар" обличается бюрократическое общество "наивысшей целесообразности" и "наименьшей себестоимости" и раскрывается опасность применения научных открытий в антигуманных целях.

7. О последствиях губительной для духовной жизни человека атмосферы дегуманизированного классового общества 70-х гг. предупреждают С. Себерг в фантастических памфлетах "Камбала" и "Онкологи", Е. Хэгг в романах "Большая комета", "Знак льва" и "Автоматический рай". На угрозу возрождения фашистской идеологии в технократическом обществе указывает Л. Хельгессон в романе-дискуссии "Изоляция".

8. Авторы шведских романов-предупреждений не ставят перед собой цели предсказать будущее. Их гуманная в своей основе задача - выявить отрицательные явления настоящего, призвать современного человека к нравственной ответственности перед будущим.

Л. Г. Григорьева
(Москва)

СКАНДИНАВСКИЙ РАБОЧИЙ РОМАН 70-Х ГОДОВ. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В странах Скандинавии (Швеция, Норвегия, Дания) в начале 70-х гг. поднимается новая волна "рабочей литературы", понимаемая критиками весьма широко - как литература собственно рабочего класса, литература о рабочем классе, литера-

тура для рабочего класса. В жанровом отношении это и получивший широкое распространение "документальный роман" (С. Лидман, Т. Обрестад и их последователи), и исторический роман, изображающий отдельные этапы рабочего движения, а также судьбы пролетариата в переломные периоды истории, и социальный роман, посвященный проблемам жизни и борьбы современного пролетариата, и роман психологический, содержанием которого является личная жизнь рабочего человека. В отдельную группу исследователи выделяют т. наз. "женский роман", имеющий свою специфическую проблематику.

По сравнению с предыдущим этапом современная "рабочая литература" приобрела новые качества - она не только повествует о классовой борьбе, но и разоблачает новейшие формы угнетения, как материальные (экономические), так и духовные (идеологические). Интенсификация труда, вынужденная аккордная и сменная работа, уничтожающая дух единства и сплоченности иерархия на рабочих местах, соглашательская политика подкупленных денежными подачками профсоюзных лидеров - такова основная проблематика романов датских писателей М. Йохансона ("Общество без работодателей", "Диалог с состоятельным пролетарием"), К. Йоханнесен ("Дома в саду"), Д. Андреасен ("Фабричная жизнь"), шведа Э. Юхансона ("Фабричный человек", "За фабричной стеной", "Дорога на фабрику"), норвежцев К. Флегстада ("Портландский цемент") и Д. Сулстада ("Площадь 25 сентября"). Некоторые скандинавские рабочие писатели еще не до конца изжили свои крайне левые настроения, которые им были свойственны в начале творческого пути.

Скандинавский рабочий роман, опираясь, по признанию самих авторов, на реалистическую традицию М. А. Нексе, широко использует достижения национальной художественной прозы. Излюбленными средствами у писателей 70-х годов являются иносказание, символика, гротеск. Новым шагом в развитии датской прозы стали получившие интернациональное признание произведения Д. Цедерстранд (трилогия "История безвестных", романы "Чьей армии солдат?", "Мы это запомним"). За новую, более свободную форму романа ратует шведский писатель Э. Юханссон; норвежские рабочие авторы, например, Д. Сулстад и К. Флег-

стад, также склонны к литературному эксперименту, в частности роману К. Флегстада свойственны бурлескно-фантастические элементы.

С середины 70-х гг. в скандинавских странах все более ощутимыми становятся кризисные явления. И хотя темой рабочей литературы по-прежнему остается жизнь человека труда, ее акценты смещаются в сторону изображения растлевающего влияния безработицы. Обращение писателей к истории рабочего движения (трилогия Д. Педерстранд "Копенгагенская семья", "Доверенное лицо", "С кем ты, пролетарий"), к его боевым традициям помогает им путем проведения параллелей искать ответы на вопросы современности и прежде всего - на вопрос о том, как организовать массы, с какими лозунгами идти к ним сегодня (трилогия Д. Сулстада "Предательство. Довоенные годы", "Война-1940", "Хлеб и оружие").

О том, как противоречия, раскладывающие современное рабочее движение, потрясают устои семьи, развеивают иллюзии ее стабильности и независимости от внешнего мира, рассказывают романы Д. Педерстранд, Р. Аггер ("Пара"), Г. Стенбек-Енсен "Женщина и яйца. Будни"), в которых звучит недовольство положением женщин, оказавшихся вне сферы социальной активности.

Не выходя из круга традиционной политической и профессиональной тематики, современная рабочая литература постепенно переключается на изображение отдельного человека, разрабатывая тему личной жизни городского рабочего (У. Грэс, К. Флегстад). Таким образом, намечается важная тенденция к пониманию взаимосвязи личного и общественного.

М. Н. Раудар
(Тарту)

СЕВЕР И СКАНДИНАВИЯ В ЛИРИКЕ АЛ. БЛОКА

I. Интерес к северной, скандинавской культуре и литературе в начале XX в. проявился у многих поэтов-символистов и выразился в обращении их к переводам из скандинавской литературы, в многочисленных критических и литературоведче-

ских работах, посвященных писателям-скандинавам, а также в осознании собственного поэтического творчества как "северного". Данные черты во многом были характерны и для Ал. Блока.

2. Однако, "северная", и в частности скандинавская, тема носит в лирике Блока особенный, только ему присущий характер; она занимает большое место в его лирике на разных этапах его творческого пути.

Связи Ал. Блока со скандинавской литературой (Г. Ибсеном, А. Стриндбергом), обращение его к переводам финских поэтов и некоторые аспекты "северной" тематики в его творчестве уже служили предметом рассмотрения как у его современников, так и у советских исследователей (см. работы Б. Кремнева, Д. М. Шарыпкина, З. Г. Минц и А. Г. Гидони). Однако до сих пор эта многоаспектная проблема специально не рассматривалась исследователями.

3. Север значим на протяжении всего творчества Блока и присутствует в его лирике, во-первых, как реальный Север. С одной стороны, - это сама Россия, осмысляемая поэтом как северная страна ("Новая Америка"), и, с другой, - это Финляндия, знакомый российский Север ("Милый брат, завечерело", "В Северном море").

Более многогранен у Блока его т. наз. поэтический Север.

Источниками "поэтического" Севера являются: а) северные саги и сказания ("Черная Дева", "Валкирия", "Ночная фиалка", "Фиолетовый запад гнетет...", "Бред" и др.); б) романтический Север, берущий свое начало прежде всего в творчестве Г.-Х. Андерсена ("Старый год уносит сны...", "Погружался я в море клевера...", "Снежная Дева", "Прочь!"; в) новая скандинавская литература, особенно - творчество Г. Ибсена, А. Стриндберга, К. Гамсуна ("Пролог" к поэме "Возмездие", "Сольвейг", "Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...", "Старость мертвая бродит вокруг...", "В дюнах" и мн. др.); и г) мифологизированное представление о Севере как о царстве мертвых ("На чердаке", "Я коротаю жизнь мою...", "На смерть Комиссаржевской" и др.).

4. На протяжении творческого пути "северная тема" у Бло-

ка поворачивается разными гранями. Для Блока периода "Стихов о Прекрасной Даме" Север решающей, существенной роли не играет, однако здесь уже налицо моменты мифологизации северного мотива ("Пробивалась певучим потоком", "Черная Дева"). В переходный период от "лирики первого тома" к стихам времени Первой русской революции значимым образом, воплощающим ожидание обновления мира, становится корабль.

В лирике Блока периода революции происходит разрушение гармонии "Стихов о Прекрасной Даме"; "северные" мотивы вводятся теперь гораздо сильнее. Происходит крушение прежнего героя; более частым становится образ корабля, уплывающего к весне (в конце периода - он тоже терпит крушение либо до поры исчезает в "неведомой дали"). В начале периода для поэта характерен "северный демонизм", имеющий разрушительный, но героический характер (иногда - жертвенный), стихийное же соотносится в данное время с революционным.

Параллельно развивается и тема России как северной страны, героической Родины.

В "третьем томе" лирики Блока тема северной Родины - России продолжается, углубляется и дополняется реальными сторонами ("Новая Америка" и др.). Вместе с тем, "северные" мотивы, первоначально имевшие "демонические" элементы, черты стихийности, все более оформляются как революционные, творческие, несущие гибель старому миру и приветствующие рождение нового мира.

2. Подсекция искусствоведения

Е. П. Ренне
(Ленинград)

М. ДАЛЬ И ПОРТРЕТ ЕГО РАБОТЫ В ЭРМИТАЖЕ (К ВОПРОСУ О ШВЕДСКО-АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНТАКТАХ XVII - НАЧАЛА XVIII ВВ.)

I. М. Даль - один из интереснейших художников конца XVII - начала XVIII вв., творчество которого непосредственно связано с английской и шведской культурой. Нет ни одного значительного исследования об английском искусстве этого периода без упоминания его имени (Коллинз Бейкер, Витли, Ватерхауз, Винни, Миллар, Стюарт). М. Даль получил научное художественное образование в Швеции под руководством М. Аннибала и Д. Клекера Эренстраля, что, несомненно, сыграло значительную роль в его творческом становлении. Возможно, следуя совету Эренстраля, он в возрасте 22 лет покинул родину, чтобы продолжить обучение за границей. После длительного путешествия (Лондон, Париж, Венеция, Неаполь, Рим) Даль не вернулся в Швецию, где обстановка не благоприятствовала занятиям искусством, а обосновался (в 1689 г.) в Лондоне, навсегда соединив с этим городом свою судьбу. Он пользовался здесь неизменным успехом. Ему позировали представители высшей придворной знати, Роберт Уолпол, Исаак Ньютон, Ал. Поуп, Дж. Аддисон и многие другие знаменитости. В 1696 г. герцог Сомерсет заказал ему серию женских портретов для своего дома в Петуорте, подобно тому, как Карл II заказал портреты придворных красавиц П. Лели. Эта серия, как и портреты адмиралов в Хэмптон-Корте, составили славу художнику. Творчество М. Даля протекало в основном русле английского искусства. Он испытал сильное влияние (особенно в первые годы) ведущего портретиста Англии конца XVII - начала XVIII вв. Годфри Неллера. Со временем в работах шведского художника все в большей степени проявляется основная тенденция эпохи - стремление воплотить образ нового человека - волевого, благородного, сильного и

одновременно "естественного", реального, - черты, которые возникают и в литературе, например, в произведениях Дефо и Свифта. Портреты кисти Даля, лиричные, человечные, интимные, предваряют расцвет этого жанра живописи в Англии в середине и конце XVIII в.

2. В собрании Эрмитажа хранится женский портрет работы М. Даля, до недавнего времени считавшийся произведением неизвестного мастера. Он является характерным образцом творчества шведского живописца. В нем находят отражение особенности художественной манеры Даля, своеобразие которой всегда привлекало внимание историков искусства (колорит, композиция; моделировка лица и рук). Сравнение портретов разного времени: петуортские красавицы, портреты герцогини Мальборо, Э. Хаймур, королевы Анны, леди Ашбернхэм и др. - выявляет при некотором различии в композиции и деталях много общих черт. Исследования портрета в физико-рентгеновской лаборатории подтверждают атрибуцию.

3. Несмотря на то, что М. Даль почти всю жизнь прожил в Англии, его творчество имело большое значение для развития шведского искусства. Достаточно вспомнить, что среди учеников и последователей художника были такие шведские мастера, как Д. Рихтер, Ш. Буа, Г. Хойсинг, Л. Пашст.

Т. Д. Мухина, к.искусствовед.
(Москва)

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В СКАНДИНАВСКОЙ И РУССКОЙ ЖАНРОВОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА (ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СКАНДИНАВСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ)

I. Сходство путей и темпов развития художественной культуры в странах Скандинавского полуострова и России как основа формирования творческих контактов между мастерами искусства этих регионов. Исторические корни и традиции русско-скандинавских художественных связей. 1870-1900 годы - один из самых значительных этапов в эволюции этих связей.

2. Зарождение и развитие демократических тенденций в общественной жизни и культуре стран Скандинавского полуострова и России во II половине XIX столетия. "Хождение в народ"

Б. Бьернсона и идеи народничества в культуре России. Утверждение социально-просветительской роли изобразительного искусства. Сближение общественной деятельности, литературы и искусства. Н. Чернышевский - Г. Брандес, И. Крамской - Х. Крог. Борьба с академическими традициями в изобразительном искусстве скандинавских стран и России. Антиакадемические выступления датских художников в 1882 г., Ф. Таулов и Х. Крог во главе демократического движения в Норвегии. Возникновение новых художественных объединений. Художественная Лига в Швеции и Общество передвижных выставок в России. Возрастание роли жанровой живописи в системе видов изобразительного искусства.

3. Возникновение предпосылок для развития критического реализма в культуре скандинавских стран. Формирование теории критического реализма в произведениях Г. Брандеса. Тема "униженных и оскорбленных" в произведениях северных мастеров. Творчество Х. Крога как пример наиболее радикального скандинавского критического реализма в живописи. Отзывы русской прессы о его работах.

4. Широкое признание произведений художников-передвижников в странах Скандинавии. Отзывы скандинавских критиков о выставках с их участием. Г. Брандес и Г. Ибсен о современной школе русской живописи. Изучение и творческое использование опыта русской живописи в произведениях скандинавских мастеров второй половины XIX - начала XX в. А. Шеберг и И. Репин. Значение опыта русского критического реализма для развития аналогичного направления в странах Скандинавского полуострова. Сходства и различия в развитии критического реализма в рассматриваемых школах.

5. Изменение в художественной ситуации стран Скандинавского полуострова и России в конце 1890-х гг. Переход от социально-публицистической тематики к сюжетам национально-фольклорного характера. Возрастание роли приемов художественно-пластической выразительности в системе жанровой живописи. Произведения А. Цорна, Ф. Малявина, А. Архипова и В. Серова как жанры нового типа. Постепенное снижение интереса к произведениям русского критического реализма в среде скандинавских художников. Опережающие темпы развития новых тен-

денций в жанровой живописи Скандинавии. Возрастание интереса к северной жанровой живописи в русской художественной среде. Творческое освоение опыта скандинавских мастеров и его роль в эволюции средств художественной выразительности русской жанровой живописи в конце XIX - начале XX в.

6. Значение русско-скандинавских художественных связей как существенного фактора ускоренного развития изобразительного искусства скандинавских стран и России на рубеже XIX--XX веков.

Е. Г. Сойни
(Петрозаводск)

Н. К. РЕРИХ В ФИНСКОЙ КРИТИКЕ

I. Долгое время статьи о Рерихе в финской печати начала XX в. были русскому читателю неизвестны. Вряд ли о них знал сам художник. С помощью финских ученых А. Рейтала, П. Песонена, Б. Хеллмана нам удалось найти около двадцати статей о Рерихе, свидетельствующих о большом интересе финской общественности к русскому живописцу. Но финны приняли в творчестве Рериха не всё.

2. По имеющимся данным, впервые о его искусстве написал в Финляндии В. Хагельстам в газете "Хувудстадсбладет" 5 апреля 1903 г. Критик на примере картин "Заморские гости" Рериха и "Похищение Сампо" Галлен-Каллела доказывал влияние живописи финна Галлен-Каллела на искусство русского художника. Рерих, по мнению Хагельстама, близок к Галлен-Каллела в выборе сюжета, оба художника воспринимают мир через историю и мифологию. Но финскому критику Рерих показался однообразным в цвете, в рериховской живописи Хагельстам видит излишнее преобладание темно-зеленого фона.

3. Наибольшее количество статей о Рерихе появилось в Финляндии в 1919 году, непосредственно после открытия его персональной выставки в салоне Стриндберг (см. газеты: "Да - генс пресс", "Нва прессен", "Хельсингин саномат", "Карьяла", "Вапаа сана", "Ууден Суомен Илталехти"). Критики оценили богатую фантазию художника, его "по-восточному" яркий цвет,

интерес к эпохе викингов. "Рерих живет во времени, которое уже давно минуло, - писал в статье "Частные выставки" критик С. - Он любит древних викингов, он вжился в их жизнь и чувство". О. Окконен в своем "Художественном обозрении" назвал Рериха русско-скандинавским художником. На вопрос, насколько сильно в работах Рериха представлены национальные черты русского искусства, финны ответили по-разному. По мнению С. Тандефельт, русское в произведениях Рериха хотя и присутствует, но "приглушено и прикрыто". Корреспондент под псевдонимом "Ёрё" из газеты "Карьяла" считал иначе: "... в работах Рериха встречается больше истинно русского, - писал он, - чем в работах финляндских мастеров чисто финского".

4. Финские искусствоведы были единогласны в высокой оценке Рериха - театрального художника. В его эскизах к театральным декорациям они видели образец того, к чему должны были стремиться финские художники театра. "Рериху лучше всего удаются работы для театра, - писал Э. Рихтер в "Хельсингин саномат". - В них проявляется весь блеск сине-зеленых сказочных красок... В них его фантазия получает такую силу, о которой наше примитивное театральное искусство может лишь мечтать".

5. Увлеченность Рериха приемов контраста обратила на себя внимание С. Тандефельт и О. Окконена, но не вызвала одобрений. Рериховские цветовые эффекты показались им грубыми, чужими, математически рассчитанными. И в оценке его пейзажей критики не были столь щедры, как в оценке его работ для театра. Финнов удивило и немного оттолкнуло отсутствие жизни в рериховских картинах природы. Умозрительность и холодность его пейзажей С. Тандефельт и Э. Рихтер объяснили тем, что Рерих только во вторую очередь художник, прежде всего он поэт, мистик и декоратор.

6. В мае 1919 г., как сообщала "Хувудстадсбладет", несколько картин Рериха было представлено на выставке русского искусства в салоне Хорхаммер. И в 1946 г. в том же салоне экспонировалась одна его работа - "Зимний пейзаж". Эта картина напомнила финнам первую выставку Рериха в Хельсинки, и снова в печати появились о нем статьи. "Он основал школу,

- писала С. Шауман в "Нюа прессен", - и некоторые наши художники на время попали под его влияние".

7. Рерих не забыт финскими критиками и сейчас. Его имя появляется в искусствоведческих журналах, исследованиях и диссертациях.

А. В. Косарева, к.искусствовед.
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕДАЛЬЕРНОГО ИСКУССТВА ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ В 1960-Е - 1970-Е ГОДЫ

1. Место медальерного творчества в современном изобразительном искусстве Швеции и Финляндии.

2. Смелые новаторские поиски обогащения пластики медали. Пластические традиции в шведской медальерной школе. Скульптурность форм шведских и финских медалей. Роль декоративности в пластическом решении. Переосмысление элементов народного творчества в медальерных школах Швеции и Финляндии.

Работы шведских мастеров Била М., Бюэссера В., Кэмпе Р., медали финского художника Херконена В.

3. Национальные особенности символики в медальерной школе Финляндии. Примеры символического обобщения в отображении явлений современного мира. Близость этой группы медалей к народной символике.

Работы мастеров Викайнена Ю., Кюлянпя Х., Нукари П.

4. Образ природы в медалях Финляндии. Национальное своеобразие раскрытия этой темы, основанное на особенностях северной природы. Северная поэтика. Воплощение в этом жанре космического видения мира. Стремление к широкому осмыслиению действительности через образ природы.

Работы художников Ятинена Т., Нурминена М. и других.

5. Роль пространства в композиционном решении медали. образ мира через изображение на медали. Пластические границы медали как границы увиденной части реального мира. Национальные особенности трактовки категории пространства в медальерных школах Швеции и Финляндии. Широта пластического обобщения в медальерном творчестве авторов, работающих в обра-

зах монументальной скульптуры.

Работы шведских художников - Шёгрена К., Брема Р.; финских мастеров - Хилтунен Э., Сакки Т, Хюгенина Р.

6. Проблема поиска новой формы медали в работах шведских и финских мастеров. Использование традиционной формы медали при создании современного пластического образа.

Работы шведских мастеров Кокота Г. и других, финских художников - Тукиайнен А., Юва К. и других.

7. Шведские и финские медали на Международных выставках медальерного искусства. Современная медаль как средство информации и эстетического воспитания, как национальный художественный памятник.

8. Основная тенденция развития медальерства - стремление выразить гуманистические идеи в современном образном воплощении. Особенности национальной художественной выразительности в общей системе специфического языка и многообразии форм европейского медальерного творчества. Общие проблемы развития. Расширяющееся представление о мире в современном медальерном искусстве.

А. А. Карху
(Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ФИНСКОГО ДИЗАЙНА В ПЕРИОД 1950-1970-Х ГОДОВ

I. Развитие промышленного искусства непосредственно отражается на формировании материальной культуры народа. Сфера деятельности художника в промышленности - его участие в проектной разработке изделий, предназначенных для промышленного производства и призванных удовлетворять утилитарно-функциональные и эстетические потребности. Значительность роли художника в решении вопросов формообразования промышленных изделий.

2. Финский дизайн считают "визитной карточкой" страны Суоми. Ознакомление с формообразованием или дизайном промышленных изделий Финляндии представляет большой научный и практический интерес. Материальная культура этой северной

страны в силу географических условий, наличия естественных материалов, сложившихся традиций имеет свои характерные признаки, в то же время в ней можно обнаружить влияние культур других стран рассматриваемого региона.

3. Начало производства промышленных изделий, создаваемых с участием художника, обычно относят к началу 1900-х гг., хотя истоки художественно-промышленного формообразования в Финляндии имеют уже более чем 100-летнюю историю. Участие Финляндии в международных выставках (Всемирные выставки в Париже 1900, 1937 гг., Всемирная выставка в Нью-Йорке 1939 г.), разработка принципов функционализма в изготовлении мебели, промышленных изделий в конце 20-х гг. и в 30-е гг. - все это способствовало эволюции формообразования промышленных изделий в стране.

4. В рамках темы будет рассмотрен дизайн в период с 1950-х по 1970-е гг. 1950-е годы в финском дизайне отмечены поиском новых художественно-композиционных решений. Художники Т. Виркка́ла, Т. Сарпанева, К. Франк, И. Тапиоваара, А. Нурмесниеми стремятся по-новому осмыслить традиционные материалы: дерево, стекло, металл. Успехи финского дизайна на международной выставке декоративного искусства, дизайна архитектуры в Милане - Триеннале 1951, 1954, 1957 гг.

5. В эволюции финского дизайна 1950-х, начала 1960-х гг. существенное значение приобретает искусство устройства выставок. Успешное участие финских дизайнеров на международных выставках, как проектировщиков выставочной экспозиции, так и авторов художественных и промышленных изделий. Широкая выставочная деятельность повышает интерес к проектированию простых, функциональных промышленных изделий (посуда - керамика, стекло, металл, мебель).

Преобладание функционализма в дизайне 60-х годов.

6. В 1970-е годы происходит значительное расширение сферы деятельности финского дизайна. Помимо более традиционной сферы деятельности - дизайна бытовых изделий (посуда, мебель, светильники, текстиль), дизайнеры все активнее участвуют в проектировании конторского, медицинского и другого оборудования, в проектировании машин, средств транспорта.

формируются специализации финского дизайна. И в этих областях художественного формообразования прослеживается сильное влияние традиционного подхода к поиску простых, лаконичных решений, сдержанность в декорировке.

7. Наиболее характерные особенности финского дизайна в указанный период связаны с отношением художника к материалу и пониманием функции промышленных изделий, с выявлением связей с природой окружающей среды, с решением вопроса о национальном и интернациональном в творчестве.

Гуманистические тенденции и их наиболее яркое проявление в творчестве академиков А. Аалто и Т. Вирккала.

Общие закономерности развития современного мирового дизайна одновременно свойственны и финскому дизайну.

Б. Л. Васильев
(Ленинград)

БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В АРХИТЕКТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

I. Общие черты и различие в архитектуре скандинавских стран, обусловленные их природными, географическими и социально-экономическими особенностями.

2. Сохранение традиций народного зодчества в сельских постройках, а также в современной архитектуре отелей и кемпингов, стимулируемое "индустрией туризма". Нарушение этих традиций в крупных городах. Снос, в ряде случаев, исторически сложившейся застройки, без учета ее архитектурно-художественной и мемориальной ценности для "расчистки" территорий под высотное строительство в угоду капиталистических монополий (Стокгольм, Осло).

3. Борьба органов охраны памятников и общественности за сохранение исторически сложившегося облика города и других населенных мест. Выступление широких народных масс против сноса обветшавшей исторически ценной застройки, за ее восстановление и реставрацию. Обострение этой борьбы в последнее время.

Самодеятельное восстановление и реставрация своих домов населением для предотвращения сноса.

4. Примеры типичного вкрапления новых сооружений в сложившуюся застройку. Типы новых зданий, органически вписывающихся в природное окружение, в сложившуюся градостроительную среду.

М. И. Безрукова, к.искусствовед.
(Москва)

ФИНСКИЕ И СКАНДИНАВСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ В СССР - ВКЛАД В КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ НАРОДАМИ

(К истории художественных контактов в 1950-1970-е годы)

1. Культурные контакты между народами скандинавских стран и Финляндии, с одной стороны, и Советского Союза, с другой, имеют давнюю и прочную традицию. В этих контактах видное место принадлежит выставкам изобразительного искусства - одной из наиболее действенных форм международного обмена художественными ценностями.

2. Вслед за заметным оживлением творческих связей на рубеже XIX и XX вв. наступила пауза, нарушенная после Великой Октябрьской социалистической революции. На смену отдельным актам художественного обмена пришла его регулярность. Новый подъем сотрудничество в области изобразительного искусства переживает в 1950-1970-е гг. Это - яркое свидетельство последовательной интернациональной культурной политики Советского государства, открывшего реальные перспективы не только для возрождения контактов, но и для их расширения и успешного развития.

3. В течение трех десятилетий в Советском Союзе были показаны неоднозначные по своему содержанию и характеру выставки, впервые после Второй мировой войны позволившие советскому зрителю широко и углубленно познакомиться с многообразным художественным творчеством народов Скандинавии, с историей их самобытной культуры.

4. Уникальность и особая актуальность совместной советско-шведской выставки исторических документов и произведений искусства, характеризующих отношения между обеими странами за тысячу лет. Приуроченная к визиту премьер-министра

Швеции в СССР в 1965 г., ее экспозиция, созданная усилиями многих специалистов двух стран, явилась прообразом выставки "Париж-Москва 1900-1930" и "Москва-Париж 1900-1930".

5. Среди наиболее значительных экспозиций, осуществленных в рассматриваемый период, выставки - "Финская живопись 1750-1900" (1979) и "Цорн и его современники" (1981). Сформированные на материале классических образцов из ведущих государственных собраний и крупнейших частных коллекций, образцов, вошедших в золотой фонд национального искусства, они сыграли важную роль в изучении художественной культуры Финляндии и Швеции в СССР.

6. Заслуживают внимания выставки художественного конструирования предметов массового производства, продемонстрировавшие поиски финских и скандинавских мастеров в сфере дизайна - одной из самых актуальных областей творчества, а также экспозиции конца 1970-х гг.: "Серебро Швеции", "Сокровища викингов" и первая в своем роде выставка шведских художников - активистов Союза обществ "Швеция - Советский Союз", посвященная 55-й годовщине установления дипломатических отношений между СССР и Швецией.

7. 1970-е годы отмечены особым нарастанием выставочного обмена между СССР и Финляндией. Об активной позиции Финляндии говорит не только количество присланных в нашу страну выставок, но и их планомерная организация и большая научная обоснованность их художественных концепций.

8. Осуществление художественного обмена на высоком уровне содействует его качественному совершенствованию, повышению общественного и научного резонанса. Глубоко гуманистическая по своей сути выставочная деятельность - важное звено в развитии культурного сотрудничества между народами СССР и северных стран, источник познания и взаимообогащения их культур, вклад во взаимопонимание.

М. Л. Астафьева
(Москва)

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В НОРВЕЖСКОМ ТЕАТРЕ 1970-Х ГОДОВ

I. Для театра Норвегии 70-х годов характерен пристальный интерес к социально-политическим проблемам современного норвежского и - шире - всего капиталистического общества, что имеет давнюю традицию, восходящую прежде всего к творчеству Г. Ибсена. Знание Ибсена для скандинавской и мировой драматургии заключается в создании реалистической социально-критической драмы, в которой автор подверг яростной критике социальные язвы своего времени. В драмах Ибсена социальная критика дается в неразрывной связи с проблемами нравственного порядка.

Это свойство ибсеновской драматургии унаследовала современная норвежская драма. Показательна в этом отношении пьеса "Балерина" А. Скуен, поставленная на сцене "Рогаланд-театер" (Ставангер, 1977, реж. Х. Банг-Хансен) которая с успехом шла как на норвежской сцене, так и на сценах Западной Европы. С огромной проникновенностью и глубиной в драме раскрывается проблема социальной незащищенности старых и больных в современном норвежском обществе.

2. Новым для традиционного социально-критического направления в драматургическом искусстве Норвегии сегодня является выбор и решение тем. Жизнь рабочего класса - его проблемы, забастовочная борьба, анализ и критика актуальных политических и социальных вопросов времени - составляют содержание пьес Э. Хоема, Й. Михеля, Г. Б. Гюндерсена, К. Хагерупа. Интересно в этой связи обратиться к социально-психологической драме "Корабль "Бонанца" Г. Б. Гюндерсена и Й. Михеля; постановленной в Норвежском театре (Осло, 1979, реж. О.Хомлюнг). В спектакле показывается вся жестокость и алчность "хозяев жизни", которые ради получения прибыли посылают людей на смерть; в постановке отражена также тема роста классового сознания норвежских рабочих.

3. Современный норвежский театр унаследовал от Ибсена еще одну традицию - реалистическую направленность в режиссуре и актерском исполнительском мастерстве. Был заложен

фундамент для утверждения на норвежской сцене реалистических бытовых постановок.

Подлинно новаторским может считаться прочтение драматургии Ибсена норвежскими режиссерами 70-х гг. Они интерпретируют ибсеновскую драму как средство открытия новых сценических форм реализма. Диапазон многочисленных поисков в области реалистической постановки весьма широк - от бытового ("Комедия любви", Национальный театр, Осло, 1979, реж. Э. Ромер, худ. Л. Хруза) до условного ("Пер Гюнт", Рогаланд-театер, Ставангер, 1978, реж. Х. Банг-Хансен, худ. Х. Хофф) оформления.

Большим вкладом в развитие сценических форм реализма являются спектакли телевизионного театра - такие, как "Женщина с моря", "Йун Габриель Боркман", "Когда мы, мертвые, пробуждаемся". Эти телеверсии ибсеновских драм еще и еще раз служат подтверждением современного звучания идей Ибсена, адекватности представлений художника и зрителя 70-х гг. о человеке, его проблемах. В этом виден залог продолжения ибсеновской традиции и ее постоянного обновления, непрекращающихся поисков и открытий новых форм реализма не только в норвежском но и в современном мировом театре.

А. Г. Образцова, д.искусствовед.
(Москва)

ДРАМАТУРГИЯ ХЕЛЛЫ ВУОЛИЙОКИ И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРАМЫ РУБЕЖА XIX И XX ВЕКОВ

1. Значение драматургического творчества Хеллы Вуолийоки в формировании реалистической финской драматургии XX века.

2. Хелла Вуолийоки и традиции европейской социально-психологической драмы конца XIX - начала XX века.

3. Основные идейно-творческие особенности цикла о Нискавуори. Сопоставление цикла с традициями русской драмы - Чехова и Горького. Общее и особенное в пьесах Хеллы Вуолийоки "Женщины Нискавуори", "Хлеб Нискавуори", "Молодая хозяйка Нискавуори", "Юстина" и драмах Горького "Васса Железнова", "Егор Булычев". Единство социального и психологического, присущее обоим драматургам. Принципы построения драматурги-

ческих характеров и конфликтов у Вуолийоки и Горького.

4. Широкая популярность пьес Вуолийоки на советской сцене. Основные этапы освоения драматургии финской писательницы: "Каменное гнездо" ("Женщины Нискавуори") в Малом театре (1959 г.), "Молодая хозяйка" в Ленинградском Большом драматическом театре (1976 г.), "Юстина" в Центральном театре Советской Армии и др. Связь постановок с традициями русской реалистической, психологической актерской школы. Ловийса В. Н. Пашенной, прославленной исполнительницы роли Вассы Железновой на сцене Малого театра.

5. Краткий анализ общих тенденций в постановках пьес Вуолийоки на сценах советских театров во время фестиваля финских пьес 1981 г. ("Хлеб Нискавуори", Рига; "Юстина", Ярославль и др.).

М. Э. Мянник
(Таллин)

О РАСПРОСТРАНЕНИИ И ВОСПРИЯТИИ ФИНСКОЙ МУЗЫКИ В ЭСТОНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. Культурный обмен как важный компонент в возникновении национальной культуры.

2. О музыкальных связях Финляндии во 2-й половине XIX в. Первый всеэстонский праздник песни 1869 г., способствовавший установлению и активизации связей, обновлению репертуара.

3. Публикация и исполнение финских хоровых песен в Эстонии в нач. XX в. Выступления финских хоров в Эстонии, финские концертные хоры в качестве представителей национальной хоровой музыки своей страны. Хоровые песни финских композиторов в репертуаре эстонских хоров. Преодоление песни в стиле лидертафель.

4. Развитие эстонского вокального искусства и финские певцы. О роли финских певцов в выносе песни на эстонском языке на концертную сцену. Алма Фоштрём и Эстония. Майкки Ярнефелдт, Элли Форселл, Дагмар Раэкаллио, Вяйнё Сола, Дагмар Пармас и другие популяризаторы камерной песни финских композиторов в Эстонии. Опера "Эстония" и финские певцы.

TRÜ Raamatukogu

Сольные песни финских композиторов в репертуаре эстонских певцов.

5. Параллели в развитии эстонской и финской симфонической музыки на рубеже столетий. Концерты финского дирижера Георга Шнеевойгта в Эстонии с программами из лучших образцов мировой симфонической музыки. Появление в Эстонии музыки композиторов скандинавских стран (Григ, Свенсен, Сибелиус, Ярнефелдт). Об авторских концертах Я. Сибелиуса в Эстонии в 1903 и 1904 гг. Симфоническая музыка финских композиторов в репертуаре оркестров Таллина и Тарту до 1917 г.

6. О распространении в Эстонии в нач. XX в. финской инструментальной камерной музыки.

Н. Н. Мохов
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАНДИНАВСКОГО СИМФОНИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

1. Скандинавский симфонизм, как и другие проблемы музыки скандинавского региона, представляет собой малоизученную область. "Северная симфония" известна нам лишь благодаря творчеству Сибелиуса, этнически не принадлежащему скандинавской культуре.

2. Будучи создателем норвежской симфонии, Ю. Свенсен (1840-1911) явился и создателем скандинавской симфонии: от его симфонизма во многом отталкивались и шведские композиторы - Х. Альвен (1872-1960), В. Петерсон-Бергер (1867-1942), и датские, прежде всего К. Нильсен (185-1931). Две симфонии Свенсена отмечены четкостью и классичностью формы, блеском оркестровки, мелодизмом.

3. Другие норвежские симфонисты: К. Синдинг (1865-1941), автор четырех симфоний; Ю. Халворсен (1854-1935), автор трех симфоний; Г. Шьеллеруп (1859-1933), автор двух симфоний; Э. Альнес (1872-1932), автор двух симфоний.

4. Принято считать, что в I-й половине XX в. (особенно в межвоенное двадцатилетие) жанр симфонии повсеместно переживает кризис. Однако в Норвегии и Дании именно в этот период созданы многие значительные симфонии.

5. Харальд Северуд (Норвегия) - автор девяти симфоний (р. 1897); Клаус Эгге (Норвегия, р. 1906) - автор пяти симфоний. Выделим в симфонизме этих композиторов лишь одну важную линию - трагедийного, "антивоенного" симфонизма. Северуду принадлежит симфоническая трилогия, созданная в 40-е годы: Пятая симфония (1941, "Симфония Сопротивления") - Шестая (1942, Sinfonia dolorosa, памяти врача А. Лавика, расстрелянного фашистами) - Седьмая (1947. "Псалом, симфония отцов и матерей"). Все три симфонии достойны занять в мировом симфонизме место рядом с такими симфониями, как Третья и Пятая Онеггера, Седьмая Шостаковича, Симфония-реквием Бриттена.

6. Основоположником шведского симфонизма считается Ф. Бервальд (1796-1868), но создателем шведской национальной симфонии стал Х. Альвен (1872-1960), автор пяти симфоний, из которых наиболее популярны Четвертая (1919, "С морского берега") и Третья (1906). В. Петерсон-Бергер (1867-1942) - автор пяти симфоний, наиболее популярна из которых Третья, "Лапландская", где композитор использует подлинные саамские напевы. Из других шведских симфонистов рассматриваемого периода должны быть названы В. Стенхаммар (1871-1927) и Т. Рангстрём (1884-1947), Х. Русенберг (р. 1892).

7. Самым выдающимся мастером не только датской, но и вообще скандинавской симфонии XX в. является классик датской музыки Карл Нильсен (1865-1931). Его творчество часто называют "водоразделом" в истории датской музыки, значение которого подобно значению творчества Грига в Норвегии или Сибелиуса в Финляндии. Автор шести симфоний (помимо множества произведений в других жанрах). Нильсен оказал благотворное влияние на последователей также своей реалистической эссеистикой. Его музыке свойственны острый драматизм, динамичность развертывания. Музыкальный язык его произведений прошел значительную эволюцию: последние из симфоний по сложности языка можно поставить в один ряд с произведениями Бартока, Стравинского, Шостаковича. Тем не менее, Нильсен был далек от современных ему течений (импрессионизм, экспрессионизм и т. п.), его музыка никогда не теряла естественности и своего лица.

8. Продолжатели дела Нильсена в датском симфонизме - К. Риисагер (1897-1974), В. Хольмбу (р. 1909) и другие.

В. Г. Голованова, к.филос.н.
(Ташкент)

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ШВЕЦИИ В 1950-1970 ГГ.

Качественное своеобразие искусства Швеции проявляется в закономерностях его формирования, функционирования и в изменении художественного потенциала страны. В связи с невозможностью социологического анализа всего контингента шведских деятелей культуры мы провели анализ выборки. Материалом анализа стали списки персоналий для шведских энциклопедий, изданных в 1950-1970-е гг.

Художественный потенциал меняется от десятилетия к десятилетию. Это изменение детерминировано социальной историей. В разные периоды развития общества наиболее значимыми для него являются те виды искусства, которые с большей достоверностью выражают идеалы и потребности времени. Динамика изменения структуры художественного потенциала Швеции в указанный период такова: в 1950-1960 гг. лидерскую позицию занимали литераторы, в 1970 гг. она перешла к организаторам предметной среды (архитекторам, живописцам, скульпторам, дизайнерам).

В возросшем внимании к книге в 50-60-е гг. реализовался не только идейно-художественный интерес к чтению, но и социальная потребность людей во взаимодействии. Ряды литераторов расширились, доля литераторов в общей массе творческих работников в 1960-е годы составляла 42,5 %.

К 1970-м гг. усиление человеческих контактов стало осуществляться комплексно. Увеличилось внимание к предметному миру как сфере, формирующей межличностные отношения извне. Изменились социальные функции музыки и театра: они все больше функционируют как средство оптимизации общения. Доля музыкантов и актеров в семидесятые годы увеличилась по сравнению с предыдущим десятилетием с 27 % до 32 %, а доля органи-

заторов предметной среды с 30 % до 36 %. Доля литераторов снизилась с 42 % до 32 %. Причем, в отличие от других стран, в шведских энциклопедиях отмечено резкое преобладание числа современников: в области музыки - 85 %, сценического искусства - 77 %, изобразительного искусства - 68 %.

Художественное производство в Швеции в 1970-е гг. развивалось столь интенсивно, что формирование групп комментаторов художественного процесса не поспевало за ним. Если в 1950-е гг. один критик обслуживал 21 художника, то в 1970-е гг. соотношение составило 1:41.

Отношение между социальной историей и творчеством отражается в таких количественных показателях, как средний возраст начала деятельности и количество начинающих авторов в разные десятилетия. Отмечен факт повзросления начинающих художников в 1960-е гг. и снижение возрастного ценза в 1970-е гг. Для архитекторов он снизился с 38 лет до 29, у живописцев - с 33 до 25, у скульпторов с 28 до 23, у музыкантов - с 26 до 22 лет. Для литераторов выявлена противоположная тенденция: в 1960-е гг. средний возраст писателей снизился до 26 лет, а в 1970-е гг. повысился до 30 лет.

Приток в искусство новых сил связан с потребностями общества, которое ищет в искусстве осознания своего бытия и средства для его организации. Обновление контингента художественной интеллигенции не всегда идет по возрастающей. Нами был рассчитан коэффициент художественной культуры, который характеризует среднюю плотность имен деятелей культуры на одно десятилетие. Обнаружено, что самый большой коэффициент обновления принадлежит живописцам (в среднем 45 новых имен за десятилетие), затем идут музыкальные работники (37), актеры (33), архитекторы (20), скульпторы (9), критики (9). Коэффициент обновления для теоретиков искусства равен 17 единицам.

В развитии художественной культуры Швеции отмечены общие и особенные закономерности.

Г. В. Михеева, к.пед.н.
(Ленинград)

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СКАНДИНАВСКИХ БИБЛИОТЕК

1. Географическая, историческая и культурно-языковая общность скандинавских стран, их политическая, экономическая и социальная близость обусловливают разностороннее сотрудничество этих государств, в том числе и в области библиотечного дела. В протяжении всей истории развития библиотек в Скандинавии им присущ ряд сходных черт. Особый интерес представляет сотрудничество научных библиотек, которое нашло в Скандинавии свое оригинальное выражение в создании межгосударственного сотрудничества библиотек по всем направлениям их деятельности.

2. Анализ скандинавской библиотечной литературы и работ советских авторов позволяет выделить в развитии межгосударственного сотрудничества научных библиотек в этом регионе три основных периода.

3. I-й период - с 1914 г. до второй мировой войны - характеризуется установлением эпизодических связей, охватывавших лишь немногие направления деятельности библиотек.

4. II-й период - с 1947 до 1974 г. В этот период создаются условия для организации постоянного межгосударственного библиотечного сотрудничества (создание национальных библиотечных систем, взаимодействие библиотек внутри каждой страны, создание межнациональных координационных органов, опиравшихся на соответствующие органы и организации в этих странах). Роль Скандинавской комиссии по делам культуры (Nordiska Kulturkomission) и Северного совета (Nordiska rådet). Деятельность Скандинавской федерации работников научных библиотек (Nordiska vetenskapliga bibliotekarieförbundet) - - разработка Скандиа-плана и проекта NOSP, создание общескандинавской библиотечной школы повышения квалификации, общескандинавские библиотечные съезды, совместные афро-скандинавские конференции. Неоднократная организационная перестройка библиотечного сотрудничества.

5. III-й период - с 1974 г. идет переход от конфронтации

и независимости библиотечного дела и органов НТИ к тесной взаимосвязи этих сфер деятельности. Организационному единству этих направлений способствует созданная в 1976 г. НОРДИНФО - Организация по сотрудничеству библиотек и органов НТИ скандинавских стран.

6. Несмотря на ряд недостатков, скандинавские библиотековеды добились несомненных успехов в теоретическом и практическом решении проблем координации и кооперирования, и исследование их опыта заслуживает пристального внимания со стороны советских библиотековедов.

С Е К Ц И Я УП

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.Г. Нецецкая
(Москва)

ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЕ ggj, ГОТСКОЕ ddj

1. Гуттурализация по закону Хольцмана (герм. jj > гот. ddj, др. исл. ggj, герм. ww > гот. ggw др. исл. gg(v)) является одной из несомненных изоглосс, на основе которых возникла теория гото-скандинавского языкового единства. Однако омоморфизм диахронических процессов не исключает различий в фонемной реализации отдельных элементов, ибо происхождение подобных процессов даже в условиях реальной исторической общности близкородственных диалектов не предполагает идентичности строения фонемных систем и структуры фонемных сочетаний. В связи с этим на основе методики диахронической фонологии вопрос о соотношении готского и древнеисландского рефлексов герм. jj может быть поставлен, минуя распространенную в классической германистике реконструкцию гото-скандинавской стадии усиления.

2. В эпоху расчленения германского диалектного континуума с изменением совокупности акцентно-просодических факторов, вызвавших усиление, геминаты jj и ww стали контрастировать в интервокальном положении с простыми j и w, т.е. претерпели фонологизацию. Включение jj и ww в систему коррелятивных связей в готском и древнеисландском привело к расщеплению их компонентов (дифференциация согласных в количественной корреляции), причем первый элемент преобразовался в смычный взрывной. Смычный коррелят среднеязычного j, артикулируясь на участке речевой полости между спинкой языка и твердым небом, может довольно широко варьировать относительно места реализации смычки в зависимости от оппозиций по локальному ряду, характерных для той или иной фонологической системы.

3. Приводимые в качестве аналогии исследуемого явления формы саамских диалектов (напр. sajjo, sâgjè, sad' d' ē "место") также дают основания предполагать, что причины ди-

вергенции в реализации усиленного j следует искать в различиях строения подсистем шумного консонантизма.

О.А. Смирницкая. к.филол.н.
(Москва)

О ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ АЛЛИТЕРАЦИОННОГО СТИХА (ЭДДИЧЕСКАЯ И СКАЛЬДИЧЕСКАЯ МЕТРИКА)

I. Метрические системы зависят как от просодических, так, в известной мере, и от ингерентных признаков фонологических систем (Лекомцева). Для тонической системы стихосложения необходима, в частности, наряду с сильным экспираторным ударением, дифференциация систем ударного и безударного вокализма. Слоги с гласными неполного образования встречаются здесь только на неиктовых позициях (силлабо-тоника) или вовсе не учитываются (акцентный стих). Этим двум возможностям соответствует отношение икта к языковому ударению: если в силлабо-тоническом стихе метрические противопоставления опираются в первую очередь на словесное ударение и непосредственно не соотносятся со значением (стопа), то в акцентном стихе на первый план выходит семантизированное фразовое ударение, и единицей соизмеримости становится комбинация слогов, объединяемая на основе значения (просодическое слово).

2. Все вышесказанное остается в силе для аллитерационной метрики, предпосылками для развития которой послужили как германское словесное ударение на первом слоге, так и дифференциация ударной и безударной систем вокализма в северо-западном ареале германских языков. Но благодаря своей архаичности, аллитерационная метрика гораздо теснее связана с языковыми противопоставлениями, нежели современный стих. Ее своеобразие определяется не словесным или фразовым ударением как таковыми, но прежде всего сближением факторов словесного и фразового ударения в германских языках (мотивированность акцентной структуры слова, градации словесного ударения).

Акцентные соотношения в языке канонизованы стихом в

двух иерархически связанных и частично изоморфных метрических единицах - краткой и долгой строке. В первой из них подчиняющим принципом служит семантизированное словесное ударение, во второй - фразовое ударение. Из мотивированности акцентной структуры слова следует, что строевыми элементами краткой строки служат не слоги, т.е. чисто просодические единицы, а просодические экспоненты морфем, т.е. единицы, имеющие фономорфологический статус. Соотношение между просодикой и фонологией морфем преломляется в стихе в единстве метрики и аллитерации.

Фономорфологическая основа краткой строки особенно важна для скандинавского стиха. В докладе рассматриваются некоторые особенности эддического и скальдического стиха, требующие фономорфологического объяснения.

3. Скальдические рифмы (хендинги). Внутренние рифмы скальдической поэзии отмечают не слоговую (точка зрения Клуге), а морфемную границу, чаще всего целиком охватывая корневую финаль. Фономорфологическая природа хенгдингов ясно видна в тех случаях, когда слоговая граница проходит внутри морфемы (upplendingar sendi), так и в случаях, когда морфемная граница проходит внутри группы согласных (þilblakks konungs vilja).

4. Правило количественной эквивалентности (⌣́ = ⌣́ ⌣). Фонологическое объяснение этого правила (Курилович) не может считаться достаточным для чисто-тонической метрики. В метрике канонизируется фономорфологическая неразложимость двухсложников в парадигме, явившаяся результатом процессов конца слова (см. прим.I).

Особую роль для скандинавской метрики играет обязательное совпадение границ двухсложников ⌣́ ⌣ с границами слова, отличающее, в частности, древнеисландский язык от древнеанглийского и обусловленное тремя явлениями: (а) удлинением гласного в исходе односложных слов (sá, þú); (б) отпадением глагольных приставок; (в) синкопой срединного гласного в трехсложных словах с кратким ударным слогом (iǫfurr - iǫfri).

Таким образом, "распространенная" (aufgelöst) вершина в строке может быть занята только целостным словом (не словосочетанием и не частью многосложного слова, ср. прим.2). Эта

закономерность получает разнообразное использование в метрической трактовке языкового материала.

Прим. I. Кратким слогом в метрике считается только слог с исходом на краткий гласный; иначе говоря, первый слог в слове iljar - долгий.

Прим. 2. Несинкопированный гласный, как правило, имеет в стихе второстепенное ударение (talàði).

5. Клаузула скальдической строки. В скальдическом стихе сходные фономорфологические закономерности распространяются на заполнение слабых позиций (спадов): двух с л о в н ы е спады подвергаются стяжению; двух с л о ж н ы е - заполняются только цельнооформленными словами. Но особенно ясно фономорфологическая основа стиха обнаруживает себя в клаузуле, заполняемой словами строго определенной просодической структуры. "Распространение" (Auflösung) в данной позиции не применяется потому, что оно пришло бы в противоречие с требованием цельнооформленности слова в клаузуле.

И.Г. Матюшина
(Москва)

НЕКАНОНИЗОВАННЫЕ ЗВУКОВЫЕ ПОВТОРЫ В ЭДДИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

I. В эддическом стихе организующим принципом метрической композиции является аллитерация. Наряду с аллитерацией в песнях "Старшей Эдды" используются добавочные необязательные звуковые повторы, не имеющие композиционной функции в стихе. В "Эдде" такие созвучия в достаточной мере случайны и расположение их не предуказано законами метрики. Однако, постепенно, эти случайные повторения звуков приобретают известное постоянство, начинают встречаться на строго определенных местах в строке и, получая, таким образом, метрическую функцию в композиционном членении стиха, из эмбриональных рифмоидов, спорадически использующихся в стихе "Старшей Эдды", вырастают в рифму в полном смысле, возвращающуюся по определенному композиционному закону на метрически закрепленном месте - канонизованную рифму скальдической поэзии.

2. Основное внимание в аллитерационном стихе, т.е. в

стихе, базой которого является сильное экспираторное ударение на первом слоге, фиксируется на ударном корневом слоге. Поэтому неравносложные созвучия с разными безударными слогами и созвучия с отсеченным конечным согласным или целым слогом являются для эддического стиха эмбриональными формами рифмы, в то время как созвучия метрически безударных слогов, а также неравноударные созвучия, образованные при объединении безударного или малоударного слога с корневым слогом полноударного слова в стихе "Эдды" таковыми считаться не могут. Корневые эддические рифмоиды изначально родственны аллитерации, что проявляется в ориентации их на согласные. Метрическая организация "Эдды" включает те же два звуковых типа рифмоидов, что и скальдическая поэзия: точное совпадение всех звуков ударного слога и консонанс, т.е. совпадение замыкающих согласных ударного слога при различном гласном.

3. Наиболее архаичным видом рифмоидов, теснее всего связанным с языковым материалом, опирающимся на существование таких единиц поэтического языка, как рифмованные формулы, являются звуковые повторы, объединяющие два соседних метрически главенствующих слова в пределах одного полустишия. Тождественные созвучия здесь или добавляются к двойной аллитерации, углубляя звуковой повтор, или, в случае обычной аллитерации, маркируют неаллитерирующий ударный слог. В отличие от западногерманского стиха, в "Эдде" такие созвучия редко встречаются в первой краткой строке. В большинстве примеров созвучие (как правило, простой консонанс) тяготеет ко второй краткой строке и тем самым захватывает самый слабый в аллитерационном стихе четвертый ударный слог. В данном случае рифмующееся созвучие также служит как бы подпоркой аллитерации и, выделяя звуковым повтором, как правило, неаллитерирующий четвертый ударный слог, помогает ей подчеркнуть метрическую сопринадлежность <u>всех</u> ударных слогов в долгой строке.

4. Типы рифмовых созвучий, выделяемые на основе их расположения внутри долгой строки, имеют неодинаковые функции в эддическом стихе. Анафорические созвучия, располагающиеся на первом ударном слоге первой и второй краткой строки, и

стыковые рифмоиды - созвучия на втором ударном слоге первой краткой строки и первом ударном слоге второй краткой строки, чаще всего встречающиеся в песнях "Старшей Эдды", служат тем же целям, что и аллитерация, т.е. более прочно связывают полустишия в долгую строку.

Более редкие кольцевые созвучия имеют двойственную функцию в стихе. С одной стороны, отмечая звуковым повтором начальный и конечный ударный слог долгой строки, они способствуют более тесному объединению кратких строк и тем самым большей автономности долгой строки. С другой стороны, кольцевые рифмоиды, уравнивая один из самых сильных ударных слогов долгой строки - первый и самый слабый - четвертый ударный слог, способствуют разрушению акцентного рисунка долгой строки (3,5 - 3 - 4 - I).

В стихе "Эдды" анафорические, кольцевые и стыковые рифмоиды встречаются реже, чем в западногерманской поэзии, что объясняется меньшей автономностью долгой строки в "Эдде" и тенденцией эддического стиха к строфике.

Несравненно больше распространены в "Эдде" конечные рифмоиды, причем нередко соотносятся краткие строки, входящие в разные долгие строки. Обозначая структурное отношение одного звукового ряда к другому, этот вид созвучий подчеркивает строфичность организации эддического стиха.

И.И. Чекалов, к.филол.н.
(Ленинград)

О СТРУКТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПОВТОРОВ В "ПЕСНИ О ВЁЛЮНДЕ"

I. Словесные повторы в "Песни о Вёлюнде" многочисленны и разнообразны. Они встречаются в виде повтора одного и того же слова, словосочетания, предложения, ряда предложений и соответственно имеют различную протяженность, доходящую до нескольких строф.

2. Еще первые исследователи "Эдды" указывали на повторы в "Песни о Вёлюнде", и в XIX веке они были подвергнуты детальному рассмотрению.

3. Изучение повторов велось преимущественно в плане анализа их сюжетной функции: они сопоставлялись с развитием действия и определялись как композиционный прием. При этом поэтика "Эдды" часто истолковывалась исключительно в рамках индивидуального поэтического творчества.

4. Такой подход к повторам являлся односторонним. Он стремился выделить их лишь как означаемые, игнорируя их специфику как означающих.

5. Повторы в "Песни о Вёлюнде" построены на основе речевой повторяемости и вариативности при неизменном ритмическом контексте, т.е. образуют формулы в понимании Пэрри и Лорда.

6. Граница между вариативностью и повторяемостью выражена в повторах различным образом: в них варьируются морфемы, местоимения, служебные и знаменательные слова, иногда одно и то же словосочетание выступает в различных синтаксических функциях, иногда наблюдается повторяемость одного и того же слова в идентичной синтаксической функции и метрической позиции при полном различии всех других элементов речи.

7. Многообразие соотношений между речевой повторяемостью и вариативностью при постоянной метрической схеме стиха приводит к образованию различных формальных структур. С помощью техники "подстановочных таблиц" Лорда в настоящей работе выделено десять типов структурно-грамматической организации эддических формул. Шесть из них получены путем сопоставления друг с другом повторов в "Песни о Вёлюнде", остальные - путем сопоставления повторов "Песни о Вёлюнде" с повторами в других песнях "Эдды". Все структурно-грамматические типы формул проиллюстрированы на материале различных песен.

8. Теория Пэрри-Лорда дает возможность рассматривать повторы "Песни о Вёлюнде" как компонент общеэддического стиля. Сюжетная функция повторов неразрывно связана с другой их функцией - структурно-стилистической: повторы составляют видимую, заметную на глаз часть стиля народной поэзии.

9. Наличие у формул определенных структурно-грамматических типов указывает на то, что формульные структуры "Эд-

ды" некогда были продуктивным средством живой поэтической речи народного творчества.

Н.Б. Гвоздецкая, к.филол.н.
(Иваново)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ РАДОСТИ В "СТАРШЕЙ ЭДДЕ" И "БЕОВУЛЬФЕ"

1. В докладе предпринята попытка выявить некоторые особенности так называемой "абстрактной лексики" в двух важнейших памятниках древнегерманского эпоса. Изучение лексем, служащих обозначению чувства радости (существительные, прилагательные, глаголы), проводилось как в плане типологического сопоставления лексики древнеисландского и древнеанглийского языков, так и в плане "постижения общих законов языка древнегерманского эпоса" (О.А. Смирницкая), в данном случае общности номинативных процессов.

2. В отличие от современных германских языков (ср. K. Reuning. Joy and Freude), язык "Эдды" и "Беофульфа" характеризуется скорее отсутствием цельного (для каждого памятника) гнезда слов, основной номинативной функцией которых можно было бы считать обозначение радости как эмоции. Лексемы, содержание которых можно трактовать как отражающее понятие "радость" (судя по толкованиям глоссариев), не только весьма разнолики в словообразовательном и этимологическом отношении, но вообще едва ли обладают достаточным смысловым единством, необходимым для выделения лексико-семантического поля. С одной стороны, внутреннее душевное состояние нередко "овеществляется" и приравнивается к материальным предметам, реальным обстоятельствам или внешнему поведению человека. Контекстуальный анализ требует внести ряд корректив в традиционные определения глоссариев. Так, значение "радоваться", приводимое Х. Герингом для дисл. fagna, не отграничимо в примерах от значения "радушно встречать, оказывать прием согласно этикету". С другой стороны, значение "радость" представляется невычлененным из более широкого смыслового спектра человеческих состояний и оценок, таких как желание, удов-

летворение, благо, польза и т.д.

3. Смысловая "диффузность", не раз отмечавшаяся исследователями древнегерманской поэтической лексики (Л. Шкинг, Э. Лайзи), не должна, однако, прямолинейно и безоговорочно осмысляться как признак архаического мышления. Прежде всего она требует оценки с точки зрения "особой системной организации лексики" древнегерманского эпоса (О.А. Смирницкая).

В связи с этим обращает на себя внимание однотипность контекстов и словосочетаний, в которых представлена каждая из "лексем радости", обусловленная формульным характером стиха. Семантическая определенность лексем создается не возможностью их столкновения в похожих контекстах, а особенностями распределения в поэтической синтагматике. Значение слова "растворяется" в ближайшем контекстуальном окружении (mæ-genes wynne = mæ-gen, woroldes wynne = world и т.п.), и подлинной силой номинации обладает уже не отдельное слово, а единица аллитерационного стиха. Смысловая диффузность оказывается обусловленной особенностями функционирования слова в поэтической системе, что предъявляет новые требования к реконструкции этимологических значений в контексте древнейших германских поэтических памятников.

Е.А. Гуревич
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СКАЛЬДИЧЕСКОЙ СИНОНИМИКИ

1. В литературе, посвященной скальдической синонимике, как правило, уделяется недостаточно внимания вопросу об источниках, из которых почерпнуты скальдические синонимы (хейти). Происходит это, очевидно, потому, что откуда бы ни был взят поэтический синоним, конечным источником его считается поэзия. Однако, поскольку это положение не доказано, на него нельзя опираться при исследовании хейти. Все известные нам скальдические синонимы содержатся либо в скальдических стихах, либо в тулах - стихотворных перечнях хейти, включенных в рукописи "Младшей Эдды". Представляется целесообраз-

ным проводить четкое разделение между этими двумя источниками.

2. На мысль о необходимости различать хейти в поэзии и в тулах наводит прежде всего тот факт, что подавляющее большинство содержащихся в тулах хейти никогда не встречается в скальдических стихах. Объяснить это только случайностью невозможно: слишком велико число несовпадений. Остается предположить, что среди перечисленных в тулах синонимов есть такие, которые по каким-то причинам вообще не могут употребляться в поэзии. Единственная возможность проверить правильность этого предположения - обратиться к сравнению хейти в поэзии и в тулах. В научной литературе этот вопрос до сих пор не ставился.

Такое сравнение неизбежно затрагивает вопрос о способах образования хейти.

3. Известно, что синонимика общеязыковая и синонимика скальдическая представляют собой два различных явления. Лишь очень немногие из поэтических синонимов являются синонимами в собственном смысле слова, большинство же создается по определенным моделям. Как правило, образование хейти происходит либо в результате изменения значения слова, для чего имеется ряд семантических способов (например, стирание видородовых различий типа птица = кукушка, тетерев и т.д.), либо в результате создания нового слова по продуктивным для скальдической лексики семантическим и словообразовательным моделям (ср., например, образования типа herkir, skerkir со значением "шумящий", оформленные как названия лица или деятеля мужского рода, входящие в синонимическую группу "огонь").

4. Сравнение "потенциальных хейти" (т.е. хейти в тулах) с синонимами, употребляющимися в скальдической поэзии, позволяет сделать вывод, что никаких особых, неизвестных поэзии семантических и структурно-семантических способов создания хейти в тулах не используется. И все же предположение о существовании хейти, непригодных для этой роли в поэзии и, следовательно, созданных не скальдами, а в тулах, подтверждается. Как оказывается, в тулах действительно имеются слова, неспособные отождествляться со своим синонимическим ря-

дом по той причине, что они образованы по способам, превышающим границы допускаемого скальдической синонимикой. Это превышение границ возможного в поэзии происходит не вследствие использования какого-то нового способа создания хейти, а благодаря чисто логическому развитию уже существующего, в результате чего снимаются ограничения, накладываемые на действие данного способа поэтической традицией. Самая возможность подобного снятия традиционных ограничений говорит о том, что хейти, которые не могли быть применены в поэзии, создавались в тулах.

5. Несовпадение двух источников хейти - скальдической поэзии и тул привлекает внимание к последним. Из факта существования хейти, непригодных для употребления в поэзии, следует, что автор (или составитель) тул не только перечислял синонимы, почерпнутые из скальдических стихов, но и сам создавал хейти. То, что образованные им хейти не всегда подходили для этой роли, вряд ли объясняется его неумением или стремлением продемонстрировать новые способы создания хейти. Скорее это вызывалось тем, что автору тулы не приходилось проверять свои синонимы скальдической практикой.

И.А. Ершова, к.филол.н.
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕРМАНСКОГО ИМЕННОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Сходство или своеобразие словаря отдельных германских языков, помимо чисто лексических особенностей, определяется также и особым развитием их словообразовательной системы.

2. В плане словообразования существительных основными факторами, формирующими особенности данной подсистемы в каждом языке, являются: I) сохранение общегерманских словообразовательных моделей (как в аффиксации, так и в словосложении); 2) специфическая модификация общегерманских словообразовательных моделей (особенно в области звукового оформления суффиксов); 3) появление новых словообразовательных моделей.

3. При сохранении общегерманских словообразовательных моделей могут наблюдаться ареальные особенности: I) в продуктивности модели; 2) в удельном весе ее в системе; 3) в лексическом охвате; 4) в соответствии конкретных лексических единиц, образованных по данной модели, в разных германских языках.

4. Модификация общегерманских моделей обычно носит ареальный характер и проявляется чаще всего во внешнем оформлении суффиксов, что может быть следствием переразложения основы (напр., суф. -ling, -ning, -nung и т.д.). В пределах одного ареала также могут наблюдаться расхождения по языкам по тем же параметрам, что и в п.3.

5. Появление совершенно новых словообразовательных моделей встречается сравнительно редко и может иметь своим источником заимствование (ср. лат. -arius) или, чаще всего, преобразование модели сложного слова в аффиксальную модель за счет превращения второй корневой морфемы в суффикс. Процесс возникновения новых суффиксов, главным образом для nomina abstracta носит общегерманский характер, но конкретные модели и их функционирование (см. выше п. 3) также могут иметь ареальные и локальные особенности.

6. Словообразовательная система древнеисландского имени, в целом являясь продолжением общегерманской, обладает рядом ареальных и локальных особенностей. I) Так, при сохранении общегерманских моделей (большинство из которых продолжают индоевропейские), некоторые из них, непродуктивные в целом, могут обнаруживать в древнеисландском продуктивность (напр., в nomina agentis о.-г. -iþ/-oþ - дисл. -aðr/-uðr; о.-г. -a особенно в поэтической речи); среди продуктивных общегерманских моделей некоторые обнаруживают особую продуктивность в ареалах, включающих древнеисландский язык (напр., nomina agentis с суф. -ja- - в гот. и дисл., с -nd- - в дисл. и да., nomina abstracta на -an чаще образуются от основ прилагательных в древнеанглийском и древнеисландском, nomina abstracta на -īn особо продуктивны в готском и древнеисландском); некоторые общегерманские модели отсутствуют в дисл. (напр., nomina abstracta на *-assu).2) Ряд общегерманских моделей претерпел преобра-

зование в древнеисландском (напр., о.-г. nomina agentis -ing/-ung с расширителями -l- и -n- в дисл., и да.; о.-г. nomina abstracta на -ingō/-ungō имеют в дисл. вариант -ning, где -n- первоначально принадлежало глагольной основе; модификация о.-г. -ni в дисл. преимущественно связана с глаголами на -ōn; особая разновидность о.-г. -jōn для одушевленных существительных женского рода; дисл. -ynja < о.-г. *-unjon; интересны модели с уменьшительным суффиксом -illinga/-ilunga в дисл. и да. 3) Возникновение новых суффиксов из словосложения в древнеисландском - явление более позднее и самостоятельное, хотя оно широко представлено и в западногерманских языках. Так, в древнеисландском и западногерманских языках возникают nomina abstracta с *-dōm и *-skapi; особый интерес представляют древнеисландские сложения с элементом -maðr, который может быть назван полуаффиксом. 4) Заимствованная модель с -ari (лат. -arius), хотя и продуктивна в древнеисландском, обнаруживает весьма малый лексический охват, причем ряд конкретных лексем оказывается заимствованиями из древнеанглийского или древненижненемецкого.

7. Исследование показывает, что общегерманские непродуктивные суффиксальные модели встречаются и в древнеисландском в основном в пластах общегерманской и ареальной (ридиктовой) лексики, в то время как продуктивные, модифицированные и новые модели представлены в ареальных и, главным образом, локальных инновациях. Следует отметить, что, так же как и в лексическом плане, скандинаво-готские словообразовательные изоглоссы носят более древний характер, в то время как скандинаво-западногерманские, главным образом скандинаво-английские, модели дают инновации, являясь тем самым более поздними образованиями.

Е.Р. Сквайрс, к.филол.н.
(Москва)

ДРЕВНЕИСЛАНДСКАЯ ГИППОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

1. В состав древнеисландской гиппологической лексики входят как исконно общие индоевропейские названия лошади, так и общегерманские, и собственные исландские инновации. Каждая из этих групп занимает определенное положение в коневодческой терминологии в целом, подчиняясь закономерностям, распространяющимся на группу названий домашних животных (Ершова). Так, наиболее устойчивы родовые названия лошади, развитие же происходит в основном за счет терминов со специфическими значениями.

2. В древнеисландском представлено общеиндоевропейское название лошади (ср. лат. equus) дисл. jór, которое, однако, стало поэтизмом, тогда как родовым названием являются общегерманские hestr и hross. Терминология коневодства образована в основном именно от них (ср. hestaat "конный бой", hestajarn "подковы", hesthús "конюшня", hrossakipping "спор из-за лошадей", hrossataka "конокрадство", hrossgjǫf "дар в виде лошади", hrossgørsemi "особо ценная лошадь" и др.).

Дисл. marr входит в германо-кельтскую изоглоссу, что является, очевидно, отражением той роли, которую кельты сыграли в распространении лошади в северной Европе (известный в истории коневодства "кельтский тип" лошади).

3. Замечено, что в древних коневодческих терминологиях особое место занимают обозначения лошади, часто особо ценимой породы, а также боевого коня (Одинцов). Это свидетельствует о том, что отношение к лошади складывалось в гораздо более глубоком и развитом культурном контексте, выделившим ее терминологию из группы названий домашних животных вообще. Германские языки не составляют исключения, и лишь в древнеисландском военная лексика, связанная с лошадью, ограничена производными от двух общегерманских слов hestr, hross, в остальном же сокращается за счет стилистических (как поэ-

тизм jór, первоначально "боевой конь") и семантических преобразований (ср. farar-hestr "пони", первоначально "боевой конь").

4. Древнеисландский материал обнаруживает верность общегерманскому принципу парного обозначения особей мужского и женского пола (ср. foli - fyl "жеребенок мужского и женского пола", marr - merr и hross - hryssa "лошадь мужского и женского пола"). Однако в локальной (не индоевропейской или общегерманской по происхождению) лексике Исландии этот принцип нарушается (ср. дисл. jalda "кобыла").

5. В то время как некоторые континентальные языки в XII-XIII вв. пополняют коневодческую терминологию названиями различных пород лошадей (отчасти заимствованными), в особенности ценных верховых и боевых (Одинцов), древнеисландский язык развивает локальную лексику, обозначающую упряжных лошадей, используемых в хозяйстве (brokkari, klárr и др.).

Многочисленны обозначения боевого коня, в том числе локальные hestaheiti и другие поэтические названия коня, в древнеисландской поэзии, что связано с особенностями ее языка и образного строя.

Б.С. Умарова, к.филол.н.
(Ташкент)

НАЗВАНИЯ ТКАНЕЙ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

I. В культуре западноевропейских народов периода раннего средневековья ткани, особенно их драгоценные виды, играли важную роль как платежное средство (шелк в то время превратился даже в своего рода международную валюту) и как предмет роскоши. Об интенсивности торговли тканями свидетельствует тот факт, что две трети (29 из 44) зафиксированных в памятниках древнеисландской письменности названия тканей представляют собой иноязычные заимствования.

2. Почти половина этих слов заимствована из средненижненемецкого - языка купцов-ганзейцев, в руках которых была сосредоточена торговля в Скандинавии эпохи раннего средневековья. Заимствования из английского сравнительно немногочис-

ленны и в основном относятся к более раннему времени; заимствования из других западногерманских языков (фризского и нидерландского) единичны. В этой группе слов достаточно сильно сказывается романское культурное влияние - шесть лексем имеют старофранцузское и среднелатинское происхождение.

3. Во многих случаях языки, из которых заимствовались рассматриваемые слова, являлись лишь посредниками, первоисточниками же были языки территориально более отдаленные от Скандинавии. Несколько слов имеет в конечном счете восточное происхождение: дисл. skarlat "пурпурная ткань" (из персидского) siklát "драгоценная шелковая ткань", kamalot "тонкая ткань", kamelet "ткань из шерсти с шелком" (из арабского); возможно, древним заимствованием из восточного неиндоевропейского источника, вошедшим во многие индоевропейские языки, является и дисл. lín "лен".

4. Если заимствованными словами обозначались привозные драгоценные ткани и ткани тонкой выделки, то исконные слова обозначали простые, грубые ткани местного производства из льна и шерсти. Эти ткани тоже служили платежным средством, ср. такие сложные слова с элементом vað "ткань", как vaðmál "грубая шерстяная ткань", первоначально "кусок ткани определенных размеров, употребляемый как платежное средство" (вторая часть слова связана с лат. metior "мерю", гот. mitan "мерить", русск. мера), sǫluváð "ткань, предназначенная для продажи", vǫruváð "ткань как товар, платежное средство".

5. Скандинавские названия тканей заимствовались, в свою очередь, в языки соседних народов - саамский (silkke, harpo, linne, rakta и др.), вепсский (lĭn, vate), финский (silkki, liina, vaate), эстонский (lina), латышский (vadmala), русский (водмол), ирландский (blae), а также в английский (ca. wadmoll) и немецкий (свн., снн. wātmal) причем в основном (за исключением названия шелка, дисл. silki) заимствовались названия тканей, производившихся в Скандинавии. Это свидетельствует о том, что местные ткани находили достаточно широкий сбыт на внешнем рынке.

6. Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы относительно основных принципов номинации тканей. Наи-

более распространено наименование ткани по месту изготовления, ср. дисл. baldakin "шелковая ткань" (из ср.-лат.[1] baldacinum "ткань из Багдада"), bukran "хлопчатобумажная или льняная ткань" (из ср.-лат. bucaranum "ткань из Бухары"), Íperst "ткань из Ипра", salún (из ст.-франц. chalun "ткань из Шалона"), silki "шелк" (из лат. sēricum "ткань серов, т.е. китайцев") и т.д. Распространено также наименование тканей по основным техническим приемам изготовления, ср. дисл. vaf "ткань" (к и.-е. *uebh- "плести, ткать"), vað "ткань" (к и.-е *uedh- "плести, ткать"), borði "ткань" (к и.-е. *bher- "плести, ткать"), ript "льняная ткань" (к и.-е. *rei- "царапать, рвать, разрывать, дергать, щипать", ср.русск. "дерюга"), þrískeptr "шерстяная ткань в три нити", eximi "драгоценная шелковая ткань" (из греч. heksámitos "из шести нитей"), по материалу, ср. дисл. lín "лен", "льняная ткань", kanifas "парусина" (из ср.-лат. canavacium от cannabis "конопля"), по особенностям окраски и узора, ср. дисл. skarlat "пурпурная ткань" (из персидского sakirlat "ткань, окрашенная кармином"), osterin "пурпурная ткань" (из лат. ostrum "пурпур", "ткань, окрашенная пурпуром"), jacinctus "голубая шелковая ткань" (из лат. hyacinthus "небесно-голубой шелк"), silfar "шерстяная ткань" (из снн. silf-var "(ткань) натурального цвета", "неокрашенная ткань"), teflinger "ткань в клетку" (ср. tafl "шахматная доска") и т.д.

Т.П. Егорова
(Москва)

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ СКАНДИНАВСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ФОРМАНТОВ

1. Проблема определения времени активности топонимообразующих средств представляется существенной прежде всего для установления выходов топонимических систем в другие ареалы.

2. Ведущие топонимообразующие форманты скандинавской территории можно разделить по времени их наибольшей активно-

[1] Приводятся только первоисточники заимствований.

сти на три группы, которые в соответствии с хронологией, принятой в шведской историографии, датируются периодами: Римский железный век (500 г. до н.э. - 800 г.): -löv, -lös, -ing, -hem, -tuna, -vini, -åker; период походов викингов (800 г. - 1050 г.): -by, -boda, -säter, -tomt, -torp; средневековый период (XII-XVI вв.): -bol, -bråte, -fall, -mark, -måla, -rum, -ryd, -sved.

3. Уточнение данных о времени активности выделенных формантов может служить их представленность в наименованиях поселений смежных территорий.

4. Анализ 1500 наименований по словарю Э. Эквала показал, что в результате колонизации острова скандинавами после высадки датской армии в 866 г. в Восточном Мидленде и создания Конфедерации пяти графств Датского Закона в наименованиях территории собственно Англии выделенные скандинавские форманты зафиксированы в количестве: -by - 645 наименований, -torp- 345, -tomt - 46, -säter - 46, -boda - 36.

5. В наименованиях территории собственно Англии не получили распространение форманты -löv, -lös. Период активности этих формантов в создании наименований территории Скандинавии закончился задолго до экспансии викингов. Не получили значительного распространения в системе английских наименований также форманты -måla, -hult, -mark. Время их наибольшей активности в создании наименований, в частности на территории Швеции, относится к XII-XIV вв. Наряду с формантами -bråte, -fall, -ryd, -sved они свидетельствуют о времени внутренней экспансии, сопровождающейся расчисткой новых земель под пашню в малонаселенных лесных районах.

6. Наименования поселений территории Датского закона подтвердили активность группы скандинавских формантов, выделенных выше в группу активных в период похода викингов. Они равно могут служить индикаторами скандинавских поселений в различных частях Европы, С.Африки, З.Азии и Америки подобно тому, как формант -land является формальным показателем названий земель, вновь открытых викингами в период раннего средневековья, когда Иберия стала называться ими Spánland, Галисия - Jakobsland, Галлия - Frankland, Британия - Englaland.

7. Сопоставление выделенных скандинавских топонимообразующих формантов с материалом "Словаря народных географических терминов" Э.М. Мурзаева показало, что в названиях территории старого славянского заселения в Ср. и В. Европе широко представлен географический апеллятив -лаз (фрак. laza "лесная просека, поляна"), представляющий параллель древнейшему топонимообразующему форманту скандинавского ареала -lös, отнесенному выше к наиболее отдаленному пласту топонимической номинации. В современных скандинавских языках он не имеет соответствующего географического апеллятива, значение его известно из англосаксонского lǣs "пастбище". Представленность этого форманта в качестве топонимообразующего средства славянских территорий позволяет отнести время его активности к периоду материковых контактов германских племен. При этом следует отметить устойчивость его смысловой интерпретации в наименованиях обоих ареалов.

8. Знакомство с полным объемом топонимообразующих средств скандинавского ареала позволяет в свою очередь уточнить их соответствие топонимическим формантам смежных территорий, в частности Волго-Двинского междуречья, где в названиях поселений зафиксирован ряд формантов, не поддающихся интерпретации, например, -бал/-бол в значении "поселение". По нашему предположению, он может соответствовать широко распространенному форманту скандинавской территории -bol (герм. bola, ддат. bǣl, кельт. bal, baile "двор").

9. Установление хронологии активности и ареалов распространения ведущих скандинавских формантов способствует уяснению условий и форм их проникновения в другие топонимические системы, определяет культурно-исторические факторы взаимодействия различных топонимических систем, что в конечном итоге проливает свет на развитие языковых союзов.

Е.В. Вербицкая
(Ленинград)

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДАТСКИХ ГЛАСНЫХ

Материалом экспериментально-фонетического исследования послужили все 20 гласных фонем датского языка, которые, как известно, противопоставлены друг другу по четырем дифференциальным признакам: ряду, подъему, лабиализации, долготе.

Было исследовано 590 слов в произнесении 6 дикторов. Слова подбирались таким образом, чтобы можно было сравнить характеристики долгих гласных без "толчка" и с "толчком", а также кратких гласных, избегая воздействия согласных, различающихся по месту и способу образования. На основе спектрального анализа были получены данные о длительности, интенсивности, частоте основного тона.

Различия в длительности долгих и кратких гласных, а также долгих без "толчка" и с "толчком" были отмечены во всех случаях, но оказались не такими значительными, как можно было предположить: длительность долгого гласного с "толчком" в среднем на 18% меньше длительности чистого долгого, а длительность краткого в среднем на 33% меньше длительности долгого.

Гласные с "толчком" имеют своеобразные акустические характеристики. Независимо от ряда и подъема различаются три типа гласных с "толчком". У гласных первого типа осциллографическая кривая состоит из трех фаз: первая фаза - собственно гласный, вторая фаза характеризуется резким падением интенсивности и сбоем периода, третья фаза - некоторым усилением интенсивности и появлением периода. У гласных второго типа осциллографическая кривая состоит из двух фаз: первая фаза - собственно гласный, вторая фаза - резкое ослабление интенсивности и в некоторых случаях сбой периода. У гласных третьего типа не замечено особых изменений в осциллографической кривой, хотя на слух гласный с "толчком" четко идентифицирован. (Возможно, что здесь способ произнесения "толчка" иной, так как такое произношение встречается в ре-

чи тех дикторов, которые, хотя и обладают нормативным произношением, но происходят из областей, в фонетической системе которых "толчок" отсутствует).

В гласных с "толчком" первого типа имеется определенная связь между длительностью и интенсивностью первой фазы (большая интенсивность и большая длительность) и между интенсивностью и частотой основного тона третьей фазы (некоторое увеличение интенсивности по сравнению со второй фазой и увеличение частоты основного тона).

Длительность фазы собственно гласного составляет 50% или более от длительности всего гласного.

При исследовании качественных характеристик гласных датского языка рассматривались спектральные характеристики всех чистых долгих, долгих с "толчком" и кратких гласных. Долгие гласные с "толчком" являются несколько более открытыми, чем соответствующие чистые долгие. Краткие гласные, как правило, являются еще более открытыми. Наблюдаются регулярные различия между чистыми долгими и соответствующими долгими с "толчком" по ряду: у гласных переднего ряда наблюдается некоторый сдвиг артикуляции назад, у гласных заднего ряда - некоторое продвижение артикуляции вперед. Характер этих изменений по ряду долгих гласных с "толчком" выражен менее ярко, чем у соответствующих кратких.

У закрытых гласных /i:/, /i/, /y:/, /y/, /u:/, /u/, изменения по подъему и ряду менее значительны, чем у остальных гласных.

Из всех согласных, окружающих гласные, к наиболее значительным качественным изменениям приводит согласный /r/, причем предшествующий в большей степени, чем последующий. Ярко выраженное воздействие /r/ можно проследить на гласных /a: /, /a/, /ɛ:/, /ɛ/, /ø:/, /ø/, /ö:/,/ö/. В меньшей степени /r/ влияет на гласные /e:/, /e/, /o:/, /o/, /ɔ:/, /ɔ/. Влияние /r/ на закрытые гласные /i:/, /i/, /y:/, /y/, /u:/, /u/ обнаружено не было.

Г.В. Воронкова, к.филол.н.
(Ленинград)

О ФОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ "ТОЛСТОГО L" В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

1. "Толстое l" встречается как в норвежских диалектах (во всех регионах восточнонорвежской диалектной области, исключая Западный Телемарк, а также в Румсдале и восточной части Сёрланне и на севере Норвегии вплоть до о.Хамарёй в Нурланне), так и в говоре Осло, положенном в основу так называемого стандартного восточнонорвежского.

2. Фонологический статус "толстого l" и его фонологическое содержание трактуется по-разному (фонема, стилистический вариант, факультативный аллофон латерального; какуминальный раскатистый, ретрофлексный "flap").

3. Фонетическая природа "толстого l" настолько сложна, что позволяет причислить его одновременно к спирантам и эксплозивным, к плавному дрожащему и плавному латеральному, что следует учитывать при определении места "толстого l" в системе.

4. Дистрибуция "толстого l" ограничена и вариативна: после гласного в конце слова или в интервокальном положении между некоторыми гласными: между гласным не самого высокого подъема переднего ряда и согласным, но, как правило, не дентальным; между согласным (как правило,не дентальным) и гласным; не в начале слова. Его дистрибуцию в говоре Осло описывают также в виде четырех ситуаций: слова, в которых "толстое l" может встречаться, но в которых может встречаться также и "тонкое l" или r (kål, folk, klase, gård, gjorde); слова, которые должны обязательно иметь "толстое l" møl, paelme, tael);слова, которые не могут иметь "толстого l" (bål, Pål, sal); слова, которые могут иметь "толстое l" в одной части Осло и не имеют его в другой (klasse, klart, flott).

5. Социолингвистические исследования показали, что жители Восточного Осло употребляют "толстое l" в значительно большем количестве слов, чем жители Западного Осло; что жен-

щины Восточного и Западного Осло употребляют этот звук реже, чем мужчины; что этимологически разные "толстые l " употребляются по-разному в этих двух частях Осло и т.д.

6. Интеграция "толстого l " в литературное произношение подтверждается целым рядом фактов: произношением ряда слов с этим звуком в иностранных словах (ср. all right, playboy); большей частотностью употребления "толстого l" у младшего поколения, чем у старшего, независимо от социального происхождения и места жительства представителей младшего поколения; произношением некоторых слов с "толстым l " жителями Осло независимо от возраста, места жительства и социального положения (напр., bli, ble, blitt); появлением ряда минимальных пар, которые свидетельствуют о том, что "толстое l" дискретизировано на уровне бинарных противопоставлений дрожащему и латеральному (ср., напр., [ˋha:lə] hale "хвост", [ˋha:rə] hare "заяц", [ˋha:ɽə] hardé мн. ч. от hard "твердый, суровый").

7. Несмотря на функциональную неполноценность "толстого l ", его можно считать особой развивающейся фонемой, продуктивность которой обеспечивается интеграцией народного произношения в литературную норму и закрепляется географией страны и столицы.

Ю.К. Кузьменко, к.филол.н.
(Ленинград)

ФУНКЦИЯ ДАТСКОГО ТОЛЧКА

I. В настоящее время наибольшее количество сторонников имеют две трактовки толчка. По одной из них датский толчок является показателем особого слогового акцента. При такой трактовке датская просодическая система отличается от шведско-норвежской системы, где существует противопоставление двух слоговых акцентов (акцента I и акцента II), только реализацией слоговых акцентов. Наиболее полно такая точка зрения представлена в трудах С.Д. Кацнельсона. Вторая трактовка толчка восходит к Н.С. Трубецкому, который, выделяя корреляцию преломления тона в морсчитающих языках, полагал,

что датский толчок является показателем этой корреляции. Ряд исследователей, несколько видоизменив это положение Н.С.Трубецкого, утверждает, что датский толчок - единственный показатель биморности.

2. Гипотеза о том, что датский толчок является слоговым акцентом, отвергается нами на том основании, что толчок относится не к слогу в целом как единому элементу, а прежде всего к стыку гласного с согласным, причем релевантным оказывается именно место толчка по отношению к гласному и согласному (ср. противопоставления типа ful - fuld /fu'l/- /ful'/). Предположение о том, что толчок - единственный показатель биморности, опровергается противопоставлениями типа mor - mord /mo:r/ - /mo'r/ и т.п., где долгий гласный без толчка противопоставляется гласному с толчком. Отметим, что в датском языке нет никаких свидетельств моросчитания, т.е. приравнивания одного долгого слога двум кратким.

3. В некоторых современных германских языках (английском, немецком, нидерландском) господствует просодическая корреляция контакта, выражающаяся в способе примыкания согласного к предшествующему гласному. Долгота и краткость гласного, слогораздел оказываются в этих языках показателями вида контакта - плотного или свободного. О. Есперсен отмечал два вида примыкания и в датском языке. Мы считаем возможным рассматривать датский толчок как показатель вида примыкания. Толчок, действующий в пределах сочетания гласного с согласным, либо отрывает согласный от предшествующего гласного (толчок на гласном), либо прибивает согласный к гласному (толчок на согласном). Однако в датском языке корреляция контакта оказывается не двучленной, как в английском, немецком и нидерландском, а четырехчленной: сверхплотный контакт в слогах с толчком на согласном со слогораздела после согласного (/hun'=en/, /bøn'=er/), плотный контакт в слогах с кратким гласным без толчка со слогоразделом, проходящим по поствокалическому согласному (/kome/, /heste/), свободный контакт в слогах с долгим гласным без толчка (/lø:ber/) и сверхсвободный контакт в слогах с толчком на гласном (/lø'ber/). Таким образом долгота-краткость гласных, толчок и слогоделение являются показателями

четырех способов примыкания согласного к гласному.

4. Если верно наше предположение о том, что толчок является показателем слогового примыкания в датском, то такая функция толчка должна была появиться в период становления корреляции контакта. История появления толчка во всех его диалектных разновидностях - это особая проблема, и решаться она должна в связи с историей просодических изменений в датском языке, прошедшем путь от моросчитания, сохраняющегося в некоторых шведских и норвежских диалектах, через корреляцию слогового равновесия, сохраняющуюся в большинстве шведских и норвежских диалектов и в исконно датских диалектах Ю. Швеции, к корреляции контакта.

Ю.А. Клейнер
(Ленинград)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДАТСКОГО ТОЛЧКА

Вопрос о происхождении датского толчка теснейшим образом связан с проблемой установления его места в фонологической системе современного датского языка. Считается доказанным, что толчок принадлежит к числу просодических, т.е. реализуемых в пределах слога явлений. При этом, однако, роль толчка как просодического средства не оговаривается или определяется недостаточно четко. Так, Н.С. Трубецкой считал, что толчок делит гласный слогоноситель на моры, хотя и относил датский к языкам с корреляцией усечения слога. Корреляция же усечения слога (= зависимость длительности гласного от способа его примыкания - плотного (с кратким слогоносителем) или свободного (с долгим) - к последующему согласному) несовместима с моросчитанием.

Как показал Ю.К. Кузьменко, корреляция усечения слога действительно существует в датском языке, и толчок в нем является фонетической реализацией свободного примыкания. Это значит, что толчок, по крайней мере в его современной функции, возник одновременно с корреляцией усечения слога, т.е. после прохождения апокопы.

Нерешенным остается вопрос о происхождении фонетиче-

ской реализации толчка. В принципе, можно предположить, что она возникла спонтанно в тот момент, когда появилась необходимость фонетического выражения свободного примыкания гласного к согласному. Такое предположение маловероятно прежде всего с точки зрения типологии (в других языках с корреляцией усечения слога для этой цели служили уже имеющиеся в языке средства; напр., глайды в английском). Кроме того, в этом случае без объяснения остается, во-первых, связь общедатского толчка с толчком в западно-ютском диалекте, система которого, судя по всему, отражает более древнее, изохроническое состояние (изохрония - взаимозависимость длительности гласного и согласного в слоге) и, во-вторых, роль толчка на согласном, т.е. в позиции, которая не связана с корреляцией усечения слога.

Так как толчок на согласном отмечается как в литературном датском языке, так и в его западно-ютском диалекте, ср. дат. лит. [hun'] hund "собака", зап.-ют. [sgar'b] skarp "острый", его, очевидно, следует признать первичным по отношению к толчку на гласном. Поскольку же сходные с толчком явления встречаются и в западногерманских языках (рейнская коррепция, английская гортанная смычка), где, независимо от их роли и положения внутри слова, они всегда отмечаются и на согласном, ср. рейнск. [šwim'p] schwimmt' англ. диал. [ka:n't] can't, можно предположить, что толчок на согласном был общегерманским.

Позиция, в которой отмечается толчок на согласном - это существующая в современных языках или восходящая к их более древнему состоянию позиция стыка сонанта и шумного. Известно, что в древних западногерманских языках на стыке шумного и сонанта в конце слова находился нейтральный гласный, не обладающий смыслоразличительной функцией. Вполне вероятно, что альтернантом его в древнегерманских диалектах был толчок.

Дальнейшая судьба датского толчка сходна с судьбой нейтрального гласного в английском языке: после установления корреляции усечения слога их дистрибуция расширилась, и оба они стали служить для реализации свободного примыкания гласного к согласному. В английском это привело к образованию

центральных дифтонгов.

В западно-ютском диалекте толчок выполняет ту же функцию, что преаспирация в исландском (сходство между толчком и преаспирацией отмечалось неоднократно), что свидетельствует либо о самостоятельном развитии, либо, что более вероятно, о более древнем, по отношению к общедатскому, состоянии. Последнее означает, что толчок дважды менял свою функцию: в первый раз после установления изохронии, во второй - после образования корреляции усечения слога.

Развитие, подобное общедатскому, можно предположить и для рейнской коррепции.

В английском языке гортанная смычка была вытеснена нейтральным гласным и сохранилась лишь как стилистическое средство, поскольку английские неусеченные гласные развивались по модели среднеанглийских дифтонгов, подвергшихся монофонемизации в результате апокопы конечного -е. В датском, где монофтонгизация дифтонгов прошла до установления корреляции усечения слога, толчок стал выполнять ту же функцию, что и глайд в английском.

Подобно английскому нейтральному гласному, который в составе центральных дифтонгов выполняет функцию глайда, а в остальных позициях является самостоятельной фонемой, датский толчок служит для реализации свободного примыкания, т.е. представляет собой просодему внутри слова, и является самостоятельной фонемой, хотя и согласной, находясь на согласном.

М.В. Раевский, д.филол.н.
(Москва)

СКАНДИНАВСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ: ФОНЕТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ И УСЛОВИЯ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

I. Скандинавское преломление до сих пор является предметом пристального изучения по целому ряду причин, в которых не последнее место занимают непоследовательность его проявлений и - как результат этого - неясность его связей с другими изменениями праскандинавского вокализма. Однако, как показывает материал, нет оснований считать, что сказано по-

следнее слово и в таких, казалось бы, недискуссионных вопросах, как фонетический механизм и условия проведения преломления.

2. Принято считать, что так называемому преломлению в общескандинавском подвергалась праскандинавская фонема /e/. В соответствии с традиционными взглядами этот процесс проходил следующие стадии: e > e^a > ea > ^ia > ja. М.И. Стеблин-Каменский рассматривает этот процесс как синтагматическое расщепление некоего однофонемного звукового сегмента на последовательность двух фонем. Эта бесспорно верная фонологическая трактовка преломления предполагает решение следующих вопросов: I) Что можно сказать об антропофоническом субстрате преломлявшейся фонемы, если первый член сменившей эту фонему последовательности фонем реализуется в передненебном проточном сонанте, а второй - в гласном нижнего или среднего подъема?; 2) В какой мере вероятно развитие назвука краткого гласного в полноценный гласный, становящийся вокалическим ядром слога, и превращение этимологического вокалического ядра слога в его консонантный элемент?; 3) В каких условиях было бы вероятно такое развитие?; 4) Почему преломление происходило в одних случаях и отсутствовало в других даже тогда, когда условия, в которых находился подверженный преломлению гласный, были совершенно одинаковы?

3. Существует мнение, что праскандинавская фонема /e/ была представлена в позиции преломления гласным, сдвинутым в сторону среднего ряда. Однако думается, что такая характеристика дает неполную картину антропофонической стороны дела и должна быть дополнена указанием на сдвинутость гласного книзу. Кроме того этот гласный явно не был однородным в тембровом отношении, т.е. имел отчетливую дифтонгоидную природу: началу гласного сегмента был присущ более высокий тембр, а его завершающей части - более низкий.

4. Традиционная реконструкция преломлявшегося гласного как [e^a] представляется недостаточно реалистической, так как она предполагает, что в результате передвижки ударения внутри слога гласный полного образования, бывший слогоносителем в полном смысле этого слова, развился в полугласный, а затем в передненебный проточный сонант, тогда как а-образ-

ный пазвук преобразовался в собственно вокалическое ядро слога, т.е. стал самостоятельным гласным сегментом. По всей вероятности, преломлявшийся гласный имел i-образный приступ, который, как свидетельствуют параллели из других языков, действительно может развиться в палатальный проточный сонант. Этот приступ, по-видимому, был присущ подвергавшемуся преломлению гласному изначально, поскольку в нем отражался один из признаков представленной гласным фонемы, а именно - верхний подъем. Естественно, что такой приступ гласного, обладавший от природы способностью к консонантизации, вряд ли мог быть вокалическим ядром слога, а тем более нести на себе и словесное ударение. Таким образом, преломлявшийся гласный скорее может быть реконструирован как гласный среднего или нижнего подъема с i-образным приступом, но не как гласный среднего подъема с а-образным пазвуком или отступом.

5. Под условиями проведения преломления обычно понимаются позиции подвергающегося преломлению гласного относительно предшествующих или следующих за ним звуков - гласных и согласных, а также характер слога, содержащего такой гласный. Однако еще более важным условием проведения преломления является, с нашей точки зрения, тот слоговой акцент, который был присущ слогам, содержавшим преломлявшийся гласный. По-видимому, в общескандинавском это был какой-то не представленный в современных языках вид слогового акцента, особо благоприятствовавший дифтонгоидной реализации соответствующей гласной фонемы. Этот вид слогового акцента, очевидно, был унаследован от той эпохи, когда фонетическое слово еще составляли слоги, сохранявшие акцентную самостоятельность. С изменением акцентной структуры германского слова, т.е. со становлением централизующего словесного ударения, этот акцент исчез, уступив место одному из ныне известных.

6. Известные случаи типа дисл. ɛefa, но ɛjǫf, røkkr, но þjǫkkr и т.п. допускают с излагаемой в докладе точки зрения следующую интерпретацию: I) как свидетельства того, что праскандинавская фонема /i/ подвергалась либо а-умлауту, либо преломлению в зависимости от вида слогового акцен-

та, который характеризовал корневой слог, содержавший эту фонему; 2) как свидетельство того, что различные классы слов, принадлежавших как к разным частям речи, так и к одной из них, первоначально обнаруживали различные виды слогового акцента на корневом слоге.

Н.Н. Беспятых

(Ленинград)

ШВЕДСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ [ʉ:] И [ʉt]

I. Английские диалектологи Дж. Райт и Э. Гепп испытывали значительные затруднения при описании гласного звука в словах spoon, tooth, new, tune в некоторых восточно-центральных диалектах Британии (графства Норфолк, Суффолк, Эссекс) и обычно отождествляли его с шотландским [y] французским [y] или немецким [ü]. А. Эллис отмечал сходство этого гласного с французским [y], однако оговаривался, что сходство не является полным и что артикуляция суффолкского гласного очень своеобразна; А. Эллис обозначал его как [yi].

Шведские лингвисты Р.Э. Сакриссон и Х. Кёкеритц опознали в этом звуке гласный, тождественный, по их свидетельству, шведскому гласному переднего ряда среднего или верхнего подъема [ʉ:] в слове hus. В литературе рассматривался вопрос о том, не является ли английская фонема [ʉ:] скандинавским заимствованием. Установлено, что она возникла в результате самостоятельного развития английских диалектов, в которых ее источниками были среднеанглийские гласные фонемы [ō], [eu] и фонема [y] в словах французского происхождения.

2. [ʉ:] входит также в систему вокализма диалекта Восточной Новой Англии (США), сложившегося преимущественно на основе британских восточно-центральных диалектов. Довольно точное описание артикуляции гласного дал в конце XVIII века Н. Уэбстер. Для того чтобы правильно произнести звук в словах tune, new, Н. Уэбстер предлагал приготовиться к произнесению [i:], а сказать [u:]. Речь, несомненно, идет

о лабиализованном гласном высокого подъема, при произнесении которого губы не выпячены, а растянуты. В вокалической системе диалекта ВНА гласный /ω: / является фонемой (противопоставлен всем другим гласным диалекта в соответствующих минимальных парах); в последние десятилетия наблюдается процесс дифтонгизации /ω:/ > /iu/ .

3. Проведенный Г. Уайтхоллом анализ фонетических написаний позволил установить существование в диалекта ВНА на ранних этапах его развития (ХУП в.) еще одного гласного, имеющего соответствие в шведском языке, - [ʊ]. Его источником был среднеанглийский гласный заднего ряда [ǭ] . В описании Н. Уэбстера такой звук встречается только в составе дифтонга /ʊu/ < ū .

С.И. Неделяева-Степонавичене,
к.филол.н.
(Вильнюс)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАНДИНАВСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)

Явления, обозначаемые в указанных языках терминами "сложное слово" (СС) и "словосложение", по своему содержанию весьма неоднородны. Это обстоятельство затрудняет их изучение, а также отграничение от смежных явлений. Специфика словосложения в отличие от других способов словообразования заключается в том, что СС всегда мотивировано не менее чем двумя основами самостоятельных слов. Кроме того, СС может быть образовано и не в результате словосложения.

СС может функционировать либо как лексическая, либо как синтаксическая единица, или же как единица лексики, обладающая тесной связью с синтаксисом. Своеобразной особенностью функционирования значительной части СС в языках обеих рассматриваемых групп является их соотносимость с соответствующим словосочетанием, понимаемая обычно как синонимичность. По-видимому, точнее называть это способностью СС составлять с соответствующими словосочетаниями оппозицию, обычно двучленную. Члены этой оппозиции могут выступать как межстиле-

вые, внутристилевые или стилистические синонимы, могут быть противопоставлены семантически, функционально, определяться грамматическими условиями или же речевым узусом. Взаимозаменяемость, иначе синонимия, становится возможной тогда, когда указанные различия в данном контексте по той или иной причине оказываются сняты.

Между СС, обнаруживающими тесную связь с синтаксисом, или "синтаксическими" СС и соответствующим свободным словосочетанием, находится обширный разряд т.н. "составных наименований", или сложно-составных слов, обеспечивающих плавный переход от словосочетания к слову. Многие "неправильные" СС, очень продуктивные в современных скандинавских языках, по сути и являются такими промежуточными образованиями.

С.Г. Халипов, к.филол.н.
(Ленинград)

АРТИКЛЕВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОСТОЯННОГО ПРЕДИКАТИВА

В работе делается попытка описать особо трудные случаи употребления артикля при постоянном предикативе, т.е. таком существительном или словосочетании, которое, будучи соответственно оформленным определением и артиклем и имея определенное семантическое наполнение, как правило, не выполняет иных функций, кроме предикатива.

Неопределенный артикль

Некоторые качественные постоянные предикативы с постпозитивной определительной группой представляют собой фразеологизм (Hon är en pärla till hustru). Часто встречаются постоянные предикативы с определением en enda stor "сплошной".

Книжному языку свойственны постоянные предикативы с препозитивным генетивным определением (Det är en sädets nyck).

Определенный артикль

Постоянный предикатив с адъективным определением превосходной степени оформляется одним лишь свободностоящим

артиклем для обозначения высокой степени качества (Kebnekajse är det högsta berg). Часто употребляются постоянные предикативы с определением själva в препозиции, själv в постпозиции (Han är själva godheten).

Прилагательное rena в сочетании с абстрактным существительным образует словосочетания, выступающие в функции постоянных предикативов (Det är rena sanningen).

Н.С. Круглова
(Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ КОМПАРАТИВА В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В норвежском языке, как известно, существует два способа образования степеней сравнения прилагательных - синтетический и аналитический.

Особенностью аналитической формы (АФ) является то, что лексическое и грамматическое значение слова передается расчлененно, а степень объединения ее элементов может варьироваться (В.Н. Ярцева). Грамматизация словосочетания связана с большим или меньшим ослаблением лексического значения одного из компонентов.

Аналитическая форма компаратива (АФК) в норвежском языке представляет сочетание наречия mer + прилагательное в положительной степени. АФ встречается чаще всего у многосложных прилагательных, оканчивающихся на -sk, -en, -et(e), и у причастий (F.-E. Vinje). Наличие этих суффиксов в структуре слова препятствует синтетическому способу образования. Таким образом, синтетический способ имеет морфологические ограничения, а аналитический не имеет. Однако АФК в норвежском языке - немногочисленная группа образований. По нашим подсчетам, прилагательные в АФК составили 13,5% всех собранных компаративов. Из 13,5% реже всего в сочетании с наречием mer употребляются односложные прилагательные.

Анализ примеров, полученных методом сплошной выборки, позволил выделить некоторые случаи употребления АФК односложных прилагательных.

В АФ употребляются прилагательные, для которых характерна в основном предикативная функция в предложении. Это прилагательные типа redd, trett, lei, stolt, которые с глаголом-связкой или со знаменательным глаголом образуют устойчивые словосочетания, обозначающие действие или состояние, напр. Og hun merket seg den ting, at hun var mye mer lei seg fordi hun nå etter alt å dømme var rød og blank på nesen, enn fordi Laura var død (T.Nedreaas). В приведенном примере (и ряде подобных) сочетание "mer + прилагательное" нельзя считать полностью грамматизованным, так как наречие частично сохраняет лексическое значение и характеризует состояние или действие.

Следующий случай употребления односложных прилагательных в АФК представлен прилагательными, семантика которых препятствует образованию степеней сравнения: Å, hun var likevel mer blind enn han. Подобные примеры свидетельствуют о возможности употребления mer с прилагательным при реализации переносного значения. Такие сочетания можно считать полностью грамматизованными.

Среди примеров с АФК были предложения типа Håret var mer rødt enn blondt. Здесь сравниваются два качества, возможных у одного объекта, и второе качество не категорично отрицается. Mer в таких предложениях синонимично наречиям snarere, heller, то есть полностью сохраняет свое лексическое значение.

Перечисленные случаи позволяют судить о разной степени грамматизации конструкции "mer + прилагательное".

В.В. Иваницкий
(Кемерово)

ТИПЫ АСПЕКТУАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Разнообразные средства выражения аспектуальности сходятся в конкретном высказывании, в контексте. В современном шведском языке можно выделить следующие типы аспектуального контекста: предложения с предикатами последовательных или синхронных действий, пролепсис, предложения типа

"предшествование - следование", "следование - предшествование", "длительность - наступление факта", "наступление факта - длительность", "длительность - одновременная ей длительность" и т.д.

2. Основным типом аспектуального контекста для предельных глаголов является сопряженность действий в последовательности, для непредельных - синхрония действий. Оба типа представляют собой открытую структуру с однородными формами сказуемых.

В контекстах с последовательными действиями функционируют и непредельные глаголы, за исключением реляционных (типа gälla "значить, быть действительным"; finnas "весить"), некоторых статальных (типа vägа "быть, находиться"; råda "царить") и соответствующих аналитических конструкций. В этом случае непредельные глаголы передают начинательную или результативную предельность, напр.: Till mormor! ropade pojken och viftade med armarna (Lagerqvist. Gäst hos verklighet) "К бабушке! - крикнул мальчик и замахал руками".

В контекстах с одновременными действиями употребляются и предельные глаголы, кроме глаголов с моментальной семантикой (dimpa "шлепнуться"; bomma "промахнуться" и т.д.) и соответствующих аналитических конструкций. Предельные глаголы в этом случае приобретают признаки длительности и неограниченной кратности, напр.: Han simmade och dök i det silverglittrande vattnet som i ett sällsamt ljushav "Он плыл, погружаясь в блеск воды. Он тонул в нем, как в необыкновенном световом океане" (Паустовский. "Кара-Бугаз").

3. Контекст типа "предшествование - следование" также широко представлен в шведском языке. Он составляется из разных форм предикатов: предшествование выражается сказуемыми в относительных временах, следование - абсолютных. В контексте используются предельные и непредельные глаголы, кроме реляционных.

4. Прочие типы контекстов так или иначе соотносятся с одним из вышеуказанных контекстов. В пролепсисе встречаются только предельные глаголы, к конструкции типа "длительность - одновременная ей длительность" - преимущественно не-

предельные. Основные типы контекстов, как правило, в конкретных речевых актах по-разному комбинируются.

Контексты могут оформляться при помощи союзов om (... så) "если(...то)", ifall "в случае, если"; när (då) "когда... (тогда)"; efter att "после того как"; medan "пока, в то время как"; så snart (... så) "как только (... то)" и т.д.

5. Роль контекста в аспектуальной характеристике глагольного действия во многом зависит от степени информативности формы глагола: чем определеннее аспектуальные признаки этих форм, тем меньшую роль играет контекст. Так, эволютивные глаголы (типа vifta "махать", skratta "смеяться") актуализуют то или иное аспектуальное значение в зависимости от типа контекста, а реляционные глаголы фактически сами определяют характер контекста. Употребление нейтральных форм глаголов без соответствующего их лексического окружения делает контекст основным средством актуализации и модификации аспектуальных значений.

В.В. Леушева, к.филол.н.

(Москва)

РОЛЬ S-ПАССИВНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ФОРМИРОВАНИИ РАЗЛИЧНЫХ СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Среди грамматических категорий глагола залог занимает такое же место как падеж в системе имени существительного: будучи словоизменительной, морфологической категорией, залог реализует свою смысловую структуру "в пределах определенных синтаксических отрезков" (М.М.Гухман), в первую очередь, в пределах предложения, где залоговые формы выполняют важнейшую структурную роль.

Особенно велика структурная роль залоговых форм глагола в языках с фиксированным порядком слов. Закрепление первого места в предложении за грамматическим подлежащим (при прямом порядке слов) вызвало к жизни новые способы распределения коммуникативно-информативной нагрузки в предложении.

Одним из этих способов является употребление пассива. Известно, что наиболее типично для шведского языка такое построение предложения, при котором первая часть представляет собой основу высказывания (данное, тему), а коммуникативный центр (новое, рема) располагается во второй части предложения. Употребление пассивной конструкции позволяет без нарушения грамматического порядка слов "перевести субъект с центральной синтаксической позиции подлежащего" и представить в качестве основы высказывания объект действия.

2. В современном шведском языке, как известно, пассивный залог представлен аналитическими и флективными формами (s-пассив). Наибольшую регулярность и универсальность приобрели s-пассивные формы, охватившие всю глагольную систему, включая непереходные глаголы ("безличный" пассив). Исследования последнего времени (Ё.Хольм, А.Кирри) показали, что s-пассив широко распространен во всех сферах употребления шведского языка, включая разговорную речь и диалекты. В текстах официально-делового и научного стиля, в газетных текстах наблюдается абсолютное преобладание s-форм.

3. s-пассив участвует в формировании по крайней мере четырех различных структурно-коммуникативных типов предложений, развившихся в разные периоды истории шведского языка.

I Двучленный личный пассив: N + VSp (N - имя, подлежащее, V - глагол, Sp - s-пассив).

II Трехчленный личный пассив: N + VSp + av N (av N - агентивная конструкция.

III Одночленный безличный пассив: Det + VSp

IУ Так называемый "мнимо-безличный" пассив: Det + VSp + + N

При этом I и II типы допускают употребление других форм пассива, III и IУ - исключительно прерогатива s-пассива. Внутри перечисленных выше структурных типов предложений могут быть выделены подтипы. В частности, в III и IУ возможно эксплицитное выражение деятеля, с помощью агентивной конструкции (av N).. Из I типа могут быть выделены случаи употребления дополнения при трехвалентном глаголе (Han har berövats sin frihet).

За каждым из выделенных типов предложений закрепилась определенная коммуникативная функция. Коммуникативное назначение типа I - сообщение о действии без указания источника действия. Основой высказывания является подлежащее (объект действия): Delegationen... informerades om fackföreningsrörelsens uppbyggnad i Sovjetunionen (Ny Dag). Тип II дает возможность представить деятеля (агенс) как новое, информативно важное Studiedelegationen leddes av Alvar Gard; från partistyrelsen (Ny Dag). Основное назначение типа III - представить действие без указания на деятеля и объект действия: Det byggs här. Тип IV (Det har begåtts för stora brott) не отличается по коммуникативному назначению от типа III. Обычно конструкции такого типа называют мнимо-безличными, считая субстантивный член истинным подлежащим. На самом деле его следует рассматривать либо как дополнение, либо как компонент глагольного фразеологического единства. В типах III и IV абсолютизируется действие, в предложении нельзя выделить основу высказывания и коммуникативный центр, информативно важным и новым является все высказывание в целом. Безличное местоимение det превращает предложение в односоставное.

4. Анализ текстов различных жанров показывает, что использование перечисленных выше типов конструкций позволяет с большой гибкостью перемещать коммуникативно-смысловые центры высказывания. Таким образом, S-пассивные формы играют важную структурную роль не только на уровне предложения, но и на уровне текста и его единиц, больших чем предложение (сверхфразового единства).

В.П. Берков, д.филол.н.
(Ленинград)

"ДВОЙНАЯ" ПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В сообщении рассматривается норвежская конструкция "глагол в пассиве + страдательное причастие II" (представленная также в датском и шведском): prisene ventes nedsatt, endringene ble besluttet gjennomført, slike former er ikke til-

lat brukt i skolen. Как явствует из примеров, главный глагол в конструкции используется во всех трех типах пассива, а в качестве зависимого глагола используется причастие II предельного переходного глагола.

Рассматриваемая конструкция сходна с обычной пассивной: в обеих подлежащим в предложении является существительное, обозначающее логический объект действия - с той, однако, разницей, что в "двойной" пассивной конструкции действие обозначено причастием II. С другой стороны, между обычной страдательной конструкцией и "двойной" есть и существенное отличие: если в первой объектом действия, выраженного сказуемым, является предмет, обозначенный подлежащим, то во второй объектом глагольного действия является действие над этим предметом: brua blir bygd (ср. man bygger brua) - brua ventes bygd (ср. man venter at brua blir bygd).

В ситуации, описываемой "двойной" пассивной конструкцией, в принципе три актанта: объект действия, агенс I (производитель действия, обозначенного причастием II) и агенс II (производитель действия, обозначенного главным глаголом). Агенсом II может быть сам говорящий, ср. pakkene bes levert på mitt kontor. Число актантов, естественно сокращается, если агенс I и агенс II - одно лицо, ср. planen ble forsøkt realisert. Велико, между тем количество предложений с "двойным" пассивом, которые могут интерпретироваться и как двухактантные, и как трехактантные, напр. huset planlegges oppført neste år.

Предложения с "двойной" пассивной конструкцией никогда не сообщают о факте как о чем-то достоверном: осуществление действия представляется как нечто предположительное, желательное, утверждаемое кем-либо, намечаемое, требуемое и т.п.: planen antas iverksatt, han påstås drept, møtet ble vedtatt sammenkalt, feilen bes unnskyldt.

Главные глаголы таких предложений образуют закрытый класс, их число равняется 44 (Ян Энг). Их можно разделить на: I) глаголы, выражающие отношение говорящего к факту (глаголы предположения, глаголы передачи чужого мнения или высказывания) и 2) глаголы, выражающие стремление к чему-либо (глаголы намерения, цели, попытки, желания, различного

типа каузации).

"Двойная" пассивная конструкция имеет бесспорно книжный характер. Она не новое явление в языке: предложения с ней встречались еще в прошлом веке (ср. Элиас Креммер, 1894: Borgermiddag agtes afholdt Lørdag), однако особое развитие она получила в последнее время, так как в силу своей краткости и емкости она особенно удобна для заголовков, объявлений, анкет и т.п.

Происхождение этой конструкции приписывают латинскому и немецкому влиянию (Финн-Эрик Винье), что весьма сомнительно. Скорее всего она развилась из конструкции "глагол в пассиве + прилагательное", напр., bygningen planlegges ferdig 1. september. затем в ней стали употребляться адъективизированные причастия, напр. huset utleies møblert. "Двойная" пассивная конструкция, видимо, последняя стадия этого развития.

Л.М. Локштанова, к.филол.н.
(Москва)

О ПРИНЦИПАХ "РАЗРЕШЕНИЯ" ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ИНДИКАТИВА И КОСВЕННЫХ НАКЛОНЕНИЙ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Возможность функционирования омонимичных видо-временных форм индикатива и косвенных наклонений в датском языке основана на следующих принципах: а) противопоставлении парадигматических модальных значений наклонений; б) иерархическом характере отношений между "большой парадигмой" наклонения и "малой парадигмой" (термины В.М. Солнцева) времени; в) принадлежности омонимичных форм индикатива и косвенных наклонений (кроме проспектива) разным речевым планам - "плану истории" и "плану речи" (Э.Бенвенист); г) конструктивной обусловленности функционирования форм косвенных наклонений; д) грамматическом идиоматизме форм косвенных наклонений, образованных с помощью модальных глаголов ville и skulle; е) противопоставлении финитных и нефинитных глагольных форм (оптататив - инфинитив).

2. Структура категории наклонения в датском языке определяется противопоставлением индикатива и всех остальных косвенных наклонений, выделяемых на основе положительно сформулированных парадигматических модальных значений двух типов - значений объективной и субъективной модальности, а именно: индикатив - действительная связь между предметом и признаком; императив - непосредственное побуждение к действию + гипотетическая связь между субъектом и признаком (giv!); оптатив - волеизъявление говорящего + гипотетическая связь (Gud give!); проспектив - косвенное волеизъявление + гипотетическая связь (skal give - skulle give) ирреалис - "внутреннее отрицание" gav, havde givet); кондиционалис - ирреально обусловленное предположение ville give, ville have givet); дубитатив - сомнительная достоверность устанавливаемой говорящим связи между субъектом и признаком (skulle give, skulle have givet).

Из всех косвенных наклонений только императив имеет "сильно маркированную" форму (в дальнейшем не рассматривается).

3. Отношения между категорией наклонения и категорией времени являются иерархическими. Структура микропарадигмы каждого из наклонений обусловлена модальным значением соответствующей субкатегории.

Только в рамках индикатива получают свое последовательное выражение многообразные грамматические значения категории времени и вида, в частности: способность глагольной формы относить действие в "план речи" или в "план истории"; способность формы дифференцированно выражать значения настоящего, будущего и прошедшего на основе отношения к реальному моменту речи; способность формы выражать предшествование и/или результат в связи с определенным временным планом; способность выражать отношение к репродуцируемому моменту речи. Именно в силу отсутствия непосредственной видо-временной мотивации, обычного "набора сем", многоплановой соотнесенности, характерных для видо-временных форм индикатива, формы, материально тождественные временным, могут легко функционировать, не вызывая столкновения омонимов (ирреалис I и II, кондиционалис I и II).

Микропарадигмы ирреалиса, кондиционалиса и дубитатива

включают лишь по две формы, противопоставленные по выраженности/невыраженности значения результата (соответственно ирреалис II, кондиционалис II, дубитатив II - ирреалис I, кондиционалис I, дубитатив I) при возможном синтагматическом выражении маркированными формами отнесенности к плану прошлого. Что касается проспектива, представляющего собой синтаксически зависимое косвенное наклонение, то его микропарадигма состоит из двух форм, согласующихся с временными формами главного предложения (skal или skulle + инфинитив I).

4. Индикативные формы претерита, плюсквамперфекта, будущего в прошедшем I и II (ville + инфинитив I и II), а также сочетание претерита skulle + инфинитив I и II относятся к "плану истории", в то время как омонимичные формы ирреалиса I и II, кондиционалиса I и II и дубитатива I и II принадлежат "плану речи". (Материально тождественные единицы здесь можно сравнить с клавишами органа, создающими разные звучания в зависимости от регистра).

5. Употребление косвенных наклонений всегда конструктивно обусловлено: список синтаксических моделей, в которых могут употребляться формы каждой из субкатегорий, конечен. Например, структурными схемами предложений, индуцирующих дубитатив, являются: а) сложно-подчиненные предложения с союзом at и с главной частью, содержащей отрицание при ментальных глаголах; б) придаточные с союзом om, содержащие косвенный вопрос; в) придаточные мало вероятного реального условия; г) вопросительные предложения, выражающие сильную степень сомнения или удивления.

6. Обособление аналитических глагольных форм от соответствующих свободных сочетаний с модальным глаголом (кондиционалис, дубитатив, проспектив) включается в механизм "разрешения" грамматической омонимии глагольных форм. Даже низкий уровень парадигматизации (О.А. Смирницкая) отдельных глагольных сочетаний в датском языке при строгой конструктивной обусловленности употребления косвенных наклонений способствует разграничению омонимичных конструкций.

7. "Столкновение" омонимов все же возможно, особенно в косвенной речи, внутренней речи и несобственно прямой речи, где фактически снимается противопоставление форм по признаку

актуальность/неактуальность в момент речи (пункты 3 и 4).

Б.С. Жаров, к. филол. н.
(Ленинград)

СУБСТИТУЦИЯ В НОВОДАТСКОМ ЯЗЫКЕ (XVI-XVII ВВ.)

С явлением субституции, привлекающим в последние десятилетия внимание многих лингвистов, связан ряд не до конца решенных вопросов, к числу которых относится само определение объекта исследования. Представляется необходимым четко разграничить два аспекта этого явления.

Лексико-морфологический аспект определяет субституцию как замену одного слова другим в последующем тексте, при этом первое слово (антецедент) имеет узкое, более конкретное значение, а второе (субститут) - широкое, более абстрактное значение, покрывающее значения всех слов целого разряда. Данный аспект касается также деления слов на части речи. Традиционно в особую часть речи выделяются местоимения как слова, одной из важнейших функций которых является замена слов в речи. Однако в той же функции употребляются в некоторых языках и глаголы, так что в совокупности образуется система, дублирующая систему назывных частей речи.

Второй аспект - структурно-синтаксический, для которого главной является роль, которую субституты играют в структуре предложения или словосочетания. Известная позиция, которая необходима для их нормального функционирования, заполняется неполнозначными элементами. Наряду со словами, заполняющими позиции субстантивного члена (например, позиции подлежащего в датских предложениях типа det regner; det er godt at du kommer), имеются заполнители глагольных позиций.

Датский глагол gøre удовлетворяет всем этим требованиям. Не случайно, что именно данный глагол стал глаголом-субститутом. Это одно из самых многозначных слов языка: Словарь Б. Далерупа выделяет в слове около 100 значений, объединяемых в 13 основных групп. Глагол означает "действовать" в самом широком смысле, включая значения "находиться в каком-то месте или состоянии", "считать, полагать" и другие значения свя-

занные с процессами мыслительной деятельности. Широтой значения глагол отличается от соответствующих глаголов других языков, в частности русского.

Как показало проведенное исследование, в новодатский период истории языка с XVI в. глагол gøre все чаще используется в целях субституции. Наблюдаются случаи его употребления с сопровождающими словами (местоимения det, dette и т.п.) и абсолютного употребления. Например, у Педера Палладиуса (1556 г.): Spild icke Bermen paa hende, sæt hende icke til rette, naar du kommer hiem drucken oc fuld, det gør ingen Dannemand. "Не выплескивай остаток вина на нее (жену), не поучай ее, когда приходишь домой пьяный, так не делает ни один датчанин"; Sidder icke oc regner op, fra den ene By ende oc til anden, som de wgudelige, hine Bagtalere oc Baguaskere gøre. "Не сиди и не пересчитывай (недостатки других людей) в той или иной части города, как это делают безбожные лжецы и клеветники".

Субституция наблюдается в текстах различного типа, в том числе юридических (например, в "Датском праве Христиана У", 1683 г.), но наиболее ярко представлена в текстах, отражающих живую разговорную речь. К таким произведениям относятся комедии Л. Хольберга, где встречаются многочисленные и разнообразные случаи субституции, как например: Ingeborg: Jeg troer, min Troe, hun blev vred, fordi jeg ikke kaldte hende Madame? Anne: Ney! Jeg giorde ikke. "Ингеборг: Право, я думаю, что вы рассердились, потому что я не назвала вас "мадам". Анна: Нет, вовсе нет".

Е.М. Чекалина, к.филол.н.
(Москва)

АТРИБУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Причастие по своей природе двойственно. Его именные свойства реализуются в первую очередь в атрибутивном употреблении: так же как прилагательные, первое и второе причастия (Р I и Р 2) могут выступать в предложении в качестве препозитивного, постпозитивного и предикативного определе-

ния. Глагольные свойства проявляются в залоговой и видо-временной семантике: у Р I это активность и временная ограниченность признака моментом речи, у Р 2 переходных непредельных глаголов - пассивность и временная ограниченность признака моментом речи; у Р 2 от переходных предельных глаголов - пассивность и перфектность, у Р 2 от непереходных предельных глаголов - активность и перфектность. Глагольная семантика причастий выявляется при употреблении их с характерными для личных форм индикаторами процессуальности: для Р I это прямое и предложное дополнение, обстоятельства места, времени и образа действия; для Р 2 - конструкция со значением деятеля и те же обстоятельства.

2. В функции препозитивного атрибута Р I легко адъективируется, независимо от того, каков денотат определяемого им слова - предмет или лицо: ett tänkande och medvetet uttryck varje tänkande människa. Однако и здесь возможны индикаторы глагольной процессуальности, исключающие адъективацию: наречия с процессуальной семантикой (snabbt körande bilar), а также со значением положения в пространстве (ett djupare liggande drömliv). Употребление прямого или предложного дополнения в препозиции Р I невозможно; в таких случаях встречается предложная конструкция, относящаяся ко всему словосочетанию (en sörjande mor över sitt förspillda barn) или форма генитива, как бы дублирующая прямое дополнение соответствующей личной формы (för att hans mötande systrar skulle känna igen honom). В функции постпозитивного атрибута у PI возможны любые индикаторы процессуальности: en tandsticksask, innehållande hans egen första mjölktand; en norna, vaktande över allt som varit. В функции предикативного атрибута Р I может выступать с любым индикатором процессуальности: småhostande och idisslande våra lakritsbåtar sitter vi och glåmstirrar på varandra. При этом оно занимает различные позиции: сразу после личной формы,в придаточных предложениях перед личной формой, в начале предложения с обратным порядком слов, в конце предложения (чаще всего после запятой); для всех позиций возможно параллельное употребление наречий на -t с признаковой семантикой: De ser undersökande och allvarligt på varandra; en ung medicinare som ivrigt

och stammande berättade; kvidande och motvilligt röstade man ja; S. reser sig och går, dröjande och tveksamt.

3. Р 2 в функции препозитивного атрибута может быть адъективировано (ett roat och vemodigt uttryck) или сохранять соотнесенность с процессом и употребляться с наречиями и предложными конструкциями, обозначающими время и образ действия: det flera gånger lästa brevet; ett aldrig förr skådat föremål. Употребление конструкции со значением деятеля невозможно, ее "семантическим дубликатом" выступает форма генитива: Agnes mödosamt uppförda babelstorn. В функции постпозитивного атрибута Р 2 употребляется с предложными конструкциями, обозначающими место, время и производителя действия: en replik sagt en sommarnatt; en svar läxa, skriven i gra hjärnsubstans; et hjärta genomstunget av ett svärd. Для Р 2 в функции предикативного атрибута наиболее характерны позиции в начале и в конце предложения; при этом в причастии сохраняются все особенности глагольного управления, в том числе способность лексемы выступать в составе фразеологических сочетаний: det som rörde sig var några papper som prasslade över rummet, satta i rörelse av draget från det vidöppna fönstret. Характерно однако, что Р 2 никогда не употребляется параллельно наречиям с признаковой семантикой; напротив, в качестве однородных членов часто выступают согласуемые с подлежащим прилагательные и адъективированные причастия: omtöcknad, febrig, på nytt slitten mellan skilda impulser, mera tvingad än verkligen ledd av egen vilja, började han krypa. Р 2 лишено признаков синтаксической спаянности с личной формой глагола, характерных для Р I; в отличие от Р I, оно не способно выступать между компонентами сложной глагольной формы (han hade smäleende berättat), перед постглагольной частицей (I Tyskland gick nazismen segrande fram) или прямым дополнением (han betraktar grubblande sin bild i spegeln) Причина этого, по-видимому, в том что Р I и 2 имеют различный морфологический статус: несогласуемое Р I синтаксически ближе наречию с признаковой семантикой, а согласуемое с определяемым словом Р 2 - прилагательному.

4. Во всех атрибутивных функциях Р I и 2 проявляют

свою двойственную природу, однако характер и степень этого проявления различны. Наиболее благоприятной для выражения соотнесенности с процессом оказывается функция постпозитивного атрибута, где причастие имеет оттенок побочной предикативности (см. об этом: А.И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, с. 245). Даже в тех случаях, когда причастие по своей семантике особенно склонно к адъективации, оно сохраняет глагольную семантику именно в функции постпозитивного атрибута: en gammal och spridd tradition; kören sjöng spridd och i otakt; en epidemi spridd av stockholmaren Brunzén.

Н.Е. Погодина, к. филол.н.

(Москва)

"МОНОПРЕДЛОГИ" И ПРОБЛЕМА СИНОНИМИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ШВЕДСКИХ ПРЕДЛОГОВ

I. Одним из проявлений развития любого языка является усложнение семантической структуры единиц языка, что проявляется в полисемии языковых единиц. Развитие полисемии сопровождается увеличением возможностей функционального использования соответствующих единиц. Развитие полисемии и полифункциональности по-разному проявляется у полнозначных и служебных единиц языка.

2. Особый характер развития новых значений и соответствующего расширения функций обнаруживается у служебных слов - предлогов, что, в частности, ярко видно на примере шведского языка. Новые значения, развивающиеся у шведских предлогов, обусловливают настолько четкую дифференциацию конкретных функций материально одних и тех же предлогов, что появляется возможность и даже необходимость рассмотрения предлогов не как целостных многозначных единиц, а расщепления многозначных предлогов на ряд однозначных и монофункциональных единиц, иначе говоря, представления одного предлога, например, för, в виде ряда предлогов $för^1$, $för^2$, $för^3$, $för^4$ и т.д. Не решая вопроса о том, в каком отношении друг к другу находятся $för^1$, $för^2$, $för^3$ и т.д., в свое время мы

назвали их монопредлогами и рассматривали как реально функционирующие предложные единицы.

3. Расщепление единого многозначного предлога на ряд монопредлогов ведет к образованию гнезда монопредлогов. Все монопредлоги одного гнезда объединяются общностью звучания и различаются значениями и функциями, которые начинают жить в языке относительно самостоятельной жизнью.

4. То, что отдельные значения и функции монопредлога могут рассматриваться как своего рода отдельные единицы, хотя и объединенные в звуковом отношении с другими единицами (för[1], för[2], för[3]...), подтверждается тем, что не предлоги как целые единицы (гнезда), а монопредлоги, принадлежащие данной целой единице как своему гнезду вступают в различные отношения с монопредлогами, принадлежащими другим гнездам (ср. för и till в значении "для", "за" и т.д.).

5. Монопредлоги, принадлежащие разным гнездам, при определенных условиях могут замещать друг друга. Иногда при такой замене полностью сохраняется смысл конструкции, иногда смысл сохраняется частично. Соответственно возникает возможность говорить о полной или частичной синонимии монопредлогов, принадлежащих разным гнездам. Ср. замечание С.С.Масловой-Лашанской, что "синонимия предлогов в отдельных конструкциях не дает основы называть синонимами предлоги в целом; нельзя, таким образом, говорить, что в шведском языке есть синонимы till и för. Синонимичность тех или иных предлогов означает только совпадение их значений в тех или иных случаях их употребления".

6. Отношения синонимии не могут связывать монопредлоги, принадлежащие одному гнезду. Между ними возможны в силу одинаковости их звукового облика отношения омонимии, хотя во многих случаях связи между значениями и функциями монопредлогов одного гнезда достаточно ясны, что побуждает говорить скорее о полисемии и полифункциональности, чем об омонимии.

7. Отношения синонимии возникают между монопредлогами обычно тогда, когда в наборе значений и функций монопредлогов разных гнезд появляются значения и функции, относящиеся к одной из основных рубрик предложных значений (пространственные, временные, целевые и т.п.). Например, монопредлог из

"гнезда för" со значением цели и монопредлог из "гнезда till" с тем же значением.

8. В то же время, если исходить из классификации предлогов по их основным рубрикам, то внутри этих рубрик отношений синонимы не обнаруживаются в силу наличия у предлогов индивидуальных значений. Так, в ряду пространственных предлогов i, på и т.д. о синонимичных отношения нельзя говорить потому, что "в" это не то, что "на", а "под" не то, что "над".

9. Итак, для того, чтобы установились синонимичные отношения между предлогами в шведском языке, нужны следующие условия: а) объективное расщепление целостных предлогов на монопредлоги и функционирование последних как относительно самостоятельных единиц; б) принадлежность значений монопредлогов разных гнезд к одной из основных рубрик; в) отсутствие "помехи" для установления синонимичных отношений в виде индивидуальных значений в рамках основной рубрики. Последнее условие обычно имеет место тогда, когда сближение значений происходит между монопредлогами, принадлежащими разным гнездам.

Э.Б. Репецкая

(Москва)

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ И ЧАСТИЦ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Датский язык располагает целой системой средств выражения субъективно-модальных значений, к которым относятся, в частности, модальные слова и частицы. Они представляют собой достаточно новое явление в языке, однако являются одним из самых распространенных и богатых по оттенкам средств выражения субъективно-модальных значений.

Данный класс слов включает в себя как экспликаторы значений проблематической достоверности (måske, muligvis, vel и др.), так и модальные слова, выражающие значение отведения сомнения собеседника в достоверности содержания высказывания (naturligvis, selvfølgelig и др.). Однако четко раз-

граничить все модальные слова и частицы по данному признаку не представляется возможным.

Анализ функционирования всех модальных слов и частиц в датском языке позволил наряду с единицами, эксплицирующими в предложении только одно из значений субъективной модальности, выделить особую, пограничную группу модальных слов и частиц.

2. Эта "пограничная", или "переходная", группа, включающая модальное слово sikkert и частицы nok и vist, отличается от других экспликаторов значений субъективной модальности по ряду признаков.

а) В разных контекстах они могут выражать и значения проблематической достоверности, и значения отведения сомнения слушателя в достоверности содержания высказывания. При этом оба эти значения не всегда четко отграничены друг от друга: каждое из них в виде главного или второстепенного созначения может присутствовать в предложении. Напр.: Du kan vist ikke gætte, at jeg netop kommer fra dit atelier (H. Pontoppidan) - здесь ведущим является значение проблематической достоверности; Det her nymodens rock er vist ikke noget for mig (F. Søeborg) - значение проблематической достоверности осложняется значением отведения сомнения в достоверности высказывания. Однако следует заметить, что если в предложениях с sikkert и vist часто трудно однозначно определить их субъективно-модальное значение, то в большинстве предложений с более абстрактной частицей nok ведущим оказывается значение отведения сомнения слушателя в достоверности содержания высказывания: Nå, hvis det skal være på den måde, så skal jeg godt selv gå derned. - Nej,nej, jeg skal nok gå, jeg går nu, jeg er gået.

б) В отличие от других экспликаторов проблематической достоверности, модальные частицы nok и vist и слово sikkert, как правило, не употребляются в вопросительных предложениях. Этим они сближаются с единицами, однозначно выражающими значение отведения сомнения слушателя в достоверности содержания высказывания.

в) Данная группа слов, отличается от других единиц,эксплицирующих значения субъективной модальности, возможностью

их усиления. Значение частицы nok модифицируется в сложных словах velnok, vistnok, sikkertnok, rigtignok. В зависимости от значений первых компонентов эти сложные частицы можно расположить по усилению значения отведения сомнения в достоверности содержания высказывания в следующем порядке: velnok - vistnok - sikkertnok - rigtignok, где rigtignok является уже однозначным средством выражения значения отведения сомнения слушателя в достоверности содержания высказывания: Har De aldrig rykket ham? - Jo, jo, det har jeg da rigtignok (F.Søeborg). Значение, выражаемое словом sikkert и частицей vist, может усиливаться в сочетаниях ganske sikkert, ganske vist.

Образование подобных самостоятельных лексем из сочетаний двух частиц для выражения новых оттенков субъективно-модальных значений свидетельствует о возможных путях расширения в датском языке класса модальных слов и обогащения их семантической структуры.

С.Н. Кузнецов, к.филол.н.
(Москва)

ЭМОТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Классификация предложений по цели высказывания не получила удовлетворительного описания в работах по датскому языку. Чаще всего сохраняется старое четырехчленное деление (повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения), в ряде случаев принимающее морфологизованный характер (напр., у Е. Бюскова высказывания делятся на группы в зависимости от применяемой в них формы наклонения - изъявительного, побудительного или желательного). Представляется целесообразным, вслед за А.И. Смирницким, отделить коммуникативную классификацию предложений от эмотивной, т.е. выделять, с одной стороны, повествовательные, вопросительные и побудительные предложения, а с другой - невосклицательные и восклицательные.

Коммуникативные классы предложений в датском языке отличаются друг от друга своей интонацией и структурой (порядком слов, модальностью сказуемого и пр.). Эмотивные классы

различаются интонацией, но как правило не имеют собственных структурных моделей, которые были бы характерны для восклицательных предложений в противоположность невосклицательным. Однако, восклицательные предложения характеризуются тем, что в их составе функционально перестраиваются синтаксические средства, первоначальное назначение которых не имеет ничего общего с выражением восклицательности. Именно эта перестройка и создает относительную грамматическую спецификацию восклицательных предложений.

Так, эффект восклицательности может быть получен при использовании прошедшего времени вместо настоящего (эмфатический претерит), при преобразовании вопросительного предложения в повествовательное, отрицательного предложения в утвердительное, придаточного - в главное и, наконец, при опущении тех или иных членов предложения (эмфатический, или эмотивный, эллипсис).

Перестройка вопросительного невосклицательного предложения в повествовательное восклицательное затрагивает обе функции предложения - коммуникативную и эмотивную. Она является наиболее типичным способом построения восклицательных предложений (Er det dig! Hvem ville ikke have været fornærmet i mit sted!). При этом восклицательное предложение может акцентно и позиционно обособляться от соответствующего вопросительного (Hvor gámmel er han? Hvor ér han gammel!).

На восклицательные предложения указанного типа внешне похожи конструкции вида Hvor hun dog glædede sig umådelig til det karneval (Bang). Однако, тот факт, что в них использован порядок слов придаточного предложения, говорит об особом происхождении этих конструкций: они являются результатом преобразования придаточного (с относительным словом) в главное. Аналогично в примерах: At det dog skulle gå så galt! At I ikke skámmer jer! (Soya). Преобразования последнего типа имели источником эллипсис главного предложения (At det dog skulle gå så galt, gør mig ondt). В других случаях сложноподчиненное предложение подвергалось стяжению (Se, hvilken... — Sikken...). Благодаря этому процессу возникла единственная структурно обособленная конструкция

восклицательного предложения (Sikken hjertebanken hun har i vognen) - она обычно функционирует в качестве главного предложения, но всегда имеет порядок слов придаточного.

В восклицательных предложения часто имеет место транспозиция категории утвердительности/отрицательности: отрицательные предложения употребляются в значении утвердительных и наоборот, ср. Tænkte jeg det ikke nok! (Munk).

Из случаев эмотивного эллипсиса наибольший интерес представляет опущение вспомогательного или связочного глагола в конструкциях с инфинитивом, причастием или прилагательным (Han skade mig?! Jeg fundet pengene?! Jeg - vigtig!). В таких конструкциях подлежащее и сказуемое сохраняют синтаксическую связь друг с другом, но их содержательная связь представляется говорящему невозможной, немыслимой. Таким образом, эмотивный эллипсис приводит здесь к глубокому преобразованию предикативной связи, которая приобретает модальность невероятности.

О.И. Быстрова
(Москва)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Под побуждением подразумевается категория, выражающая приказание, призыв, просьбу, совет и т.п.

Доминанту грамматико-лексического поля побудительности составляет грамматическая форма императива, периферийные участки этого поля - другие глагольные и неглагольные формы.

Императив большинства глаголов совпадает по форме с основой, однако некоторые глаголы могут иметь иную форму berolige Dem! sikre billedet!). В юмористически окрашенной речи могут встречаться формы, вышедшие из обычного употребления (gak!).

У ряда глаголов императив не употребляется (отложительные, глаголы типа hedde, mangle). С некоторыми глаголами императив употребляется только в значении пожелания (ha' det godt!). Известно мало случаев употребления императива модальных глаголов, они относятся к жаргону или шутливой речи

(kun nu din lektie på fingrene i morgen!).

Агенс (адресат побуждения) часто не указывается. Однако в отдельных случаях он обозначается личным местоимением в именительном (gå du nu hjem!) или косвенном падеже (skrub af med dig!),а также указан в обращении (mor, vær ikke sådan!).

Особенностью императива является отсутствие у него изменения по временам. Цель императива - побуждение агенса к действию либо непосредственно вслед за моментом высказывания, либо в будущем, поэтому формы императива всегда отнесены к настоящему или будущему времени. Некоторые лингвисты в этом смысле говорят о едином настоящем/будущем времени.

Наряду с императивом основного глагола в датском языке используются другие глагольные формы выражения побуждения: императив глагола lade с личным местоимением и инфинитивом смыслового глагола (lad os nu se, når vi kommer hjem fra ferien) - побуждение направлено на несколько лиц, в число которых входит говорящий; презенс индикатива (så kommer du, når vi er hjemme); футурум I индикатива (så skal vi gå nu!); причастие II (adgang forbudt!); вежливые формы (vær så god at hjælpe mig!; vil du tage dine ting og gå!); модальные глаголы в форме презенса индикатива с инфинитивом смыслового глагола (du ma ikke vække pigen!). Все эти формы имеют по сравнению с императивом ограниченную стилистическую сферу употребления.

Неглагольные формы находятся на периферии поля побудительности. Они выражаются существительным или сочетанием существительного с предлогом (musik! gevær på skulder!); наречием (stille!); сочетанием существительного с наречием (op med hænderne!): прилагательным (næste!); междометием (hys! hys!). Область употребления этих форм очень ограничена. Они используются либо для выражения категорического приказания, либо обозначают настойчивую просьбу.

Побуждение может быть выражено в различных структурных типах предложений: простых mal du lidt i din bog!),сложносочиненных (farvel, og hils din mor! ; du må gå, men han må blive her!), сложноподчиненных разного типа (jeg beder, at du tager hjem!).

Побуждение передается как чисто побудительными предложениями, так и побудительно-вопросительными (skal vi gå).

Побуждение имеет разную целеустановку и подразделяется по степени категоричности.

Т.К. Михалкова
(Ленинград)

ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАНИЯ МОДАЛЬНОГО И СМЫСЛОВОГО ГЛАГОЛА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ МЕСТА ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГ ДРУГА В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Инфинитив смыслового глагола (СГ) может как следовать за модальным глаголом (МГ), так и предшествовать ему; при этом его положение может быть как контактным, так и дистантным.

II. Сочетания с предшествующим и последующим инфинитивом отличаются друг от друга рядом особенностей:

I) Они обладают разной частотой употребления. Сочетания с последующим инфинитивом встречаются гораздо чаще, являются обычными и, как правило, имеются в виду, когда говорят о модальном обороте. 2) Они отличаются разным количеством, качеством и функцией промежуточных синтаксических единиц: а) Максимальное количество единиц между МГ и СГ три, между СГ и МГ две. б) Если между СГ и МГ стоит одна синтаксема, это либо заместитель инфинитива det, либо беспредложное дополнение. Между МГ и СГ это подлежащее, модальное слово, частица и обстоятельство, сочетание типа til at, se at или беспредложное дополнение. Однако беспредложное дополнение во втором случае имеет строго ограниченный характер выражения (ingen и сочетания с ним). в) Любая промежуточная синтаксема между СГ и МГ может быть распространена (см.Ш.а), между МГ и СГ не распространяется беспредложное дополнение. Таким образом,две синтаксемы между СГ и МГ и МГ и СГ не могут быть выражены одинаковыми грамматическими средствами; г) Синтаксема(ы) между СГ и МГ всегда подкрепляет подчиненное положение СГ по отношению к МГ (см.Ш. в), между МГ и СГ таким характером обладает только беспредложное дополнение (см.

Ш. в). д) Подлежащее между МГ и СГ при обратном порядке слов не оказывает влияния на их отношения. е) Модальные слова, обстоятельства и сочетания типа til at имеют тенденцию грамматизовать модальный оборот и приближать его к составному глагольному модальному сказуемому (т.е. оказывают действие, обратное синтаксемам, стоящим между СГ и МГ) ж) Ограниченность числа промежуточных синтаксем и их специфический характер свидетельствуют о смысловом единстве элементов модального оборота, которое, однако, значительно сильнее в сочетании МГ и СГ, чем СГ и МГ.

Ш. Сочетания с предшествующим и последующим инфинитивом имеют ряд общих черт, проявляющихся в количественной, качественной и функциональной близости в ряде случаев их промежуточных синтаксем. а) Если между СГ и МГ и МГ и СГ стоят две синтаксемы, они всегда образуются из сочетания элементов, выступающих как одна синтаксема. б) Четко отграничить одну синтаксему от другой, если их две, как в сочетании МГ и СГ, так и СГ и МГ удается лишь в одном случае, при этом одна из синтаксем или является подлежащим (при МГ и СГ), или близка к нему по своему характеру (det при СГ и МГ). в) В сочетаниях СГ и МГ и МГ и СГ с одной синтаксемой таковой может быть беспредложное дополнение, имеющее, правда, разное выражение (см. П. 2)б) Однако то обстоятельство, что дополнение в обоих случаях относится к СГ и является выделенным, приводит к тому, что оно усиливает дополнительный характер инфинитива СГ по отношению к МГ. Аналогичное действие оказывает заместитель инфинитива det (СГ и det образуют своеобразное двойное дополнение) при отсутствии беспредложного (распространенного) дополнения (в этом случае усилительный характер det значительно ослабляется).

В.Т. Воронин
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОГО ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Двусоставные предложения типа **Han gikk trett hjem**, которые довольно широко распространены в современных скандинавских языках (в особенности в художественной прозе и поэзии), по-разному анализируются лингвистами. Разногласия касаются прежде всего двухкомпонентных сочетаний типа **gikk trett**; большинство скандинавских авторов (Миккельсен, Вестерн, Оге Хансен, Релинг) старается придумать термин для второго компонента, часто не вникая в его синтаксическую природу. Так в датской и норвежской традиции закрепился термин **fritt predikativ** (Дидериксен, Винье), который употребляется также и для обозначения обособленных членов предложения типа **Han døde, ennu en ung mann**. В шведской лингвистической литературе (Бекман, Вессен, Ökермальм) этому термину соответствуют термины **predikativt attribut** и **attributiv satsförkortning** (иногда также **apposition**).

Взгляды скандинавских лингвистов по этому вопросу отличаются прежде всего их отношением к так.наз. связочным, или копулятивным, глаголам. Существуют в основном две точки зрения: одни лингвисты рассматривают подобные сочетания как два самостоятельных члена предложения, другие считают, что данное сочетание является одним членом предложения, причем некоторые из них выделяют его в особый тип сказуемого **predikatspann**, что могло бы соответствовать термину "сложное глагольно-именное сказуемое" (СГИС) в советской лингвистической литературе.

Традиции отечественного языкознания (А.А.Шахматов, А.М. Пешковский, В.В.Виноградов, А.И.Смирницкий, М.И. Стеблин-Каменский) относительно проблематики СГИС отличает от традиций зарубежных лингвистических школ (в том числе и скандинавских) широкое понимание связок и присвязочных компонентов, а также признания за последними статуса главного члена

предложения.

СГИС обладает определенными структурно-семантическими особенностями, которые позволяют выделить его из числа других видов сказуемого в современном норвежском языке (букмол и "новонорвежский"), а также отличить его от омонимичных синтаксических конструкций (составное именное сказуемое, глагольное сказуемое + обстоятельственно-характеризующий определитель, глагольное сказуемое + обособленный член предложения, глагольное сказуемое + приложение):

1) СГИС состоит в большинстве случаев из двух компонентов (глагольного и именного) и предицирует денотату, выраженному подлежащим, два признака - процессный и квалификативный или два процессных.

2) Первым компонентом СГИС является полнозначный глагол, который выполняет двойную функцию. Эта функция с одной стороны связочная по отношению ко второму компоненту СГИС, аналогичная функции связочного глагола в составном именном сказуемом, с другой стороны - это функция полнозначного глагола, который предицирует денотату, выраженному подлежащим, самостоятельный глагольный признак. Характерным для глаголов СГИС является то, что они всегда реализуют свою предикативную валентность и обладают потенциальной адвербиальной и объектной валентностью. В большинстве случаев в роли первого компонента СГИС употребляются глаголы субъектного значения, но и глаголы с объектным значением могут употребляться в данной функции. Семантическая сфера употребления глаголов в функции первого компонента СГИС ограничена.

3) Второй компонент СГИС выполняет одну функцию, аналогичную функции предикативного члена составного именного сказуемого. В большинстве случаев он предицирует денотату, выраженному подлежащим, квалификативный признак, он может предицировать и процессный. Он может также вносить в сказуемое различные дополнительные семантические оттенки, которые, однако, не являются постоянной его характеристикой, так как они зависят от лексического содержания второго компонента СГИС.

Е.В. Бабушкина

(Москва)

О ЗАКОНОМЕРНЫХ "НАРУШЕНИЯХ" ПРАВИЛА СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. В датском языке для передачи действия, будущего по отношению к определенному моменту в прошлом, в соответствии с правилом согласования времен должна использоваться форма "будущего в прошедшем" (fortids fremtid) ville + inf.B. Вместе с тем есть немало случаев "отклонений" от правила согласования, когда вместо ожидаемой формы "будущего в прошедшем" после претерита вводящего глагола употребляется форма футурума vil + inf. Такое употребление формы футурума не характерно для художественной литературы. Оно встречается главным образом, в газетных текстах.

2. В художественной прозе, повествующей о событиях прошлого (независимо от того, от какого лица ведется рассказ), между автором повествования и событием, о котором он рассказывает, существует определенная временная дистанция. В таком случае отмечается пресеченность всех действий в прошлом и невозможность их продолжения после того момента времени, с позиции которого автор ведет рассказ. Сам автор может быть в числе тех лиц, о которых ведется рассказ (особенно, если повествование ведется от I лица); в этом случае при рассказе о событиях в прошлом имеет место "раздвоение" автора на автора-рассказчика и автора-персонажа, и между ними также существует временная дистанция. Если в художественном произведении косвенная речь употреблена в прямой речи, и действие, которое было будущим по отношению к субъекту репродукции, является для автора событием прошлого, передача слов и мыслей субъекта репродукции происходит с помощью согласованных форм: Du sagde du ville fortælle om Suez-kanalen, og så sidder du og taler om banker, social-demokrater...

3. Газетные тексты могут носить характер повествования о прошедших событиях, и тогда они ничем не отличаются от

текстов художественной литературы рассмотренного типа с точки зрения употребления временных форм: Præsidenten, der for blot et par uger siden udtrykte sin fulde tillid til, at shahen ville kunne holde sig ved magten, udtalte for få dage siden, at han ikke længere var sikker på det... (LF, 16/XII-78, s.4). Однако в заметках и статьях, представляющих собой хронику дня и ориентированных на момент "сейчас", автор текста и вместе с ним читатель являются непосредственными наблюдателями актуальных для данного момента политических и социальных процессов. Поэтому действие, будущее по отношению к субъекту репродукции, оказывается вместе с тем будущим и по отношению к самому автору. Автор "включается" в цепочку событий, о которых рассказывает и которые принадлежат целостной ситуации настоящего: Kinas officielle nyhedsbureau oplyste fredag, at den kinesiske viceudenrigsminister, Han Nianlong, vil komme til Hanoi den 14.april for at indlede forhandlinger om grænsekonflikten ... (LF, 7/IV-79, s.4). (В этом примере из газеты от 7 апреля речь идет о действии, которое должно произойти 14 апреля).

4. При употреблении плюсквамперфекта вводящего глагола возможно только "будущее в прошедшем", ибо действие, будучи футуральным по отношению к моменту речи в прошлом, передаваемому формой плюсквамперфекта, является предшествующим по отношению к действию в прошлом, обозначаемому формой претерита, и тем более пересеченным к моменту речи автора.

5. После вводящего глагола в форме перфекта употребление "будущего в прошедшем" в придаточном предложении имеет место в том случае, когда в значении формы перфекта доминирующим является признак предшествования, т.е. в случае относительного употребления формы. При этом действие, обозначаемое "будущим в прошедшем", является пресеченным до момента речи автора. Будущее I употребляется при перфекте в абсолютном значении, выражающем совершенность, результативность действия, его актуальность для момента речи автора.

Таким образом, соблюдение правила согласования времен или его "нарушения" определяются не формальной зависимостью сказуемого придаточного предложения от сказуемого главного предложения, а реальной соотнесенностью предстоящего дейст-

вия - либо репродуцируемым моментом речи в прошлом, либо с целостной ситуацией настоящего (т.е. с реальным моментом речи).

Г.И. Новикова, к.филол.н.

(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ВРЕМЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. По характеру связи между главной и придаточной частью сложно-подчиненные предложения (СПП) с временными придаточными в современном шведском языке относятся к типу детерминантных предложений, т.е. таких, придаточная часть которых соотнесена с главной частью в целом и является ее факультативным распространителем. В шведских грамматиках СПП этого типа называются предложениями с "подвижной придаточной частью" ("rörlig bisats").

2. Семантика придаточной части определяется вводящим ее союзом. Основными выразителями временных отношений в предложениях рассматриваемого вида являются союзы när, då, medan, sedan, efter att, innan, förrän, tills, så fort (som), så snart (som) и т.д.

3. Союз när вносит в предложение общее значение соотнесенности двух явлений во времени, но не определяет характера этой соотнесенности. Конкретизация временного отношения создается соотношением видо-временных планов частей предложения и их лексическим наполнением, ср.: Han höll henne om axlarna när de gick tillbaka (P.A.Erkelius) (отношение полной одновременности); Nilla sov bredvid honom när han vaknade efter någon minut (P.A.Erkelius) (отношение частичной одновременности); Till och med Artur Berg höjde ögonbrynen en aning när han fick se Kalle och Anders och Eva-Lotta (A.Lindgren) (отношение следования).

4. К группе союзов с дифференцированным временным значением относятся, в частности, союзы одновременности medan, under det att, samtidigt som и др., союзы следования sedan, efter att, så fort (som), så snart (som) и др., союзы пред-

шествования innan, förrän, tills и др.

5. В предложениях одновременности сообщается о двух явлениях, совпадающих во времени.

В случае полной одновременности эти явления совпадают во времени на всем протяжении своего существования. Для таких СПП особенно характерно употребление в главной и придаточной частях глаголов непредельного действия одного временного плана: Det snöar äppelblom över vagnen när Anna sover i trädgården (P.A.Erkelius); Medan han varmkörde motorn rökte han en cigarrett (O.Högstrand).

6. В предложениях следования действие главной части следует за действием придаточной части.

Для таких СПП, как правило, характерны следующие отношения временных планов главной и придаточной частей: презенс - перфект - Sedan kanske vi kan flytta, när jag räknat ut summan (P.A.Erkelius); претерит - плюсквамперфект - Så fort han kommit utom synhåll, tittade han på adressen (A. Lindgren).

7. В предложениях предшествования действие главной части предшествует действию придаточной части. При этом обычно обе части предложения характеризуются одним временным планом, напр.: Han var död innan han slog i gatan (O.Högstrand); Det dröjde emellertid inte länge, förrän farbror Einar visade sig (A.Lindgren); De satt kvar tills vinet tog slut (P.A.Erkelius).

8. Большинство СПП с временными придаточными в современном шведском языке имеет гибкую структуру, и порядок частей в них определяется актуальным членением предложения.

Е.А. Кульчицкий
(Москва)

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ СОЮЗОВ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в датском языке не получили достаточно подробного освещения в грамматической литературе. Придаточные времени рассматрива-

ются часто в разных разделах синтаксиса, и наоборот, между придаточными времени и другими типами придаточных ставится знак равенства, если их вводит один и тот же союз. Сведения об отдельных союзах недостаточно полны.

Принято считать, что темпоральный союз da всегда вводит придаточное, сказуемое которых обозначает однократное действие в прошлом, а союз når - придаточные, сказуемое которых обозначает любое повторяющееся действие или однократное действие, происходящее в настоящем и будущем. Между тем есть случаи употребления союзов, не укладывающиеся в данные правила. Материалом для наблюдений послужили десять романов современных датских писателей. Зафиксировано более 4000 придаточных времени. Из них более 1000 (26%) вводится союзом når и более 1200 (30%) - союзом da.

Выявлено более 30 случаев употребления союза når с придаточными, сказуемое которых выражено глаголом в форме претерита, но в то же время смысл сложноподчиненного предложения или более широкий контекст не оставляют сомнений в том, что речь идет о действии однократном.

Темпоральный союз da употребляется обычно в значении прошлого в отличие от каузального, поэтому сказуемое, выраженное презенсом, является, как обычно считают, признаком придаточного причины. Между тем в собранном материале есть 200 примеров (5% всех придаточных времени и 16% придаточных, вводимых союзом da), где при союзе da сказуемое выражено в форме настоящего, и 35 примеров, где сказуемое - в перфекте. Во всех случаях это исторический презенс. Встречается форма страдательного залога.

Для объяснения этих кажущихся аномалий попытаемся прибегнуть к помощи понятий глубинной и поверхностной структур. По-видимому, временная отнесенность действия придаточного, его аспектуально-темпоральные характеристики являются элементами глубинной структуры, которые в сознании носителей языка однозначно соотнесены с тем или иным временным союзом, который и появляется независимо от поверхностной структуры (в частности, от временной формы сказуемого).

В результате синтаксического уподобления глагольных форм в главном и придаточном предложениях сказуемое прида-

точного времени, обозначающее однократное действие, оказывается выраженным глаголом в претерите, но союз när сохраняется, так как идея, заложенная в глубинной структуре предложения, состоит в том, что действие является будущим по отношению к действию главного предложения.

Точно так же, несмотря на то, что говорящий (или пишущий) для придания живости повествования прибегнул к настоящему историческому, союз da остается на своем месте, поскольку в глубинной структуре предложения время придаточного отнесено к прошлому.

В.Г. Бойко, к.филол.н.
(Москва)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СУПИНА И ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРИЧИНЫ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на широкое использование, супин до сих пор еще недостаточно изучен. Являясь выразителем значений, заключенных в перфектных формах, он рассматривался в увязке с этими формами в двух работах, но некоторые его характеристики все еще остаются невыясненными.

Целью проведенной работы было выявление некоторых особенностей супина. Анализу подверглось 28 работ (публицистика, художественная литература, наука), подборка "Nordens Tidning" за 1966-1968 гг.

Исследование подтвердило преимущественное употребление супина во всех типах придаточных предложений. При этом выявилось одно отклонение об общей линии: в придаточных предложениях причины процент использования супина значительно ниже, чем во всех других типах. Глагольное сказуемое в этих синтаксических построениях преобладает в полных перфектных формах (66%).

Чем же объяснить это явление?

Н.А. Лукашина, делая попытку объяснить широкое распространение супина вообще, считает, что за ним закрепляется

значение относительного времени, тогда как полные перфектные формы берут на себя выражение значения абсолютного времени. Отсюда якобы и распределение супина и полных перфектных форм по синтаксическому принципу: супин в придаточных предложениях, полные формы в главных и самостоятельных.

В этом объяснении есть два слабых места. Во-первых, на плюсквамперфект не распространяется общепринятое понимание абсолютного времени, и, следовательно, распределение форм плюсквамперфекта и супина по предложенной Н.А. Лукашиной схеме не отражает реальной картины.

Во-вторых, предшествование, выразителем которого, по Н.А. Лукашиной, становится самостоятельный супин, нельзя считать однородным явлением: предшествование перфекта и плюсквамперфекта не поддается сведению к единому пониманию - там, где прошлое действие соотнесено с моментом речи, мы имеем абсолютную разновременность, и лишь при соотнесенности одного действия с другим можно говорить об относительной разновременности.

Обнаруженное нами явление также служит аргументом против данной точки зрения. На наш взгляд, причина преобладания полных перфектных форм в придаточных предложениях причины кроется в своеобразии этих предложений: причина в логическом и лингвистическом плане легко переходит в следствие, а оно синтаксически выражается в самостоятельных предложениях.

Интересно, что при бессоюзном соединении также преобладают перфект или плюсквамперфект (до 90%). В главных и самостоятельных предложениях этот процент еще выше (более 99%).

Следовательно, придаточные предложения причины оказывают сопротивление проникновению супина в силу своей структурно-семантической природы, сближающей их с самостоятельными предложениями, в которых неизменно преобладают полные перфектные формы. Самостоятельные и главные предложения преобладают в речи и, первоначально появившись в них, полные перфектные формы продолжают удерживаться данными синтаксическими построениями. Но в языке действует и другая, более сильная тенденция - супинизация перфектных форм, т.е. проникно-

вение супина во все типы придаточных предложений. Этому напору супина поддаются и самостоятельные и главные предложения, куда он тоже начинает проникать. Таким образом, в обнаруженном явлении, как в фокусе, проявились две противоборствующие тенденции, и кажущееся исключение лишь подчеркнуло основное правило. Синтаксический принцип тут не является основным: преобладающим фактором выступает парадигматика.

Е.Л. Жильцова

(Москва)

О СТРУКТУРЕ И ЗНАЧЕНИИ НАРЕЧНО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМ, ВВОДИМЫМ СОЮЗОМ att, В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В шведском языке сложноподчиненные предложения (СПП) с придаточным, вводимым союзом att, традиционно подразделяются на несколько типов, в зависимости от их семантики и от функции придаточной части. В особую группу выделяются СПП с конструктивным соотносительным наречием så в главной части. Они трактуются шведскими грамматистами неоднозначно: 1) как предложения следствия, где наречие så считается частью составного союза så att (Ljung и Olander); 2) как СПП с недифференцированным обстоятельственным или определительным значением (Thorell).

Анализ СПП этого типа подтверждает точку зрения В.А. Белошапковой о невозможности отождествления отношений между частями СПП с отношениями членов внутри простого предложения. Синтаксическая связь частей в рассматриваемых СПП не имеет аналогий на уровне связи слов. Придаточная часть в них соотносится с обязательным для данного типа предложений наречием så в главной части, дополняя его значение, но не распространяя его (отсюда название наречно-соотносительные предложения). Коррелят så играет в составе СПП роль обстоятельства; придаточная же часть выступает как член, поясняющий så, а через него и всю главную часть, и ее функция не может быть однозначно сведена к функции какого-то одного

члена предложения.

По значению СПП с коррелятом så можно разделить на две группы.

I. СПП, в которых дается качественная характеристика действия, обозначенного глаголом главной части. Действие должно быть направлено на достижение определенного результата, который составляет содержание придаточной части. Предложения строятся по схеме: S + V + så + att (Fonden bör bygga skolan så att en fotbollsplan finnes i anslutning till skolan). Наречие så в них определяет глагол. По значению СПП этого типа близки к СПП следствия. На принадлежность СПП к предложениям качественной характеристики указывает употребление в главной части: а) однородного с så члена предложения, выраженного придаточным или словосочетанием; б) союзов и наречий (och, dock, inte, inte...utan и т.п.), стоящих в препозиции и имеющих усилительное, ограничительное или отрицательное значение.

II. СПП, в которых процесс или признак характеризуется количественно, т.е. по степени его интенсивности. В семантике слов, определяемых наречием så в главной части (прилагательных, качественных наречий, глаголов), всегда присутствует значение качества, результат интенсивности которого представлен в придаточной части.

СПП количественной характеристики строятся по следующим схемам:

1) S + V + så + att (Hon grät så att även hennes näsa blev röd). Структурно предложения этого типа не отличаются от СПП качественной характеристики, но придаточная часть в них выражает не собственно результат глагольного действия, а результат, который становится возможным лишь благодаря большой силе и интенсивности этого действия.

2) а) S + V + så+Adv на t + att (Han gick så försiktigt att ingen hörde hans steg). Здесь наречие в функции обстоятельства дает качественную характеристику действия; придаточная же часть определяет степень качества и соотносится не с коррелятом så, а с сочетанием så + Adv на t в целом.

б) Det + vara + så + Adv на t + att (Det var så roligt att alla skrattade högt). Особенность этих предложений

в том, что в них сочетание så+Adv является именной частью составного сказуемого, а подлежащее выражено указательным местоимением det, которое имеет коррелят в предшествующем предложении или высказывании и является поэтому не формальным, а смысловым подлежащим. В этом отличие наречно-соотносительных СПП от присловных, имеющих ту же структурную схему, в которых придаточная часть выполняет роль смыслового субъекта, актуализированного с помощью формального подлежащего det. (Ср. Det var så roligt att vi träffades. Det var så roligt att alla skrattade).

3. S + vara + så + Adj + att (Hennes hår var så vackert att man tappade andan). Соотносительное наречие определяет именную часть сказуемого, выраженную прилагательным. Придаточная часть в таких предложениях обозначает следствие, вытекающее из содержания главной части в целом, и относится, таким образом, ко всей главной части, а не к отдельному слову или словосочетанию в ней. Предложения такого типа следует отличать от присловных, имеющих ту же структурную схему. (Ср. Han var så glad att K. kom tillbaka. Han var så glad att han började ropa på sin mor). Основные различия состоят в следующем. В наречно-соотносительном предложении I) коррелят så является конструктивно необходимым элементом, он не может быть опущен или заменен другим словом, т.к. через него придаточная часть соотносится с главной; 2) придаточная часть относится ко всей главной и выполняет в составе СПП функцию, близкую к обстоятельственной; 3) в роли предикатива может употребляться прилагательное практически неограниченной семантики; 4) придаточная часть имеет результативно-следственное значение, дополняет значение главной, количественно характеризуя признак. В присловных предложениях I) så употребляется при прилагательном в предикативной функции для усиления его значения и может быть без ущерба для смысла заменено наречиями mycket, väldigt или вообще опущено; 2) придаточная часть относится к сказуемому, именная часть которого выражена прилагательным, и распространяет его значение, занимая синтаксическую позицию объекта; 3) круг прилагательных, к которым могут присоединяться придаточные предложения, резко ограничен словами

со значением внутреннего состояния субъекта (glad, ledsen, и т.п.); 4) Придаточная часть поясняет главную (изъяснительные отношения) и имеет оттенок причинности.

А.И. Усков

(Москва)

СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ VÆRE В КАЧЕСТВЕ ПОЛНОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА И СЕМАНТИКИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Категориальная семантика глагола как части речи представляет собой (по В.Брёндалю) соединение двух логико-грамматических значений: отношения (реляциональности) и качества (квалитативности). Это означает, что в фукциональном плане глагол является одновременно связывающей и описывающей частью речи.

2. Разграничение лексико-семантических вариантов (ЛСВ) полнозначного глагола v æ r e проводилось на основе: моделирования глубинной (семантической) структуры простого предложения, определения синтаксической валентности глагола, анализа семантической валентности глагола и его компонентного анализа.

3. В результате проведенного анализа выявлено 8 ЛСВ полнозначного глагола v æ r e. При этом семь ЛСВ характеризуется наличием 4-х постоянных лексико-грамматических сем: реляциональности, квалитативности, интранзитивности, дуративности. Разграничение вариантов и подвариантов обусловлено как различием в семантике соответствующих предложений, так и различием в компонентном составе, напр.:

I-ый ЛСВ а) Det er godt, at Island er. - Семантика бытия. Семы: постоянные семы (пс), а также сема экзистентности (бытия как части действительности).

б) Jeg er! - Семантика бытия. Семы: пс, экзистентности, анимативности (жизненного существования).

2-ой ЛСВ а) Det går ikke røg, uden der er en brand. - Семантика наличия. Семы: пс, экзистентности, дискретности.

б) Der var engang en prins. - Семантика наличия.

Семы: пс, экзистентности, дискретности, антимативности
3-ий ЛСВ а) Udenfor er en smal gyde. - Семантика местопоположения. Семы: пс, экзистентности, дискретности.

б) Vi kunne ikke være i bussen. - Семантика местоположения. Семы: пс, экзистентности,дискретности, ингрессивности (начинательности).

4-ый ЛСВ Politiet var ikke til stede dengang. - Семантика присутствия. Семы: пс, экзистентности, дискретности, комбинаторности (совместности).

5-ый ЛСВ Det må være til en anden gang. - Семантика состояния. Семы: пс, статальности (состояния), незатронутости.

6-ой ЛСВ Det seneste eksempel er fra fredag. - Семантика принадлежности. Семы: пс, отнесенности, алиентности (отчуждаемости).

7-ой ЛСВ Når snavs kommer til ære, ved det ikke, hvordan det vil være. Семантика присутствия. Семы: пс, акциональности.

8-ой ЛСВ - это единственный вариант, когда у глагола være, реализующего один из его подвариантов, вместо постоянной семы дуративности наличествует сема терминативности: а) Havet er i klitterne inden aften. - Семантика передвижения. Семы: реляциональности, квалитативности, интранзитивности, терминативности, моторности (передвижения).

б) второму подварианту данного ЛСВ свойственен тот же набор постоянных сем, что и всем остальным семи ЛСВ: I dag er jeg med sporvogn. - Семантика передвижения. Семы: пс, моторности.

4. Каждый ЛСВ полнозначного глагола være характеризуется определенной синтаксической и семантической валентностью. Так, напр., I-ый ЛСВ отличается от второго тем, что элементом структуры 2-го ЛСВ является вводящее der, которое однако не является актантом. I-ые и 2-ые подварианты этих ЛСВ отличаются друг от друга тем,что глагол være, реализуя первые подварианты, сочетается только с существительными, которые обозначают понятия, исключающие живые существа, в то время как при реализации вторых подвариантов наоборот, сочетается только с существительными, которые обозначают живые существа. Реализуя I-ый ЛСВ, være сочетается

с существительными с определенным артиклем, реализуя же 2-й ЛСВ, данный глагол сочетается с существительными с неопределенным артиклем или вообще без артикля. Аналогичным образом описаны различия в сочетаемости всех последующих ЛСВ и их подвариантов.

5. Как видно из вышеприведенных примеров, være в качестве полнозначного глагола реализуется в предложениях, имеющих семантику бытия, наличия, местоположения, присутствия, состояния, принадлежности, действия, передвижения; значение глагола не равно значению предложения, его реализующего, однако связано с ним некоторым образом. Представляется возможным сделать вывод о том, что хотя глагол и является синтаксическим ядром предложения, тем не менее, не он определяет семантику и структуру простого предложения, а наоборот, семантика и структура предложения предопределяет семантику и валентно-дистрибутивную характеристику глагола.

С.С. Маслова-Лашанская, д. филол.н.

(Ленинград)

МЕТАФОРА И ДИНАМИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА)

1. Содержательная структура многозначного слова представляет собой определенным образом организованный набор лексико-семантических вариантов (ЛСВ), объединяемых общностью звуковой оболочки - экспонента и мотивационной связью, т.е. осознанием одного из ЛСВ как мотивирующего (примарного), а других ЛСВ как мотивированных (секундарных). Мотивационная связь между ЛСВ многозначного слова играет организующую роль в структуре лексемы: так, слово film имеет примарный ЛСВ $film_1$ 'фотопленка' и секундарный ЛСВ $film_2$ 'кинофильм', мотивированный примарным. Таким образом, film = $\{film_1 \xrightarrow{+} film_2\}$ (стрелка здесь служит не для обозначения диахронической производности, она указывает направление мотивационной обусловленности, осознаваемое в синхронии).

2. Однозначное слово превращается в набор ЛСВ, если выполнены два условия: а) если оно было использовано в каком-

либо акте номинации для обозначения мотивирующего признака (послужило мотиватором), б) если этот мотиватор превратился в выразителя понятия, получившего экспонент в данном номинационном акте, т.е. номинация реализовалась без привлечения дополнительных словообразовательных средств (имела место семантическая деривация). Например: film> $\left\{ \text{film}_1 \xrightarrow{+} \text{film}_2 \right\}$.

Часто мотиватор является прямым обозначением мотивирующего признака (film прямо называет признак материала, используемого при съемке кинофильма), но во многих случаях мотивирующий признак обозначается метафорически - то или иное слово выступает как метафорический мотиватор. Таким мотиватором послужило, например, слово kedja 'цепь', ставшее выразителем понятий 'длинный ряд однотипных явлений': en kedja av händelser и т.п.

3. Функционируя как мотиватор, слово в процессе семантической деривации приобретает ЛСВ, принадлежащий к другой лексико-семантической группе, чем та, к которой относится мотиватор, превращающийся в секундарный ЛСВ. Например, слово berg имеет три ЛСВ:

berg_1 'гора = возвышенность' + berg_2 'большое множество чего-л.'; berg_3 'твердая горная порода'

ЛСВ berg_1 является одним из гипонимов в лексико-семантической группе "высоты, возвышенности", ЛСВ berg_2, возникший как следствие метафорической мотивации, входит в группу обозначений большого количества, ЛСВ berg_3 - в группу "горные породы".

4. Метафорическая мотивация - важный путь номинационного творчества, расширяющего лексико-семантические группы, в частности, те, которые охватывают абстрактную лексику. Так, в группу обозначений основания и побудительной причины (гипероним - grund_2 'основа, основание') входят секундарные ЛСВ слов, примарные ЛСВ которых принадлежат к разнообразным группам конкретных существительных: rot_1 'корень' (часть растения), nyckel_1 'ключ' (от замка), källa_1 'источник',

sporre$_1$ 'шпора' (sporre$_2$ означает 'стимул'), motor$_1$ 'мотор' (motor$_2$ 'движущий мотив' - неологизм середины XX в.) и т.д. Постоянное включение новых элементов является существенным фактором развития и перестройки лексико-семантических групп.

5. Наряду с номинацией, создающей обозначения новых понятий (таких, как atomkärna, television и др.), широко распространена дублирующая номинация - образование новых обозначений для понятий, уже выраженных определенной лексемой (типа вышеприведенного motor$_2$). Метафорическая мотивация играет особо важную роль при дублирующей номинации, так как известной чертой метафорических ЛСВ является эмоциональная насыщенность, а дублирующая номинация часто порождается именно стремлением создать лексемы (или ЛСВ), содержащие заряд эмоциональных коннотаций. Например, в группу обозначений, характеризующих человека (особенно - дающих отрицательную характеристику), втянуто большое число ЛСВ, обязанных своим возникновением метафорической мотивации. При формировании этой лексико-семантической группы были широко использованы обозначения животных и неодушевленных предметов: трусоватого человека в разговорной речи называют hare, mes, kruka. инертного , ленивого - murmeldjur, hösäck, säskopp и т.д.

Дублирующая номинация последних десятилетий широко использует новые научно-технические термины для метафорического обозначения давно известных понятий. Так, вместо слова livstid используется расширительно термин ядерной физики halveringstid: Orden hade kort halveringstid (Jersild).

О.А. Комарова, к. филол.н.
(Ленинград)

О СТАТУСЕ ЭВФЕМИЗМОВ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В социолингвистическом плане эвфемия позволяет проследить взаимоотношения языка и морали, поскольку в основе эвфемии лежит социальный запрет. В понятие социального запрета включаются нами как моральные, так и религиозные ограничения, устанавливаемые обществом. Согласно выработанной в

советской лингвистике точке зрения под эвфемистической заменой подразумевается косвенное обозначение какого-либо понятия, служащее цели смягчения того, что в прямом обозначении неприемлемо с точки зрения морально-религиозных норм данного общества.

В плане понятийном эвфемистическая замена охватывает различные сферы. Можно выделить сложившиеся, устоявшиеся сферы, такие как представление о сверхъестественном, страшном и непонятном (skaperen, pokker, raggen, gubben), смерти и болезни - hensove, slukne, gå bort. Постоянно пополняются способы косвенного обозначения определенных физиологических процессов, сексуальных отношений, физических и умственных недостатков (rar, yrkesvalghemmet). Интересным представляется использование эвфемизмов для повышения общественного престижа некоторых профессий (rengjøringsassistent). Значительную область употребления эвфемизмов такого рода представляет язык рекламы.

В качестве эвфемизмов часто выступают слова широкой семантики, сама многозначность которых создает богатство ассоциаций и смягчает отрицательную коннотацию высказываемого. Однозначные слова зачастую являются заимствованиями, их иностранное звучание ослабляет эмоциональное воздействие. Среди слов широкой семантики распространено употребление местоимений det, dette, существительных типа sak, affære, handling, глаголов gå, ta.

Среди эвфемизмов наиболее интересными представляются не узуальные слова и выражения, а окказиональные, эвфемистическое воздействие которых сильнее и эмоционально более действенно.

Для окказиональных эвфемизмов часто характерно присутствие в контексте сигналов эвфемистической замены, предваряющих эвфемизм или следующих за ним. К таким показателям могут быть отнесены а) графическое обозначение паузы хезитации или наличие междометий, поясняющих эмоциональное состояние говорящего; б) наличие в тексте предваряющих слов или предложений, призванных смягчить высказывание, сигнализирующих о появлении эвфемизма.

Среди способов образования эвфемизмов в современном

норвежском языке можно отметить три главных - семантические изменения, новообразования, заимствования. Семантические изменения, сопровождающие эвфемистическое употребление лексической единицы, многообразны и представлены сужением значения, метонимизацией, метафоризацией, эллипсисом, литотой и др.

А.Г. Геринг

(Москва)

О РОЛИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ НА ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Анализ произведений современной художественной прозы на датском языке позволяет выделить типичное в функционировании англо-американизмов в текстах данного типа.

2. Многослойный характер содержания художественного произведения дает основания говорить об особенностях употребления англо-американизмов в авторской и прямой речи в плане функциональной стилистики.

3. В художественной прозе англо-американизмы часто выполняют роль проводников предметов и понятий иноязычной культуры, иногда создавая частные случаи коннотации.

4. В комбинации с нормативными для речевой ситуации на датском языке лексическими единицами англо-американизмы в прямой речи способствуют усилению стилистической динамики.

5. Англо-американизмы часто играют значительную роль в формировании художественной синестезии.

6. Использование англо-американской лексики в художественной прозе на датском языке обычно социально детерминировано общественными типами персонажей.

Й.К. Мулламаа, к.филол.н.
(Тарту)

ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕДОВЫХ СТАТЬЯХ ШВЕДСКОЙ ПРЕССЫ

I. В передовых статьях шведских газет широко представлена общественно-политическая лексика: названия явлений и понятий из сферы международной, внутриполитической, общественной и экономической жизни.

2. Использование общественно-политической лексики находится в зависимости от идеологии партий и кругов, стоящих за газетой, а также от взглядов отдельных авторов. Прежде всего в этой лексике выражается влияние идеологии на функционирование языка, а также отражение идеологии в семантике слов. В зависимости от коммуникативного задания передовых статей (комментирование, воздействие) часть общественно-политической лексики приобретает в них чаще всего оценочные, а также эмоциональные и экспрессивные функции.

3. Семантика многих слов рассматриваемой лексики характеризуется абстрактностью; чем больше степень абстракции, опосредованности, тем шире возможности приобретения оценочных коннотаций такими словами. Оценочность характерна для такого раздела общественно-политической лексики, который не может быть терминологией в силу неоднозначности слов для разных групп общества.

4. Выделяются два раздела оценочных слов общественно-политической лексики:

а) Слова, имеющие постоянную, фиксированную оценочную коннотацию, характер которой одинаково воспринимается представителями разных идеологий, но используется ими для обозначения разных денотатов. Использование таких слов связано со стремлением навязывать оценки, которые следовало бы доказать соответствующей аргументацией;

б) Слова, которые имеют нефиксированное оценочное сознание. У представителей разных идеологий называние явлений общественной жизни такими словами связано с противопо-

ложными оценками как денотатов, так и самих обозначающих.

5. Идеологизированная (т.е. оценочная) общественно-политическая лексика в передовых статьях шведских газет разной политической ориентации характеризуется многозначностью и неопределенностью. Авторами статей создаются многочисленные случаи синонимии и переноса значения, образуются новые слова, содержащие оценочные семы.

А.С.Новакович, к.филол.н.

(Москва)

О ПОЛИСЕМИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Под фразеологической единицей (ФЕ) в датском языке понимается словосочетание как непредикативного, так и предикативного характера, обладающее определенными признаками: структурным (наличие двух и более раздельнооформленных компонентов), семантическим (идиоматичность, т.е. переосмысление компонентов) и функциональным (узуальность, устойчивость).

2. Для фразеологических единиц в датском языке полисемия в целом менее характерна, чем для отдельного слова. Развитие полисемии среди ФЕ в датском языке сдерживается рядом факторов. Тем не менее многозначность представлена среди различных типов ФЕ.

3. Многозначность главным образом характерна для датских ФЕ, имеющих контекстуальную подвижность, свободную валентность при включении в речь. Полисемия представлена в основном среди непредикативных ФЕ. Это обычно ФЕ, у которых образ, лежащий в их основе, связан с элементарными смыслами (семами) их компонентов.

4. Предикативные ФЕ в датском языке как правило моносемантичны.

5. Полисемия не характерна также для компаративных и парных ФЕ.

6. Появление новых значений связано с переосмыслением ФЕ, с изменениями в семном составе ее компонентов. В частности потенциальные семы могут превращаться в дифференциаль-

ные и т.д.

Переосмысление ФЕ происходит как правило в результате метафорических сдвигов: параллельного или последовательного.

При параллельном метафорическом сдвиге исходное словосочетание образует несколько значений ФЕ.

При последовательном метафорическом сдвиге новое значение возникает на базе существующей ФЕ в результате дальнейшего изменения ее смысловой структуры.

7. Параллельные метафорические сдвиги довольно часто ведут к образованию ФЕ-омонимов.

8. Свои значения ФЕ реализуют с помощью различных лексических и грамматических уточнителей.

9. Многозначные ФЕ входят в различные синонимические ряды.

10. Исследование особенностей стилистического использования разных значений фразеологической единицы представляет определенный теоретический интерес и имеет известное значение для практики преподавания современного датского языка.

11. Многозначность ФЕ далеко не полно отражена в существующих словарях. Нет единого принципа описания ФЕ. Значительная часть фразеологического фонда датского языка остается за пределами словарей.

Лексикографические принципы описания фразеологических единиц в датском языке нуждаются в дальнейшей теоретической разработке.

Ю.П.Солодуб, к.филол.н.

(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИЗОСЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ВО ФРАЗЕОЛОГИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ И НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

(на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица норвежского, шведского, немецкого, английского и русского языков)

I. Изосемантической для фразеологических систем норвежского, шведского, немецкого, английского и русского языков является группа фразеологических единиц (ФЕ) со значением качественной оценки лица. Для доказательства представим три фразеологических ряда (далее условно: ФI, Ф2, Ф3), состоящие из семантически идентичных ФЕ указанных языков.

ФI: норв. gammel rev, шв. gammal räv, нем. alter Hase, alter Fuchs, англ. old bird, old fox, русск. старый (стреляный) воробей, стреляная птица, старый(травленый)волк "бывалый, опытный человек" (при усилении отрицательной коннотации также "хитрец", "плут"); Ф2: норв. (han) har ikke oppfunnet kruttet, шв. (han) var inte med då krutet fanns upp, нем. (er) hat das Pulver nicht erfunden, англ. (he) will never set the Thames on fire, русск. (он) звезд с неба не хватает, (он) пороха не выдумает (редко) "заурядный, средних способностей человек"; Ф3: норв. være det femte hjul på vognen, шв. vara femte hjulet under vagnen, нем. das fünfte Rad am Wagen (sein), англ. fifth wheel, русск. пятое колесо в телеге "лишний, ненужный в каком-либо деле, обществе, коллективе человек".

2. Структурно-синтаксический и семантический аспекты анализа обнаруживают различные формы типологических схождений ФЕ: I(в составе группы во всех языках превалируют два структурных типа: субстантивные ФЕ (см. ФI) и глагольные ФЕ (см. Ф2), включение в состав связочного глагола сближает эти типы; 2) в составе группы могут быть выделены семантические подгруппы: а) оценка человека на основе его индиви-

дуальных качеств (см. ФI, Ф2), б) оценка человека на основе его положения в обществе, коллективе (см. Ф3).

3. Полное выявление изоморфизма ФЕ разных языков предполагает обращение к их глубинной лингвистической сущности, к процедуре структурно-типологического анализа.

4. Наличие во всех сопоставляемых языках ФЕ со структурой субстантивного и глагольного сочетания слов объясняется тем, что образная характеристика человека часто строится на уподоблении его объектам других понятийных сфер (животным, неодушевленным предметам) или на изображении конкретных действий, свойственных или, наоборот, несвойственных ему.

5. Изоморфизм на фразеологическом уровне всегда связан с общностью фразообразовательной модели, т.е. логико-семантической формулы трансформации смыслов (для ФI:"старое животное /птица→"опытный человек"). Общность фразообразовательной модели включает следующие типы схождений образной структуры ФЕ: I) тип I - полное сходство фразеологических образов; 2) тип 2 - близкое сходство образов; 3) тип 3 - отдаленное сходство предметно-понятийной основы образов.

6. Несмотря на то, что близкородственные (германские) языки рассматривались в сопоставлении с неблизкородственным для них русским языком, анализ показал различные формы типологических схождений между ними.

7. Многоязычный структурно-типологический анализ помогает выявить ФЕ какого-то одного языка, не имеющие образных параллелей в других языках: норв. en modig maur "смельчак" (букв. "храбрый муравей"), шв. som två bär "очень похожи, совершенно сходны друг с другом" (букв. "как две ягоды").

8. Схождению первого типа с включением русского языка часто сопутствует наличие образно-семантических параллелей и в других (негерманских) языках: такого рода параллели могут быть выявлены только для нескольких языков (норв. som melk og blod, нем. wie Milch und Blut, русск. кровь с молоком, польск. krew z mlekiem, итал. latte e sangre), но могут носить, очевидно, и характер универсалий (ФЕ состава "правая рука" обнаружены во всех современных славянских,ро-

манских языках, в венгерском языке, многих тюркских языках, в монгольском, вьетнамском, индонезийском).

О.А. Бубенникова

(Москва)

СКАНДИНАВСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Иноязычные лексические заимствования могут представлять собой как новообразования, так и архаизмы. Диалектные инновации - заимствования, проникшие в диалекты при непосредственном контакте данных диалектов с тем или иным языком. Заимствования, вошедшие в литературный язык и утраченные им в последующие эпохи, но сохранившиеся в диалектах, представляют собой архаизмы.

Выделяются две группы заимствований непосредственно в диалекты английского языка. Первую составляют ранние заимствования, проникшие в северные диалекты, но не вошедшие в литературный язык; они сохранились на периферии. Кроме них выделяются непосредственные заимствования в шотландские диалекты более позднего периода (с конца XIУ - вплоть до начала XIX в.). Скандинавы, еще в XШ в. осевшие в северо-западных районах Шотландии, не имели возможности вступать в тесные контакты с шотландским населением юго-востока, поскольку были отделены от него горными грядами, на которых жили гэльские племена. Видимо, эти историко-географические факторы и обусловили характер и темпы процесса заимствования лексем, начавшегося, в основном, в XУ в.

В диалектах Шотландии практически нет заимствований из скандинавских языков в сфере торгово-ремесленной лексики, что указывает на отсутствие широких экономических связей между Шотландией и скандинавскими странами.

Скандинавские языки оказали глубокое влияние на лексику диалектов (прежде всего, шотландских). Глубина влияния определяется, в частности, наличием заимствований, обозначающих важные понятия (части тела человека, родственные отношения и т.п.). Заимствования из скандинавских языков - в основном,

конкретные существительные - обозначают простую пищу (обычно овсяную и молочную), посуду (чаще глиняную и деревянную), орудия труда, предметы домашнего обихода и пр., т.е.реалии, связанные с повседневной жизнью, трудовой деятельностью сельского населения. Абстрактные существительные, в основном, имеют узко-специальную семантику, обладая тенденцией к конкретизации.

Среди диалектизмов скандинавского происхождения значительную часть составляют стилистически-маркированные слова, в основном имеющие пейоративные коннотации, тогда как соответствующая общеанглийская лексема употребляется с нейтральной стилистической окраской. Углубление процесса стилистической дифференциации является весьма характерным для диалектов.

Основную часть диалектных слов скандинавского происхождения составляют лексемы, имеющие более или менее точные соответствия в литературном языке. Несоотносимые с литературным языком слова могут представлять собой либо специальные термины, либо историзмы.

Следует отметить, также лексемы скандинавского происхождения, вышедшие из употребления в литературном языке, но сохранившиеся в диалектах; это - либо общедиалектные лексемы, либо слова, сохранившиеся в каком-то одном территориальном массиве, либо лексемы, находящиеся в употреблении в отдельных, удаленных друг от друга районах.

Влияние скандинавских языков на английские диалекты (особенно, северные и шотландские) сказывается в том, что ряд исконно-английских слов, утраченных литературным языком, сохранился в диалектах благодаря поддержке со стороны этимологически тождественных фонетически и семантически схожих скандинавских слов (halse "шея" - ср. дисл. hals, bairn "ребенок" - ср. дисл. barn и т.д.).

Под влиянием соответствующих скандинавских слов могло происходить изменение семантики исконного английского слова в диалектах. Так, например, лексема литературного языка friend сохранила значение древнеанглийского слова freond, тогда как в шотландских диалектах эта лексема под влиянием семантики древнесканд. frændi приобрела значение "близкий

родственник".

Следует выделить также семантические диалектизмы, т.е. лексемы, которые функционируют и в диалектах и в литературном языке, но при тождестве звуковой оболочки обладают различиями в семантике: ban (дисл. banna в литературном языке имеет значение "запрещать", а в диалектах Шотландии, в северных и юго-восточных районах Англии означает "проклинать", "ругать" и т.п.

При изучении скандинавских заимствований в английских диалектах обращает на себя внимание наличие в последних этимологических дублетов, состоящих из общеанглийской и диалектной лексем, причем, обычно, скандинавской по происхождению является диалектная лексема.

Н.Н.Толстая, к.филол.н.

(Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ И СТИЛЕМ НОВЕЙШЕЙ ШВЕДСКОЙ ПОЭЗИИ

I. Под новейшей шведской поэзией понимается поэзия наших дней, стихотворная форма которой существенно, иногда полярно отличается от традиционных форм, сложившихся к концу XIX века.

2. Исследование проводилось на материале творчества пяти шведских поэтов. Четверо из них, по общему мнению шведской критики, являются наиболее крупными представителями современной шведской поэзии (Х.Мартинсон, Л.Форсель, Т.Транстрёмер, И.Сонневи), а единственный пока поэтический сборник пятого (К.Гланса) оценивается той же критикой как выдающийся дебют.

3. Если традиционная шведская поэзия четко обозначала избранную тему, раскрывала ее с последовательной логикой и брала на себя ответственность за определенный вывод, то новейшая шведская поэзия определенности предпочитает размытость, законченности - фрагментарность, изображая мир как явление преимущественно хаотическое, почти лишенное законо-

мерностей и мало понятное как читателю, так и самому автору.

4. Общим для новейшей поэзии является отношение к традиционной форме как к устаревшим рамкам, неоправданно стесняющим поэтическое творчество. Поэзия отказалась от разработанной звуковой формы, от традиционных стихотворных размеров и от рифмы.

5. Деление стихотворения на строфы, с точки зрения формальных признаков как правило не существующее, на самом деле сохранилось, но претерпело радикальные изменения.

Предлагается считать концом строфы строку, после которой вводится новое действие, новый персонаж, новая интонация (например, авторская речь переходит в речь героя и обратно). Как правило строфа имеет законченный ритмический рисунок, в котором есть начало, развитие и конец.

6. Отменив рифму, новейшая шведская поэзия не предложила компенсации. Между тем необходимость компенсации чувствуется. Подтверждением этого является наличие параллельных конструкций в начале строк, что вносит некоторую формальную организацию.

7. В шведской критике и литературоведении не случайно возник термин "прозаическое стихотворение", или "стихотворение в прозе". Лишенные признаков стихотворной формы стихи все чаще воспринимаются как экзальтированная проза. Отказ от стихотворной формы приводит иногда и к утрате синтаксических связей (ср. стихотворение Г.Экелёфа "Город, украшенный флагами").

8. Тенденции к неопределенности, внешней объективности, универсальности, всеобщности ведут, в частности, к обилию предложений с неопределенно-личными местоимениями man и en. Часты неполные предложения, нередко отсутствуют сказуемые.

9. Стремление к подражанию разговорной речи вызывает усиление роли инверсии. Если в традиционной поэзии инверсия часто диктовалась требованиями стихотворного размера и рифмы, то в новейшей поэзии, заведомо свободной от этих требований, инверсия воспринимается читателем так же, как в разговорной речи, то есть как способ выражения эмоции.

В.Л.Якуб, д.филол.н.
(Москва)

О ЯЗЫКЕ СААМОВ В СКАНДИНАВИИ

На территории скандинавского севера саамы образуют древнейшую этническую группу нацменьшинств. Саамский язык принадлежит к уральской семье финноугорской группы. Он распадается на ряд диалектов, между которыми нет четких границ, причем носители соседних диалектов легко понимают друг друга, тогда как общение между носителями тех диалектов, которые географически далеко отстоят друг от друга, бывает весьма затрудненным. Выделяют следующие основные диалекты (с востока на запад): кольско-саамский, сколто-саамский, инари-саамский, северо-саамский, лулео-саамский, питео-саамский, умео-саамский и южно-саамский. На территории Финляндии встречаются три из этих диалектов, в Швеции - пять и в Норвегии - три.

Отсутствие в истории саамского народа единого собирающего фактора, который оказал бы стабилизирующее воздействие на языковое развитие, привело к тому, что саамский язык никогда не обладал единой письменной нормой, а имеющиеся на сегодняшний день различия, прежде всего в области лексики, являют собой труднопреодолимое препятствие для языкового объединения. Первые печатные издания, появившиеся в разное время на саамском языке, строились на различных диалектных основах. Самая первая книга на саамском "Мануале Лаппоникум" Торнеуса (1648) была написана на торнео-саамском, первый перевод библии - "Тат Айлес Тьялог" (1811) был основан на умео-саамском, а на северо-саамском она вышла только в 1895 г.

Создание стандартной письменной основы затянулось чуть ли не до наших дней. Лишь в 1950-51 гг. Норвегия и Швеция договорились о совместной письменности для школ, тогда как Финляндия сохранила "финское" правописание. Совсем недавно созданы орфографические словари: для южно-саамского в 1978 г., для северо-саамского в 1979 г. и для лулео-саамского в 1981 г.

В школах саамские дети чаще изучают родной язык в каче-

стве второго языка после основного, скандинавского. Так, в Норвегии в 1980 учебном году северо-саамский и южно-саамский преподавался в 29 школах на территории 5 фюльке, и им занимались 1175 учеников (из общего количества 2696 учеников в этих школах). На территории норвежского севера функционируют лишь две государственные школы для саамских детей, и начальное обучение проходит около 80 ребят в год.

Подготовка учителей по саамскому языку осуществляется в университетах Осло и Тромсе; их количество еще недостаточно.

Отсутствие единой письменной нормы способствовало сохранению диалектных различий и затрудняло общение между саамами на родном языке. Это приводит также к тому, что сами саамы нередко предпочитают общение на языке большинства населения данной страны. Для укрепления позиций родного саамского языка в семье и в школе саамы нуждаются в активной помощи властей, в частности, необходимы новые реформы и разработка общесаамских письменных норм.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

	стр.
Астафьева М.Л.	49
Бабушкина Е.В.	II7
Безрукова М.И.	47
Берков В.П.	96
Веспятых Н.Н.	98
Бойко В.Г.	I22
Брауде Л.Ю.	7
Бубенникова О.А.	I40
Быстрова О.И.	III
Васильев Б.И.	46
Вербицкая Е.В.	78
Воронин В.Т.	II5
Воронкова Г.В.	80
Гвоздецкая Н.Ю.	66
Геринг А.Г.	I33
Голованова В.Г.	54
Григорьева Л.Г.	33
Гуревич Е.А.	67
Егорова Т.П.	75
Ерхов Б.А.	I3
Ершова И.А.	69
Еськина Л.А.	32
Ефремова В.В.	24
Жаров Б.С.	I0I
Жежерун Э.А.	25
Жильцова Е.Л.	I24
Иваницкий В.В.	92
Карху А.А.	44
Клейнер Ю.А.	83
Комарова О.А.	I3I
Косарева А.В.	43
Красавченко Т.Н.	II
Круглова Н.С.	9I
Кузнецов С.Н.	I09
Кузьменко Ю.К.	8I
Кульчицкий Е.А.	I20
Куприянова И.П.	30
Леушева В.В.	94
Локштанова Л.М.	98
Маслова-Лашанская С.С.	I29
Матюшина И.Г.	62
Мацевич А.А.	23
Михалкова Т.К.	II3
Михеева Г.В.	56
Мохов Н.Н.	52
Мулламаа И.К.	I34
Мухина Т.Д.	39
Мянник М.Э.	5I
Неделяева-Степонавичене С.И.	89
Неустроев В.П.	9
Нецецкая М.Г.	59
Новакович А.С.	I35
Новикова Г.И.	II9
Образцова А.Г.	50
Орлова И.Б.	I9
Панкратова Э.Л.	27
Переслегина Э.В.	28
Погодина Н.Е.	I05
Раевский М.В.	85
Раудар М.Н.	35
Ренне Е.П.	38
Репецкая Э.Б.	I07
Рождественский О.В.	2I
Сергеев А.Б.	I3
Сквайрс Е.Р.	72
Смирницкая О.А.	60

стр.

Сойни Е.Г. 4I
Солодуб Ю.П. I38
Толстая Н.Н. I42
Умарова Б.С. 73
Усков А.И. I27
Халипов С.Г. 90
Хачатурян Д.К. I4
Храповицкая Г.Н. I7
Чекалина Е.М. I02
Чекалов И.И. 64
Чернявский Е.М. 6
Шатков Г.В. 4
Якуб В.Л. I44

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Секция VI. Литература и искусство

I. Подсекция литературоведения

Г.В.Шатков (Москва).Идея мира в скандинавских литературах 4
Е.М.Чернявский (Москва). Антимилитаристские традиции в творчестве Л.Хольберга 6
Л.Ю.Брауде (Ленинград). Гуманистическая проза Адама Эленшлегера 7
В.П.Неустроев (Москва). Классика в движении времени (к проблеме личности и среды у Ибсена и Стриндберга) 9
Т.Н.Красавченко (Москва). Генри Джеймс и Ибсен II
Б.А.Ёрхов (Москва). Антивоенная тема в творчестве Августа Стриндберга I3
Д.К.Хачатурян (Москва). Поздние пьесы Стриндберга в прочтении современных драматургов. I4
А.В.Сергеев (Москва). Роман "Тине"- антивоенное и антимилитаристское произведение Германа Банга. . . . I6
Г.Н.Храповицкая (Москва). Традиции Ибсена в символике драмы К.Гамсуна "У врат царства" I7
И.Б.Орлова (Москва). Гуманистическая направленность жанров афоризма и эссе в шведской литературе I9
О.В.Рождественский (Москва). Проблема "потерянного поколения" в романах Тома Кристенсена "Другой" и "Разрушение" 2I
А.А.Мацевич (Москва). История и современность в творчестве Эйвинда Юнсона 23
В.В.Ефремова (Москва). Роман Вильхельма Муберга "Солдат со сломанной винтовкой" 24
Э.А.Жежерун (Киев). Историческая проза Ивара Лу-Юхансона 25
Э.Л.Панкратова (Москва). К проблеме авторской позиции в романах Юхана Боргена 60-х годов 27

Э.В.Переслегина (Москва). Антивоенная тема в творчестве В.-А.Линнеманна 28
И.П.Куприянова (Ленинград). Датская реалистическая проза на современном этапе (Дилогия А.Бодельсена "Хорошие времена" и "За годом год") 30
Л.А.Еськина (Москва). К вопросу о романе-предупреждении в современной шведской литературе 32
Л.Г.Григорьева (Москва). Скандинавский рабочий роман 70-х годов. Традиции и новаторство 33
М.Н.Раудар (Тарту). Север и Скандинавия в лирике Ал. Блока 35

2. Подсекция искусствоведения

Е.П.Ренне (Ленинград). М.Даль и портрет его работы в Эрмитаже (К вопросу о шведско-английских художественных контактах конца ХУП - начала ХУШ вв.). 38
Т.Д.Мухина (Москва). Развитие демократических тенденций в скандинавской и русской жанровой живописи второй половины XIX - начала XX века (Из истории русско-скандинавских художественных связей). . . 39
Е.Г.Сойни (Петрозаводск). Н.К.Рерих в финской критике 41
А.В.Косарева (Москва). Некоторые тенденции в развитии медальерного искусства Швеции и Финляндии в 1960-е - 1970-е годы 43
А.А.Карху (Москва). Эволюция и основные тенденции в развитии финского дизайна в период 1950 - 1970 годов 44
Б.Л.Васильев (Ленинград). Борьба за сохранение национальных традиций в архитектуре скандинавских стран 46
М.И.Безрукова (Москва). Финские и скандинавские художественные выставки в СССР - вклад в культурный обмен между народами (К истории художественных контактов в 1950 - 1970-е годы) 47
М.Л.Астафьева (Москва). Традиционное и новаторское в норвежском театре 1970-х годов 49

А.Г.Образцова (Москва). Драматургия Хеллы Вуолийоки и традиции русской классической драмы рубежа XIX XX веков 50
М.Э.Мянник (Таллин). О распространении и восприятии финской музыки в Эстонии в начале XX века 51
Н.Н.Мохов (Москва). Некоторые особенности скандинавского симфонизма первой половины XX столетия 52
В.Г.Голованова (Ташкент). Некоторые закономерности развития художественной культуры Швеции в 1950-е - 1970-е годы 54
Г.В.Михеева (Ленинград). Межгосударственное сотрудничество скандинавских библиотек 56

Секция VII. Языкознание

М.Г.Нецецкая (Москва). Древнеисландское ggj, готское ddj 59
О.А.Смирницкая (Москва). О фономорфологической основе аллитерационного стиха (эддическая и скальдическая метрика) 60
И.Г.Матюшина (Москва). Неканонизированные звуковые повторы в эддической поэзии 62
И.И.Чекалов (Ленинград). О структурно-стилистической функции повторов в "Песнях о Велюнде" 64
Н.Ю.Гвоздецкая (Иваново). Лексико-семантическое поле радости в "Старшей Эдде" и "Беовульфе" 66
Е.А.Гуревич (Москва). Некоторые вопросы скальдической синонимики 67
И.А.Ершова (Москва). О некоторых особенностях германского именного словосложения в древнеисландском языке 69
Е.Р.Сквайрс (Москва). Древнеисландская гиппологическая лексика 72
Б.С.Умарова (Ташкент). Названия тканей в древнеисландском языке 73
Т.П.Егорова (Москва). К вопросу о хронологии скандинавских топонимических формантов 75
Е.В.Вербицкая (Ленинград). Акустические характеристики датских гласных 78

Г.В.Воронкова (Ленинград). О фонологическом статусе "толстого l" в норвежском языке 80
Ю.К.Кузьменко (Ленинград). Функция датского толчка. . . 81
Ю.А.Клейнер (Ленинград). О происхождении датского толчка 83
М.В.Раевский (Москва). Скандинавское преломление: фонетический механизм и условия его проведения 85
Н.Н.Беспятых (Ленинград). Шведские и английские [ω:] и [H] 88
С.И.Неделяева-Степонавичене (Вильнюс). Особенности функционирования сложных слов в речи (на материале скандинавских и балтийских языков) 89
С.Г.Халипов (Ленинград). Артиклевое оформление постоянного предикатива 90
Н.С.Круглова (Ленинград). Некоторые случаи употребления аналитической формы компаратива в норвежском языке 91
В.В.Иваницкий (Кемерово). Типы аспектуального контекста в шведском языке 92
В.В. Леушева (Москва). Роль s-пассивных форм глагола в формировании различных структурно-коммуникативных типов предложения в шведском языке 94
В.П.Берков (Ленинград). "Двойная" пассивная конструкция в норвежском языке 96
Л.М.Локштанова (Москва). О принципах "разрешения" грамматической омонимии видо-временных форм индикатива и косвенных наклонений в датском языке . . 98
Б.С.Жаров (Ленинград). Субституция в новодатском языке (ХУI-ХУШ вв.) 101
Е.М.Чекалина (Москва). Атрибутивное употребление причастия в шведском языке 102
Н.Е.Погодина (Москва). "Монопредлоги" и проблема синонимичных отношений в системе шведских предлогов 105
Э.Б.Репецкая (Москва). К вопросу об употреблении модальных слов и частиц в датском языке 107
С.Н.Кузнецов (Москва). Эмотивная характеристика высказываний в датском языке 109

О.И.Быстрова (Москва). Способы выражения побуждения в датском языке III
Т.К.Михалкова (Ленинград). Особенности сочетания модального и смыслового глагола в зависимости от их места относительно друг друга в датском языке II3
В.Т.Воронин (Москва). Некоторые структурно-семантические особенности сложного глагольно-именного сказуемого в норвежском языке. II5
Е.В.Бабушкина (Москва). О закономерных "нарушениях" правила согласования времен в датском языке . . . II7
Г.И.Новикова (Москва). О некоторых особенностях структуры сложноподчиненных предложений с временными придаточными в шведском языке II9
Е.А.Кульчицкий (Москва). Особые случаи употребления временных союзов в датском языке I20
В.Г.Бойко (Москва). Об использовании супина и перфектных форм в придаточных предложениях причины в шведском языке I22
Е.Л.Жильцова (Москва). О структуре и значении наречно-соотносительных сложноподчиненных предложений с придаточным, вводимым союзом att, в шведском языке I24
А.И.Усков (Москва). Соотношение семантики være в качестве полнозначного глагола и семантики простого предложения в датском языке I27
С.С.Маслова-Лашанская (Ленинград). Метафора и динамика лексико-семантических групп (на материале шведского языка) I29
О.А.Комарова (Ленинград). О структуре эвфемизмов в норвежском языке I3I
А.Г.Геринг (Москва). О роли англо-американской лексики в художественной прозе на датском языке . I33
И.К.Мулламаа (Тарту). Оценочный аспект общественно-политической лексики в передовых статьях шведской прессы I34
А.С.Новакович (Москва). О полисемии фразеологических единиц в датском языке I35

Ю.П.Солодуб (Москва). К проблеме сопоставительного изучения изосемантических групп по фразеологии близкородственных и неблизкородственных языков 137
О.А.Бубенникова (Москва). Скандинавские заимствования в диалектах английского языка 139
Н.Н.Толстая (Ленинград). Некоторые наблюдения над языком и стилем новейшей шведской поэзии 141
В.Л.Якуб (Москва). О языке саамов в Скандинавии . . . 143

Указатель авторов 145